

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

Сборник научных статей

ВЫПУСК 4

Материалы IV Международной научной конференции,
посвященной 110-летию Саратовского университета
(Саратов, 17 мая 2019 г.)

Под редакцией В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой

Саратов
Издательство «Саратовский источник» – 2019

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43
И 90

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор
Варфоломеев Юрий Владимирович,
доктор исторических наук, профессор
Эльфонд Ирина Яковлевна

И 90 Историческое прошлое и образы истории: Сборник научных статей (материалы IV Международной научной конференции, посвященной 110-летию Саратовского университета, Саратов, 17 мая 2019 г.). Вып. 4 / под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. – 227 с.

ISBN 978-5-6043808-0-2

В сборник вошли материалы IV Международной научной конференции «Историческое прошлое и образы истории», которая была организована кафедрой отечественной истории и историографии, кафедрой всеобщей истории СГУ и Саратовским отделением РОИИ. Конференция проводилась в честь 110-летия Саратовского университета и проходила в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского 17 мая 2019 года.

В сборнике представлены статьи участников конференции, в которых рассматриваются различные аспекты социальной, политической, социокультурной и интеллектуальной истории России, стран Запада и Востока, история образов и представлений, проблемы исторической памяти и национальной идентичности.

Для специалистов и всех интересующихся историей.

УДК 94(47+100)(082)
ББК 63.3(2)я43+63.3(0)я43

ISBN 978-5-6043808-0-2

© Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И ОБРАЗЫ (ОПЫТ ЗАПАДА И ВОСТОКА)

Е. С. Носова (Москва)

КОНУНГ КАК ОБЪЕКТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ СКАНДИНАВСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Аннотация: в статье рассматривается феномен сакральной власти конунгов в эпоху господства традиционных представлений в Скандинавии на примере обряда жертвоприношения. Истоки происхождения сакральной власти правителя отражены в «Саге об Инглингах», в скальдических стихах и мифологических песнях и указывают на конструирование особой политической реальности, глубинным смыслом бытия, которой выступает религиозно-мистический компонент, сквозь призму которого происходило подтверждение сакральной власти правителя непосредственно через ритуал жертвоприношения.

Ключевые слова: конунг, курган, сакральная жертва, жертвоприношение, Скандинавия

E. S. Nosova (Moscow)

KONUNG AS THE OBJECT OF SACRIFICE: ON THE QUESTION OF SCANDINAVIAN RULERS' SACRED POWER

Abstract: The article examines the phenomenon of the Konungs' sacred power in the era of the traditional ideas' dominance in Skandinavia in the case of the sacrifice rite. The origin of the ruler's sacred authority is reflected in the Ingling Saga, in skaldic verses and mythological songs, and it indicates the construction of a special political reality, the implication of which is the religious and mystic component, and through its prism the sacred authority of the ruler was confirmed directly by the means of the sacrifice ritual.

Keywords: konung, tumulus, sacred sacrifice, sacrifice, Scandinavia.

В отечественной и зарубежной медиевистике в последние десятилетия возрастает интерес к изучению ментальных представлений о сакральной власти средневековых правителей. Данный интерес

продиктован не только стремлением выявить те закономерности исторического развития, которые нельзя объяснить с точки зрения политико-экономических и социальных факторов, но также обусловлен желанием верифицировать накопленные теоретические знания о сакральной власти правителя.

Научное осознание процессов освящения королевской власти и создания сакрального образа правителей в эпоху средневековья относится к началу XIX в. Введение в середине XX в. в научный оборот понятия «ментальность» дало возможность исследователям рассмотреть с новой точки зрения комплекс проблем, связанных с сакрализацией власти: интерпретация образа правителя и его восприятие поданными, коммуникативные функции власти, особенности складывания королевских ритуалов. В частности, одним из актуальных направлений в данной области исследования явилось изучение формирования истоков сакрализации власти правителя в контексте традиционных верований. Согласно выводам Э. Сервиса [1], Р. Коэна [2], Х.М. Классена [3] истоки сакрализации власти правителя в период господства традиционных верований необходимо искать в области мифологических представлений и ритуально-обрядовой практике. М. Мосс [4] и М. Элиаде [5], проанализировав многочисленные ритуальные обряды жертвоприношений, выявили закономерность процессов сакрализации власти правителей для различных культур. Й. Шйодт [6] и О. Сандквист [7] изучили проблематику взаимодействия религии и ритуала на примере скандинавской мифологии. Особое внимание они обратили на специфику источниковедческого материала. Дело в том, что Старшая Эдда [8], Младшая Эдда [9], Круг Земной [10] и скальдические стихи [11] были записаны в XIII в., хотя повествование идет о событиях VI—X вв. Вполне естественно, что значительный временной промежуток, разделяющий время устного бытования саг и время их письменной фиксации, наложило отпечаток на имеющуюся в них информацию, потому что семантическое пространство текста подчинено законам социального программирования. В связи с этим многие исследователи, в частности У. Батке [12], говорили о невозможности реконструкции традиционных представлений скандинавов, так как многие сведения о языческих ритуалах и обрядах подвергались трансформации под влиянием христианского вероучения. Действительно, в источниках фиксируется большое количество исторических и лингвистических наслоений, относящихся ко времени XIII—XIV вв., но мы не должны исключать того положе-

ния, что многие устоявшиеся обычаи и ритуалы, существовавшие в обществе на протяжении несколько столетий, не могли внезапно исчезнуть. Они продолжали жить и существовать в обществе «безмолвствующего большинства». А.Я. Гуревич обратил внимание на то, что скандинавский материал отличался чрезвычайной традиционностью. Мы можем говорить об изменении мировоззрения людей с течением времени, но в их памяти обычаи и ритуал оставались практически без изменений. Отношение общества к обычаю было таково, что радикальные изменения не допускались. Традиционный образ жизни скандинавов, менявшийся больше на поверхности, чем по существу, исключал какие-либо серьезные сдвиги в обычае и ритуале [13, с. 247].

В качестве дополнительного материала привлекается исторический труд Публия Корнелия Тацита «Анналы» [14] и средневековое латиноязычное сочинение Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» [15].

Основная идея мифологического мышления германских племен сводится к тому, что мир делится на мир людей и мир богов, который в свою очередь делится на множество других миров. Данные миры не только не отделены друг от друга, но они слиты в единое целое и пронизывают все сущее своим присутствием, поэтому для осуществления коммуникации двух миров необходимо соблюдать определенные ритуалы и обряды.

Дж. Фрэзером [16] и К. Леви-Стросом в «Мифологии» [17] были сформулированы два основных способа коммуникации с богами. Первым способом является обмен подарками по принципу *doutdes* (я даю тебе, чтобы ты дал мне), второй способ — это идея принесения в жертву определенного объекта и поедания жертвенной еды, через которую осуществляется коммуникация с богами.

Вторая категория жертвоприношения присуща германским племенам и была зафиксирована римским историком Тацитом в I в. н.э: «...посреди поля... были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружили жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий» [14, с. 69]. В более поздний период обычай принесения человеческого жертвоприношения описывается Адамом Бременским, миссионером из Гамбург-Бременского архиепископства: «Вот как происходит жертвоприношение. Из всей живности мужского пола приносятся девять голов: их кровью принято умилять богов.

Тела же их развешиваются в роще, которая находится рядом со святилищем. Ибо та роща священная для язычников, так что ее деревья считаются божественными. Вместе с людьми там также висят собаки и лошади. Священнодействия и подобные жертвоприношения происходят девять дней. Каждый день вместе с животными приносится один человек. Всего приносится в жертву около 72 живых существ» [15, с. 436]. К. Леви-Строс объясняет данную сакральную функцию жертвоприношения с точки зрения установления контактов между мирами богов и людей с целью обеспечить благой порядок жизни [17]. В публичных жертвоприношениях достижение эффективной связи со священной силой достигалось через кровавые человеческие жертвоприношения, что порой приравнивалось к повторению изначального акта сотворения мира и должно было способствовать возобновлению всех форм жизни и природного бытия в целом.

В жертву богам, как правило, приносились рабы и военнопленные, но в «Саге об Инглингах», которая была записана Снорри Стурлуссоном и входит в цикл королевских саг «Круга Земного», фиксируется случай принесения в жертву конунга. «Домальди ... правил страной. В его дни в Швеции были неурожаи и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и порешили, что в неурожайе виноват Домальди, и что надо принести его в жертву — напасть на него, убить и обогреть алтарь его кровью. Это и было сделано... После этого в стране наступил урожай и мир» [10, с. 18]. Из данного отрывка явствует, что правитель Швеции выступил как объект жертвоприношения. По мнению У. Батке данный отрывок не следует рассматривать в контексте существования сакральной власти скандинавских правителей. Данный эпизод необходимо трактовать с точки зрения того, как народ избавился от неудобного правителя, потому что он не выполнил своих функций, но это противоречит словам Снорри Стурлуссона, где напрямую указывается на то, что это была одна из самых ценных жертв. «В стране наступил урожай и мир», потому что конунг стал той жертвой, которая была угодна богам. В пользу данного предположения можно найти сведения в письменных и археологических источниках, в которых

фиксируются представления о восприятии сакральной власти конунга в средневековой Скандинавии.

Для начала необходимо обратить внимание на этимологию имен норвежских и шведских конунгов из династии Инглингов, которая свидетельствует о связи с именем бога плодородия Фрейра и косвенно указывает на сакральность королевской власти в Скандинавии. В «Саге об Инглингах» «Фрейр стал правителем после Ньёрда. Его называли владыкой шведов... При нем были такие же урожайные годы, как и при его отце, и его так же любили... Его почитали больше, чем других богов, потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам... Фрейра звали также Ингви. Имя Ингви долго считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами» [10, с. 16].

В основе имен конунгов династии Инглингов лежал корень *frö*, *frá* или *guf*, связанный с именем бога плодородия — Фрейром. Иногда в скальдической метрике вводились обороты, дополнительно акцентирующие божественное происхождение представителей династии Инглингов. Например, отпрыски Фрейра — *Freysafsspring*, или потомок Фрейра — *Freys áttungr*. По мнению О.А. Смирницкой, появление таких оборотов было связано не столько со стремлением подчеркнуть тот факт, что правители являются отпрысками Фрейра, сколько использовать слово «бог» в единственном числе [18, с. 115—116]. Конунг — он один подобен богу.

Указание на божественное происхождение власти конунга также присутствует во «Второй песне о Хельге убийце Хундинга», в одной из мифологических песен «Старшей Эдды». Один приглашает править конунга Хельги с ним наравне [8, с. 201]. Социально-политический статус конунга в Вальхалле равен статусу верховного бога. В связи с этим можно предположить, что правителя могли принести в качестве сакральной жертвы точно так же, как Один принес себя в жертву, повесившись на Мировом Дереве [8, с. 64—65]. И подтверждение этому предположению можно найти в скальдических стихах «Перечень Инглингов» Тьодольва из Хвинира, где описывается ритуальная смерть «священного короля».

*В давние дни
Князьей кровью
Воины поле
Окропили,*

*Рдяную сталь
От остылого тела
Ворога ютов
Несло войско,
Когда закланью
Домальди предал
Свейский род
Урожая ради [18, с. 146].*

Для того, чтобы подчеркнуть ритуальный характер смерти, Тьодольв использует глагол *sóa*, который применяется исключительно в контексте принесения священной жертвы.

Божественное происхождение предполагало соответствующее погребение. Скальд Тьодольв из Хвинира упоминает места погребения конунгов, и его сведения нашли убедительное подтверждение благодаря археологическим раскопкам, произведенным С. Линдквистом [19] и Б. Нерманом [20]. Например, в Швеции, в старой Уппсале, расположены три могильных королевских кургана, датированные V и VI вв. В них, по преданию, захоронили конунгов Ауна, Эгиля и Адильса. Близ Венделя в Уппланде находится другой курган, где похоронили Отгара по прозвищу Вендильская ворона [10, с. 26]. Другие два захоронения, связанные с персонажами «Саги об Инглингах», обнаружены в Норвегии. Предполагается, что в Гокстаде погребен Олав из Гейрстадира, а в кургане Осеберг — жена Гудрёда Асу.

Сакральность захоронения в кургане была определена следующей традицией. Считалось, что все потомки Фрейра должны быть захоронены в курганах. «Фрейр заболел, и, когда ему стало совсем плохо, люди стали совещаться, и никого не пускали к нему. Они насыпали большой курган и сделали в нем дверь и три окна. А когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года [10, с. 16]. С тех пор могильные курганы почитались как святилище рода династии Инглингов. Интересно обратить внимание на следующую деталь: во многих королевских и родовых сагах присутствует мотив заранее приготовленного смертного ложа в кургане. Возможно, объяснение данному феномену следует искать с точки зрения ритуального самоубийства, когда человек заранее готовится к смерти. В контексте нашего исследования можем предположить существование практики впускных погребений, связанных с представлением о кургане как об одной из локаций, находящихся на границе двух миров. Это

промежуточное пространство является одновременно локусом человеческого и потустороннего (божественного) мира и превращается в место, где возможно осуществление общения живых и мертвых. В связи с этим курганы вплоть до официального принятия христианства воспринимались как объекты культа и считались объектами табуированными, повреждение которых могло навлечь беду на того, кто это сделал. В судебныхниках курганы упомянуты как «blóthaugar» — жертвенные курганы. В сагах имеется несколько упоминаний о жертвоприношении на курганах. Например, в «Саге об Олаве Святом» жертвоприношение на кургане связывается с тем, что язычники продолжали поклоняться конунгу после его смерти [10, с. 371—372]. В данном контексте речь идет о поклонении умершему конунгу, подобно умершему богу Фрейру, в кургане. Это дает нам основания говорить о том, что в сознании людей сохранилось представление о высоком общественном статусе конунга, который мог повлиять на их судьбы и на природные силы, даже после смерти правителя. Вышеприведенные примеры позволяют говорить о существовании в раннесредневековом скандинавском обществе представлений об обладании конунгом сверхъестественной силы как представителя богов. Следовательно, он выступал как лидер культа [21, s. 95] и вполне был подходящей сакральной жертвой, поскольку обладал сверхъестественными качествами (например, умел общаться с богами, или его потомки вели свой род от бога). С данной точки зрения, существует внутренняя логика: короли ближе к богам, они обладают сакральной властью, поэтому жертва в виде правителя имеет двойную ценность.

Таким образом, несмотря на фрагментарность сведений о существовании сакральной власти конунгов в эпоху господства традиционных представлений в Скандинавских странах, мы можем обнаружить в источниках акцентирование различных аспектов власти правителя, указывающее на божественное ее происхождение. В скальдических стихах и мифологических песнях употребляются определенные словосочетания, связанные с божественным происхождением власти. Археологические источники свидетельствуют о том, что определенный тип погребения связан с могущественными людьми, где возможно осуществление контакта человека с богами. Вследствие этого мы можем предполагать, что конунг мог выступать как объект жертвоприношения с точки зрения принесения сакральной жертвы во имя благоденствия и мира в стране.

Список источников и литературы:

1. *Service E.* Primitive social organization. N. Y., 1962.
2. *Cohen R.* State Foundation: a controlled comparison // *The Origins of the State.* Philadelphia, 1978. P. 141—160.
3. *Claessen H.J.M.* The early state: theories and hypotheses. Hague, 1978.
4. *Мосс М.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного. Избранные произведения. СПб., 2000. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/112010/07112010-09a.html> (дата обращения: 05.04.2019).
5. *Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
6. *Schodt J.P.* Ideology of the ruler in pre-christian Scandinavia: mythic and ritual relations // *Viking and Medieval Scandinavia.* Vol. 6. Belgium, 2010. P. 161—194.
7. *Sundqvist O.* Cult leaders rules and religion // *The Viking World/ ed. S.Brink,* London, 2008. P. 223—226.
8. Старшая Эдда / пер. с древнеисланд. А. Корсуна. СПб., 2000.
9. Младшая Эдда / пер. с древнеисланд. О.А. Смирницкой, М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1970.
10. *Стурлусон С.* Круг Земной / пер с древнеисланд. А.Я. Гуревича. М., 1995.
11. Поэзия скальдов / пер с древнеисланд. С.В. Петрова. Л., 1979.
12. *Baetke W.* Yndvi und die Ynglingar: eine quellenkritische untersuchung uber das nordische «Sakralkönigtum», *Sitzungsberichte der Sächsichen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil.-Hist. Klasse 109:3.* Berlin, 1964.
13. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Древние германцы. Викинги. М., 2016.
14. *Тацит П.К.* Анналы. История. М., 2005.
15. *Бременский А.* Деяния архиепископов гамбургской церкви // *Немецкие анналы и хроники X—XI столетий / пер В.В. Рыбакова.* М., 2012. С. 297—449.
16. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 2012.
17. *Леву-Строс Кл.* Мифология. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/antropologija/levi_stros_klod_mifologiki_v_4_tomakh/5-1-0-1023 (дата обращения: 05.04.2019).
18. *Смирницкая О.А.* Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М., 2005.
19. *Lindquist S.* Uppsala högar och Ottarshögen. Stockholm, 1936.
20. *Nerman B.* Ynglingasagan i arkeologisk belysning // *Fornvännen.* 1917. Bd. XII. P. 226—261.
21. *Birkeli E.* Fedrekult i Norge. Oslo, 1938.

А. А. Конопленко (Саратов)

**ПСКОВСКО-ЛИВОНСКИЕ ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
КОНЦА XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV ВЕКА В КОНТЕКСТЕ
ВЛАСТНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ И ИМПЕРАТИВОВ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА И ПСКОВА**

Аннотация: В статье рассматривается политическая ситуация, сложившаяся в конце XIII – первой трети XIV в. в отношениях между Псковом и Ливонским ландмейстерством Тевтонского ордена, анализируются вооруженные столкновения 1299 и 1322–1323 гг. Выявляется связь рассматриваемых военных конфликтов с событиями внутренней ливонской истории, а именно с междоусобной войной между рижским архиепископом и Ригой, с одной стороны, и Тевтонским орденом с другой. Делается вывод об обусловленности псковско-орденских отношений связями Пскова с Великим княжеством Литовским, сложностью взаимоотношений Пскова и Новгорода, существованием военно-политических блоков, представленных ливонскими государственно-политическими силами, русскими княжествами, литовцами.

Ключевые слова: Псков, Новгород, Тевтонский орден, Ливония, Рижское архиепископство, Рига, Великое княжество Литовское, русско-ливонские отношения.

А. А. Konoplenko (Saratov)

**PSKOV-LIVONIAN ARMED CONFLICTS
IN THE END OF THE 13th – THE FIRST THIRD OF THE 14th
CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE POWER CLAIMS
AND IMPERATIVES OF THE TEUTONIC ORDER'S AND PSKOV'S
FOREIGN POLICY**

Abstract: In the article the political situation at the end of the XIII – the first third of the XIV centuries concerning the relations between Pskov and the Livonian Order are considered and armed conflicts of 1299 and 1322–1323 are analyzed. The connection of the considered conflicts with internal Livonian history events, namely with the internecine war between the Archbishop of Riga and Riga, on the one hand, and the Teutonic Order, on the other, is revealed. A conclusion is made that the relations between Pskov and Teutonic Order were due to the connections of Pskov with the Grand Duchy of Lithuania, the complexity of the relations between Pskov and Novgorod, the existence of military-political blocs represented by the Livonian state-political forces, the Russian principalities, the Lithuanians.

Keywords: Pskov, Novgorod, Teutonic Order, Livonia, Riga Archdiocese, Riga, Grand Duchy of Lithuania, Russian-Livonian relations.

В начале XIII столетия в сложных условиях немецкого и датского завоевания Ливонии, коренного изменения государственно-политической картины в регионе политика Пскова была направлена на установление с крестоносцами мирных и даже союзнических отношений [1, с. 744; 2, с. 79]. После войны 1240—1242 гг. в условиях возрастающего напряжения в отношениях с западными соседями Псков ориентируется на альянс с Литвой, видя в ней наиболее вероятного союзника в военных столкновениях с ливонскими немцами [3, с. 114]. После окончательного покорения крестоносцами Пруссии в 1283 г. и завоевания Земгалии в 1290 г. литовские земли начинают регулярно подвергаться опустошительным орденским вторжениям и с запада, и с севера [4, с. 398; 3, с. 10—11]. В этой ситуации литовцы оказываются естественными союзниками Пскова. С другой стороны, Псков видел в Литве противовес влиянию Новгорода, угрожавшего его стремлению к политической самостоятельности [3, с. 114].

В этой связи оказывается закономерным приглашение на псковский стол литовских князей, первым из которых стал знаменитый Довмонт (Тимофей) (1266—1299), в правление которого Псков фактически перестал зависеть от Новгорода и все более втягивался в орбиту влияния Литвы [3, с. 285; 5, с. 236]. Князь Довмонт стал известен успешной борьбой с ливонцами.

Последнее в XIII в. военное столкновение Пскова и Довмонта с ливонскими соседями имело место в марте 1299 г. Сведения об этом ливонском походе содержатся только в русских летописных источниках. Для установления его причин необходимо обратиться к внутренним событиям ливонской истории. Как известно, в 1237 г. меченосцы были инкорпорированы в состав Тевтонского ордена. На их землях было создано Ливонское ландмейстерство, которое унаследовало от меченосцев подчинение рижскому епископу (с 1255 г. — архиепископу).

К 1290 г. Тевтонский орден завершил завоевание Пруссии и Ливонии, что позволило ему перейти к политическому обустройству своего государства. Прежде всего, он начинает наступление на позиции прусских епископов, добившись инкорпорирования их епархий в свою церковно-политическую структуру (кроме Вармийского епископства) [6, с. 150; 7, с. 305—308].

В Ливонии ситуация была гораздо более сложной для реализации Орденом политики, подобной прусской. Епископы здесь изначально находились в меньшей зависимости от военной поддержки

Ордена. Рижский, дерптский и эзель-викский епископы имели статус имперских князей. Главными противниками братьев-рыцарей стали рижские архиепископы, опиравшиеся на богатую Ригу, экономического конкурента Ордена [8, с. 304—310].

В 1297 г. в Ливонии разразился открытый военный конфликт. После первых успехов Ордена ситуация резко осложнилась вступлением в войну на стороне рижан литовского князя Витеня. 1 июня 1298 г. ливонские братья-рыцари потерпели тяжелое поражение от литовцев. В битве пали ливонский ландмейстер Бруно и 22 орденских рыцаря. Только привлечение рыцарей из Пруссии позволило Ордену нанести ответное поражение литовцам и рижанам 29 июня 1298 г. при Нейермюлене [9, с. 156; 10, s. 709]. Однако этот успех отнюдь не означал окончательной победы Ордена в войне.

В таких военно-политических условиях и состоялся поход на Псков 1299 г. Из одного краткого сообщения «Сказания о Довмонте» следует, что накануне ливонского похода, в 1298 г., ранее сентября, то есть тем самым летом, когда война с Ригой и Литвой приобрела для Ордена особенно острый характер, Довмонт «еха с мужи своими псковичи, и плени землю их [немцев — А. К.] и села чюдская пожже, и полона много приведоша в землю свою» [11, с. 18]. Очевидно, речь идет о походе на населенные эстами земли Дерптского епископства.

О ливонском походе в «Сказании о Довмонте» сообщается: «Изгониша немци изгонною ратью посаду Пскова... оступиша град Псков, хотяще его плънити. Боголюбивый же князь Тимофей не стерпѣ дождати мужь своихъ болшея рати и выехал с малою дружиною с мужи съ псковичи... противо имъ вполчився. Помощью Святыя Троица у святого Петра и Павла на бѣрезѣ удари на нихъ; и бысть съча зла, якоже николиже не бывала у Пскова, и раниша самого мендѣря по главѣ, а вельневици, изъймавѣ, посла к великому князю Андрѣви, а прочий вскорѣ повергъша оружиа и устрѣмившася на бѣгъ страхомъ грозы храборства Домонтова и мужь его псковичь» [2, с. 86].

Упоминание в приведенном тексте «мендѣря» (по Второй Псковской летописи — «коумендеря») позволяет заключить, что поход был предпринят силами Ордена и возглавлял его один из орденских управителей. Указанные же пленные «вельневици» позволяют предположить, что в нападении участвовали рыцари из ор-

денского отделения в Феллине. То есть в марте 1299 г. ливонские рыцари, едва достигнув некоторого успеха в борьбе с враждебной им коалицией, в сложной для них обстановке предприняли поход на Псков. Исходя из того, что ливонцы, не ограничиваясь опустошением сельской округи, нанесли удар по Пскову, разграбив посад, можно заключить, что это был не просто грабительский набег, и силы ливонцев были достаточно серьезны, хотя и недостаточны для взятия города. Таким образом, ливонский поход 1299 г. мог носить, по большей части, демонстративный характер с целью удержать псковскую сторону от нового вмешательства в ливонские дела. То есть псковско-ливонский конфликт 1299 гг. оказывается связан с противоборством политических сил внутри Ливонии.

Следующим псковско-ливонским вооруженным конфликтом стала война 1322—1323 гг. Согласно псковским летописям, осенью 1322 г. немцы перебили псковских купцов и рыболовов на Чудском озере и реке Нарове, а также пограбили пограничные с Ливонией псковские территории [12, с. 15].

Думается, причины назревавшей войны были связаны с внешнеполитическими приоритетами Пскова и его связями с Литвой. К началу 1320-х гг. вновь вступает в острую фазу внутриливонский конфликт. С другой стороны, усиливаются позиции Литвы, существенно окрепшей под властью Гедимина (1316—1341) и перешедшей в активное наступление на Орден. На псковский стол был приглашен из Литвы князь Давид Гродненский, лучший военачальник Гедимина, последовательный противник Ордена [3, с. 193, 237].

Активизация псковско-литовского союза создавала критическую для Ордена и его союзников стратегическую ситуацию, поскольку открывала литовцам беспрепятственный путь через Псковскую землю на правобережье Западной Двины и в Эстонию и делала бесполезной оборонительную систему из орденских замков, возведенных на рубеже с Литвой. Уже в марте 1322 г. «литвины с великим множеством народа вошли в землю Ливонии, и, кроме прочего урона, который они нанесли в епископате Дерптском огнем и мечом, они убили более пяти тысяч христиан и увели в вечный плен» [9, с. 179]. Возможно, продвинуться так далеко на север литовцам позволил именно проход через территорию Пскова. Существует мнение, что псковичи также приняли участие в этом походе [3, с. 193].

В этой ситуации Орден обратился к сопернику Пскова и Литвы. 25 февраля [13, с. 178] между Новгородом и представителями Ли-

вонского ландмейстерства, а также североэстонскими вассалами датской короны, которые с 1304 г. выступали согласованно с братьями-рыцарями [3, s. 12; 5, s. 269; 14, № 608], был заключен «вечный союз» [15, № 685; 16, с. 65—67].

Военные обязательства сторон в договоре оговаривались от имени ливонцев следующим образом: «Чтобы новгородцы нам помогали, а мы им против литовцев и всех их друзей и помощников. Если псковский князь захочет идти с литовским князем на новгородцев, то нам быть их помощниками. Далее, если псковский князь с литовским князем захочет на нас идти, то новгородцам быть нашими помощниками... новгородцы нам помогают воевать с литовцами со всей своей силой, и мы им помогаем воевать с литовцами со всей нашей силой» [16, с. 66]. Особо оговаривалась неприемлемость заключения сепаратного мира: «Новгородцам мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира с литовцами не заключать без согласия новгородцев» [16, с. 66]. Кроме того, еще одна составляющая была включена в договор явно по требованию новгородцев: «Если псковичи не захотят отступить от литовцев, то мы должны при этом помогать новгородцам и воевать так долго вместе с новгородцами, а они вместе с нами против псковичей, пока они не подчинятся новгородцам» [16, с. 66]. Антилитовская и антипсковская направленность договора очевидны. Более осторожно орденская сторона высказалась в отношении архиепископа и Риги, косвенно обозначив их как «друзей и помощников» литовцев.

3 февраля того же года псковичи во главе с князем Давидом и прибывшие с ним литовцы выступили в поход, опустошив североэстонские владения датской короны до самого Ревеля («ѣха князь со псковичи за Нерову, и плени землю Немецькую до Колываня» [12, с. 15]), и по сообщению орденского хрониста Петра из Дусбурга, «кроме прочего безмерного урона, нанесенного... упомянутой земле огнем и мечом (Давид — А. К.) взял в плен и убил свыше пяти тысяч знатных христиан» [9, с. 180]. По сообщению Петра, этот поход был предпринят «Давидом, кастеляном Гарты [Гродно — А. К.], с войском литвинов» [9, с. 180]. То есть вторжение расценивалось хронистом как акция, предпринятая не Псковом, а Литвой. Также и в послании вармийского епископа Эбергарда и его капитула от 16 октября 1323 г. говорится: «Язычники литовцы... проникли в Ревель, землю короля датского на территории Ливонии, и даже в Дерптское епископство, кои земли они разорили вконец пожарами

и грабежами, убив и взяв в плен четыре тысячи человек обоего пола» (здесь и далее цитирование писем, связанных с перспективой крещения Гедимины, дано в переводе И.В. Шталь, отредактированном А.В. Назаренко [17, с. 496—570]) [15, № 695]. Следовательно, в немецких источниках псковский поход рассматривается как часть противостояния с литовцами.

Вероятно, выбор направления похода в датскую Северную Эстонию имел целью связать орденские контингенты в Южной Эстонии угрозой нового нападения Давида. Кроме того, Давид мог стремиться не допустить вступления во внутрививонскую войну на орденской стороне северозэстонских вассалов Дании.

В пользу согласованности действий Давида с Гедимином [3, с. 238] свидетельствует то, что параллельно событиям в Северной Эстонии литовцы развернули военные действия против Ордена на других направлениях. Так, 14 марта 1323 г. «литвины... взяли град Мемель... Сам город и три ближайших замка новообращенных, лодки и прочие суда и все, что могло быть взято огнем, кроме только замка в котором жили братья [Ордена – А. К.], они обратили в пепел» [9, с. 180]. В целом, вторжения литовцев в Куронию и Пруссию продолжались на протяжении весны и лета 1323 г. [15, № 695, 698; 9, с. 180—181]

Ответной мерой на действия Давида стал ливонский поход на Псков. 13 марта ливонское войско подошло к Пскову, однако все его действия ограничились трехдневным пребыванием под городскими стенами [12, с. 15]. Собрав после этой неудачи большие силы, ливонцы во главе с вицеландмейстером Конрадом Кессельхутом (1322—1324) предприняли новый поход на Псков. Князь Давид находился в это время в Литве. По сообщению псковского летописца, «немцы пришли, загордившись, в силе тяжкой... пришли на кораблях, в лодках и на конях, со стенобитными машинами, подвижными городками и многим замышлением». Осада началась 11 мая 1323 г. и продолжалась 18 дней, было предпринято несколько ожесточенных приступов («месяца мая въ 11 день, приидоша Нѣмцы къ Пскову, загордѣвшесе, в силѣ тяжцѣ... приехаша в кораблѣх и в лодиях и на конях, с пороки и з городаы и со инѣми многими замышлении... И стояша оу града 18 днии, пороки биюще, города своя придвигиваючи, за лѣсами лѣзуще, и лѣствицѣг исчинивше через стѣну») [12, с. 15]. Псковичи обратились за помощью к новгородцам, но те выполнили условия договора с Орденом: «Гонцы

многи гоняхуть от Пскова ко князю Георгию [Юрию Даниловичу Московскому, в то время князю Новгородскому (1322—1325) — А. К.] и к Новгороду со мною печалию и туюю... А князь... Георгии и новгородцы не помогоша» [12, с. 16].

Но усилия рыцарей оказались тщетными: их лагерь подвергся неожиданному нападению воинов изборского князя Евстафия, также выходца из Литвы, и возвратившегося из Литвы Давида; немцы лишились осадной техники и запаса продовольствия, и были вынуждены снять осаду и отступить [12, с. 16].

Военные действия Ордена с литовцами прекратились в том же году. Гедимин, руководствуясь стремлением выйти из политико-идеологической и экономической изоляции [18, с. 492], выступил с инициативой своего крещения (чему, в изложении литовского князя, препятствовали «возмутительные несправедливости и бесчисленные предательства» Ордена), заявив о своем намерении в послании папе (не позднее 25 января 1323 г.) Иоанну XXII [15, № 687], а также в письмах, адресованных Доминиканскому и Францисканскому орденам (26 мая) [15, № 688, 689].

Орден, выставленный в неприглядном свете, в ситуации сложной политической борьбы с архиепископом и произведенного посланиями Гедимины резонанса оказался в затруднительном положении [3, с. 190]. Поэтому он был вынужден присоединиться к переговорам с Гедимином. 6 августа 1323 г. ливонские ландесгерры направили к князю совместное посольство, а 2 октября в Вильно представителями Ордена, архиепископа, дерптского и эзель-викского епископов, рижского капитула, Риги, датского наместника в Северной Эстонии, Доминиканского и Францисканского орденов был заключен мирный договор [15, № 693—694]. С Псковом также был заключен мир [12, с. 16].

В тексте Виленского договора Псков помещается Гедимином среди «земель», на которых с его стороны установлен мир, то есть подвластных ему («Вот земля на которой мы установили мир: с нашей стороны Аукшайтия и Жеайтия, Псков и все [земли] русских, которыми мы владеем...» [15, № 693—694]). Подобное обозначение, возможно, соответствуя намерениям литовского князя, не определяет все же реального положения Пскова, что следует из как из факта заключения ливонцами мира отдельно с псковичами, так и из истории последующих псковско-литовских взаимоотношений. Но вместе с тем этот факт еще раз говорит о степени включенности Пскова в военно-политический союз с Литвой. В 1326 г. мир-

ные отношения были установлены между Литвой и Новгородом [1, с. 98].

Мир с Литвой и внутри Ливонии продлился еще около четырех лет [3, с. 189]. В возобновившейся в 1328 г. [19, с. 284] войне верх стал одерживать упрочивший к тому времени свои позиции Орден. Литовцы вновь пытались помочь рижанам: так, в 1330 г. литовское войско вторглось в Куронию, которую «полностью опустошило и разграбило» [19, с. 284—285], были предприняты другие набеги на орденские земли. Однако 20 марта 1323 г. братья-рыцари принудили город к сдаче [9, с. 216; 22, с. 65; 19, с. 285]. Это событие обозначило завершение открытой внутренней войны в Ливонии и развязало ливонским братьям-рыцарям руки для активизации наступления на Литву [3, с. 252]. Как пишет орденский хронист Герман Вартберге, «магистр Эбергард [фон Монгейм, (1328—1340) — А. К.] начал поход против литовцев, чего прежде не могло быть вследствие соглашения между горожанами и литовцами» [20, с. 66].

Псковско-литовский альянс сохранялся после 1330 г. [4, с. 394] и просуществовал еще около полувека (хотя, и в менее выраженной форме). С конца XIV в. Псков все более ориентируется на Москву, что привело к осложнению отношений с Великим княжеством Литовским.

Оценивая реалии конца XIII — первой трети XIV в., можно говорить о существовании достаточно устойчивой геополитической ситуации, в рамках которой сложились два соперничавших лагеря, а именно — с одной стороны, Великого княжества Литовского, Пскова, Риги и Рижского архиепископа и, косвенно, Твери, а с другой — Новгорода, Ордена и, косвенно, Москвы [4, с. 394]. В этой связи псковско-ливонские столкновения конца XIII — первой трети XIV в. следует рассматривать не как обособленные события, обусловленные лишь характером взаимоотношений Пскова и Ордена, но как составляющую более глобальных геополитических реалий, сложившихся в регионе в указанный период.

Список источников и литературы:

1. Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 13—100.

2. Псковская 3-я летопись. Строевский список // Псковские летописи: в 2 вып. / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 78—251.

3. *Rowell S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295—1345.* Cambridge, 1994.
4. *Паушто В. Т. Образование Литовского государства.* М., 1959.
5. *Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century.* Leiden; Boston, 2015 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450. Vol. 29).
6. *Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории.* М., 2004.
7. *Tumler M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriß der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur Neuesten Zeit.* Wien, 1954.
8. *Конопленко А. А. Борьба Тевтонского ордена с рижскими архиепископами в конце XIII — первой трети XIV века и мифологизация истории основания Ордена меченосцев // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 304—310.*
9. *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / пер. с лат. В. И. Матузовой.* М., 1997.
10. *Annales Dunamundenses // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum / ed. G. H. Pertz. Hannoverae, 1866. Т. 19. S. 708—709.*
11. Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. С. 9—69.
12. Псковская 1-я летопись. Тихановский список // Псковские летописи: в 2 вып. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 3—73.
13. *Янин В. Л. Новгородские посадники.* М., 1962.
14. *Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten / hrsg. von F. G. Bunge (далее: LUB). Reval, 1853. Bd. 1.*
15. *LUB. Reval, 1855. Bd. 2.*
16. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
17. Послания Гедимины // *Паушто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи.* М., 2011 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год). С. 496—570.
18. *Паушто В. Т. Послания Гедимины как исторический источник // Паушто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи.* М., 2011 (Древнейшие государства Восточной Европы. 2008 год). С. 482—495.
19. *Canonici Sambiensis epitome gestorum Prussie / ed. M. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 272—290.*
20. *Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae / hrsg. von E. Strehlke // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1853. Bd. 2. S. 21—116.*

М. Н. Булаева (Саратов)

**«ШКОЛА ДЬЯВОЛА... ЧАСОВНЯ САТАНЫ...»:
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТАВЕРНА КАК ЭПИЦЕНТР ДЕВИАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНДОНА XIV–XV ВВ.)**

Аннотация: В статье рассматривается таверна как место, где особенно наглядно проявлялись различные девиации в Лондоне XIV–XV вв. В таверне, как правило, в состоянии опьянения, совершались избиения, убийства, различные виды мошенничества, здесь процветала проституция. Автор анализирует позицию церкви и государства по данной проблеме и приходит к выводу о ее неоднозначности.

Ключевые слова: средневековый Лондон, таверна, церковный эль, пьянство, проституция, азартные игры.

M. N. Bulaeva (Saratov)

**«THE SCHOOL OF THE DEVIL ... CHAPEL OF THE SATAN ...»:
MEDIÆVAL TAVERN AS THE EPICENTER OF DEVIATIONS
(BASED ON THE XIV–XV CENTURIES LONDON`S MATERIAL)**

Abstract: The article deals with the tavern as a place in which various deviations of London residents were especially revealed. In a tavern, in a state of drunkenness, crimes such as beating, fraud, and murder were committed. The tavern also appears as a bulwark of prostitution. The author also considers the positions of the Church and the Royal government on this issue, and comes to the conclusion about its ambiguity.

Keywords: Medieval London, tavern, church ale, drunkenness, prostitution, gambling.

Западноевропейский средневековый город стал органичным элементом и динамичным фактором своей эпохи, одним из важнейших источников формирования и развития системы отношений Средневековья, что позволило ему сыграть выдающуюся роль в развитии европейской цивилизации [1, с. 6].

Средневековый город являл собой, в первую очередь, социальную структуру со своей собственной сложной иерархией и законами. Особенно наглядно это видно на примере крупных городов, таких как Лондон. Являясь самым богатым городом Британии, центром общенационального и международного значения [2, с. 7], он совмещал в себе множество функций: столица

и порт, мощные торговые гильдии местных купцов уживались с факториями выходцев из других стран, убогие жилища городской бедноты соседствовали с роскошными домами знати [3, р. 13]. Средневековый Лондон был городом контрастов, сочетав несочетаемое.

Место, где встречались богачи и менее обеспеченные горожане, была таверна. Таверна (*tavern*), а также постоялый двор (или гостиница, *inn*) и пивная (*alehouse*) представляли собой питейные заведения для определенного потребительского сегмента. Постоялые дворы были вместительными и изысканными (если можно так сказать) и предлагали питье, еду и размещение путешественникам, которые могли позволить себе больше, чем самое необходимое; в тавернах продавали вино и другие напитки для представителей среднего и высшего городского слоя; в то время как пивные специализировались на продаже эля и пива и обеспечивали едой и жильем тех, кто не мог позволить себе гостиницы [4, р. 58—59].

В 1309 г. в Лондоне насчитывалось 354 таверны и 1334 пивоварни, в 1427 г. возникла лондонская гильдия пивоваров [5, с. 55]. Распространенность и доступность питейных заведений служили немаловажными условиями для появления такого социального явления, как пьянство, которое станет серьезной проблемой с XVI в. [5, с. 54].

Таверны и пивные, где праздные гуляки сорили деньгами, привлекали различные криминальные элементы: там состоятельных клиентов поджидали проститутки, азартные игроки и прочие дорогие греховные удовольствия [6]. Современники характеризовали таверны и пивные как гнезда сатаны, школы пьянства и насилия, питомник шалости и всевозможных бунтов, излишеств и безделья, тайные логова для воров, мошенников и тому подобных, сосуды всякого рода подлости и разврата, чрева, порождающие все человеческие злодеяния [4, р. 62].

Для средневековых горожан церковь и таверна представлялись полярными крайностями. В отличие от божьего дела в церкви, таверна была местом пьянства, которое служило воротами ко всем другим грехам, включая ругань, богохульство, блуд и убийство [7, р. 63]. Вот как описывает один средневековый автор таверну: «Вы слышали и о разврате, и об обжорстве. Эти грехи чаще всего возникают в таверне, которая является колодцем греха. Она — школа дьявола, где учатся его ученики, и часовня сатаны, где

мужчины и женщины служат ему. Бог делает свои чудеса в церкви; дьявол делает свои, наоборот, в таверне» [4, р. 62].

Алкогольные напитки, в основном в виде эля, пива и вина, имели разнообразные функции в позднесредневековый период, функции, раскрытие которых тогда имело более важную роль, чем сегодня. Алкоголь был вездесущей социальной «смазкой»: любое событие служило поводом выпить. Алкогольные напитки сопровождали королевские, гражданские, религиозные и братские ритуалы. Люди заключали деловые сделки и разрешали личные споры в тавернах или домах над кувшином вина или эля. Каждый особенный и даже не столь особенный повод предоставлял возможность и повод для выпивки [4, р. 2].

Стоит отметить, что ситуация с пьянством была также неоднозначной. Долгое время, местом, где можно было хорошо провести время за кружкой эля, была церковь. А все благодаря сложившемуся институту церковного эля (*the church ales*), который представлял собой старейшую форму коммуникации. На церковном дворе играли в мяч, в церковном зале пели песни, а эль часто раздавали по праздникам, на именинах, свадьбах, крещениях и похоронах. Сторонники этой традиции использовали следующие аргументы в свою пользу: церковный эль способствовал христианской любви, приводил к разрешению ссор и концу споров, усилению местного единства, поощрению добрососедства, и собирал богатых и бедных вместе.

Использование церквей для распития эля, а церковных дворов для танцев было кощунственной профанацией. Назначенный в 1366 г. архиепископом Кентерберийским Саймон Лэнгхем первым же делом пригрозил отлучить от церкви любого, кто будет участвовать в «пьяных сборищах, которые, подменяя понятия, называют благотворительными сборам» [6]. В результате, таверны и пивные заменили приходские церкви как центры коммуникации и общественной солидарности и стали служить площадками для празднования религиозных ритуалов, таких как крещение, заключение брака, похороны (после завершения церковной службы) [4, р. 63].

Государство, заинтересованное в получении доходов, регулировало цены и качество напитков, предлагаемых в питейных заведениях. Так, в 1342 г. Эдуард III подписал постановление, а мэр Лондона, олдермены и шерифы подтвердили, что «ни один тавернер не должен смешивать мерзкое и испорченное вино с хорошим и чистым вином или запрещать, что, когда какая-либо компания

пьет вино в его таверне, один из компании, для себя и для всей компании, может спуститься в подвал, где лежат туны, или большие бочки (*tun*), и пайпы (бочки для вина, *pipes*), и увидеть, что меры или сосуды, в которые разливается вино, совершенно пусты и чисты внутри; и подобным образом, из какой бочки или какой пайпы вино так налито. И если любой тавернер откажется от этого, он должен понести наказание по усмотрению мэра, олдермена и шерифов» [8].

В традиционной Европе потребление алкоголя привело к росту сексуальной активности и агрессивного поведения [4, р. 1]. Тесная связь между проституцией и питейными заведениями была еще одним фактором превращения таверны в «анти-церковь» в глазах благочестивых горожан. Проститутки не зря навязывались клиентам в питейных заведениях: они так сделали потому, что знали из опыта — у них будет лучший шанс найти клиентов именно там. Связь была двусторонней, так как мужчины тоже были в курсе, что возможность удовлетворить свои потребности имела в таверне [4, р. 66]. Анонимный автор дает такую ремарку: «С наступлением ночи они выходят из своих жилищ... убежищами, где они принимают кавалеров, служат им убогие таверны» [9, с. 429—430].

Отношение к проблеме проституции, как у светских властей, так и представителей церкви, было двойное: мнение о проституции как предохранительном клапане было несовместимо со средневековой медицинской теорией, которая предписывала женщинам более сильное сексуальное влечение, чем мужчинам [10, с. 18—28]. Но многие европейские города, тем не менее, приняли идеологию «необходимого зла», разрешающую и регулирующую проституцию как внутри, так и вне их стен. Всячески стараясь загнать проституцию в некие рамки, власти в публичных домах могли контролировать ее. Как отмечает Дж. Ричардс, власть продолжала «утверждать, что проститутки и бордели служили на благо общества» [11, р. 121]. Муниципальные публичные дома были не таким обычным явлением в Англии, как в других странах Европы, но Англия тоже демонстрировала терпимость к маргинализации. Это, главным образом, проявлялось в отношении к проституткам: они занимали свое место в обществе, хотя и не были уважаемы [12, с. 262—263, 269].

Проституция процветала в Лондоне вопреки постановлениям официальных властей, таким как «О женщинах с плохой репутацией» (*Women of Bad Repute*) и «Об одежде проституток» 1382 г. (*the Regulation of Prostitutes' Clothing*) [13]. Последнее приписывало

проституткам носить желтый или полосатый капюшон: желтый цвет издревле ассоциировался с маргинальными и асоциальными городскими элементами, социальными отщепенцами. В период Средневековья в роли таковых выступали проститутки и евреи [14], которые должны были носить одежду или аксессуар желтого цвета, символизирующими как лживость, так и продажность [15, с. 218—219]. Распоряжения 1393 г. также имеют отношение к ограничению проституции — «О ночных уличных гуляках» (*the Regulation Street-Walkers by Night*) и «Ограничение проституток» (*Restriction of Prostitutes*) [16]. Обоснованием этих постановлений было предотвращение преступлений и нарушение общественного порядка: «В виду того, что многие и различные драки, склоки и разногласия произошли некоторое время назад, а многие мужчины были убиты по причине частого укрывательства и якшания с общими шлюхами в тавернах, пивоварнях и других местах с дурной славой, в указанном городе и пригородах...» [17, р. 15].

В 1391 г. город принял постановление о запрете «общим блудницам» жить в Лондоне или его пригородах. Эти женщины должны были оставаться в тех пределах, которые им назначались: бани в Бэнксайде (*Bankside*) (действовали с XII в. и были закрыты лишь в 1546 г. [18, р. 77]) в Саутуорке, что располагался на противоположном берегу Темзы, и улица Кокслейн (*Cock's Lane* или *Cokkeslane*) в районе Смитфилда в самом Лондоне, известная своей специализацией еще с 1241 г. [9, с. 429, 431]. Немаловажно то, что ни одно из двух местоположений не находилось в пределах юрисдикции лондонской муниципальной власти. За район Бэнксайд в Саутуорке ответственность была закреплена за епископом Винчестерским [7, с. 36] и его судами, а Кокслейн лежала прямо за пределами городской стены. Томас Платтер, швейцарский медик, путешествовавший по Англии в 1599 г., отметил в своих записях следующее относительно лондонских проституток: «И хотя за порядком строго следят, огромные тучи таких женщин наводняют городские таверны и игорные дома» [18].

Таверна, помимо пьянства и проституции, являлась местом азартных игр, которые не поощрялись ни светскими властями, ни церковью. Популярными азартными играми, когда игроки проигрывали приличные суммы денег, были таблички, или триктрак: в них играли, имея набор костей и табличек из дерева и слоновой кости [20, с. 308]; «крест и клин», более известная под названием «орёл и решка»: на всех средневековых пенни с одной стороны

изображался крест, а с другой стороны — портрет короля и клин, отметина от чеканки; а также игра в сами кости, которая имела разновидности «раффл» (с тремя костями) и «хазард» (с двумя) [7, с. 376]. Карты были новым видом настольных игр, их завезли в Лондон в XV в., и они сразу завоевали популярность: в них могли играть более двух человек, а вариантов карточных игр было множество. Азартных игроков и просто желающих разжиться с помощью удачи было немало. В карты играли все слои населения как у себя дома, так и в тавернах и на площадях [21, с. 323]. Их использование распространилось настолько, что в 1495 г. король Генрих VII «воспретил эти игры слугам и ученикам во все дни, кроме рождественских праздников» [9, с. 441].

Известным игроком в азартные игры был Роберт Сели, один из братьев-купцов знаменитой лондонской семейной компании. Его увлечение азартными играми доставляло немало неприятностей семье [22, р. 82—108]. В письме от 27 августа 1478 г. его брат, Ричард Сели-младший, с горечью и негодованием сетует на то, что Роберт проиграл в кости 30 шилл., которые были переданы ему для того, чтобы он расплатился с хозяйкой жилья, в котором тот жил [23, р. 29]. Увлечение игрой в кости стало одной из причин, по которым Роберт Сели был отстранен от дел [24, с. 366].

Нидерландский исследователь культуры Й. Хёйзинга рассматривал феномен игры как культурное явление [25, с. 13], то есть игра как процесс является продуктом человеческой деятельности со всеми вытекающими отсюда психологическими и психическими особенностями восприятия личностью данной деятельности. Поэтому неудивительно, что, войдя в состояние азарта, люди шли на любые хитрости и уловки, лишь бы получить удовлетворение от игры в полной мере, остаться в выигрыше.

Дело 1376 г. раскрывает детали мошенничества с досками и костями, которое, видимо, часто применяли мошенники для пополнения своих карманов. Николас Престоун, портной, и Джон Аутлоу были схвачены по иску Джона атте Хилла и его брата Уильяма. Престоуна и Аутлоу обвиняли в мошенничестве. Джон Аутлоу пришел к указанным Джону атте Хиллу и Уильяму и спросил, хотели бы они получить немного денег за столами или за шашками, обычно называемыми «*quek*», на что те ответили утвердительно, и он отвел их Николасу. «После чего упомянутые заявители, не зная об обмане и недобросовестности, играли с ним за столами и потеряли денежную сумму из-за ложных костей в 39 шиллингов и

2 пенса» [8]. После проигрыша потерпевшие решили рассмотреть доски: на них обнаружили специальные отметины, о которых знал лишь мошенник. Также рассмотрели кости, с которыми они впервые играли за столами, и обнаружили, что они были «ложными и обманными» [8]. Судьи и присяжные осмотрели эти доски и кости и постановили, что упомянутые Николас и Джон виновны во всех вышеперечисленных обвинениях. Поэтому было постановлено, что они должны возполнить заявителям указанную сумму в 39 шиллингов и 2 пенса. А затем виновных посадили в тюрьму Ньюгейт «до тех пор, пока мэр и олдермены не отдадут приказы об их освобождении» [8].

Таверны имели дурную репутацию не только благодаря процветающим в них блуду и мошенничеству. Иногда питейные заведения становились местом совершения убийства, как это произошло в 1421 г. Перед шерифами и коронером Лондона предстал Арнольд ван Харсилл за убийство Джона Бене. Арнольд ножом нанес Джону рану длиной два дюйма и шириной в один прямо в сердце. Бене скончался на месте. Как выяснилось, убийца и жертва вместе выпивали в таверне «The Moyses», повздорили, и Джон затеял потасовку: набросился на ван Харсилла с кинжалом. Тот, не имея возможности бежать, в целях самозащиты достал нож и ударил им Джона. Шерифы постановили, что Арнольд должен ждать королевского помилования в тюрьме: он утверждал, что это была самооборона, и присяжные с ним согласились [3, р. 1].

Средневековый город, особенно такой крупный как Лондон, в силу скученности, социальной, имущественной и правовой гетерогенности населения носил в себе носил в себе, по словам О.В. Яблонской, взрывоопасную массу, подобно прочим крупным городам, привлекал различного рода маргинальные элементы, будь то всякий сброд, бездомные, бродяги, нищие, обыкновенные преступники [26, с. 25]. А средневековая таверна являлась неким эпицентром проявления различного рода девиаций: от мелкого мошенничества при игре в кости или карты и проституции до общественно опасных — драк и убийств на почве опьянения.

Также стоит отметить, что таверна стала и неким местом памяти: ее увековечили в своем творчестве поэты-ваганты. В опусе *In Taberna* [27] из кодекса XIII в. *Carmina Burana* ярко представлены завсегдаи этого заведения: все развлекаются, забывая о мирском труде, кто-то играет в кости и все проигрывает, кто просто бездель-

ничают, но все выпивают (за усопших, за «свободных сестер», за монаха, за заключенных, за всех христиан и т. д.).

Список источников и литературы:

1. *Сванидзе А.А.* Задачи и особенности этого издания // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 6—8.
2. *Чернова Л.Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XV вв. М.; СПб., 2016.
3. *Dean T.* Crime in the Medieval Europe 1200-1550. L.; N.Y., 2001.
4. *Martin L.A.* Alcohol, sex and gender in Late Medieval and Early Modern Europe. Hampshire, 2001.
5. *Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н.* Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI—XVIII вв.). Саратов, 2015.
6. *Форсайт М.* Краткая история пьянства от каменного века до наших дней. Что, где, когда и по какому поводу / пер. с англ. М. Десятовой. М., 2018. URL: <http://e-libra.su/read/472726-kratkaya-istoriya-p-yanstva-ot-kamennogo-veka-do-nashih-dney-chno-gde-kogda-i-po-kakomu-povodu.html> (дата обращения: 17.04.2019).
7. *Мортимер Я.* Средневековая Англия. Путеводитель путешественника во времени / пер. с англ. А. Захарова. М., 2018.
8. Ordinance made as to the sale of wines within the City. 16 Edward III. A.D. 1342 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries / ed. by H. Riley. L., 1868. P. 214.
9. *Акройд П.* Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2009.
10. *Булаева М.Н.* Средневековая проституция как проявление девиантного поведения: лондонские практики XIV—XV вв. // Грани истории: от средневековья до современности: материалы Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов (Саратов, 27 октября 2018 г.). Сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.Н.Черновой. Саратов, 2019. С. 18—28.
11. *Richards J.* Sex, Dissidente and Damnation: Minority groups in the Middle ages. L.; N.Y., 1994.
12. *Блох И.* История проституции. М., 1994.
13. Women of bad repute restricted to a certain garb. 5 Richard II. A.D. 1382 // Memorials of London and London Life in the 13th, 14th and 15th Centuries / ed. by H. Riley. L., 1868. P. 457. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life>(дата обращения 14.02.2019).
14. *Roach L.* Who was «the other» in Medieval England? URL: https://www.academia.edu/21698805/Who_was_the_medieval_other_Louis_Roach_email_work_card=thumbnail (дата обращения: 21.08.2019).
15. *Пастуро М.* Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012.
16. The Ray Women: Prostitutes and Prostitution in Late Medieval England. URL: <https://busy.org/@ravenruis/the-ray-women-prostitutes-and-prostitution-in-late-medieval-england> (дата обращения: 20.11.2018).

17. *Karras R.M.* Common women: prostitution and sexuality in Medieval England. Oxford, 1996.
18. *Laughran M.A.* The Bankside stews: prostitution in London 1161—1546. Williamsburg, 1989.
19. Full text of «Thomas Platters travels in England 1599». URL: [https:// archive.org/stream/in.ernet.dli.2015/506933.thomas-platters-djvu.txt](https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015/506933.thomas-platters-djvu.txt) (дата обращения: 28.11.2018).
20. *Виолле-ле-Дюк Э. Э.* Жизнь и развлечения в средние века / пер. с фр. М.Ю. Некрасова; науч. ред. Н.И. Милютенко; сост. С.Е. Еременко. СПб., 2003.
21. *Крылова Ю.П.* Игры и развлечения горожан // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 319—336.
22. *Hanham A.* The Celys and their world. An English merchant family of the Fifteenth Century. Cambridge, 1985.
23. The Celes Letters, 1472—1488 / ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.
24. *Чернова Л.Н.* Правящая элита Лондона XIV—XVI веков: олдермены в контексте экономическо, социальной и политической практики. Саратов, 2005.
25. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1997.
26. *Яблонская О. В.* Участие лондонцев в восстании 1381 года в Англии // Вестник Тверского госуниверситета. Серия «История». 2016. № 1. С. 21—34.
27. In Taberna // Carmina Burana URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost13/CarminaBurana/bur_cpo1.html (дата обращения: 13.05.2019).

А. Н. Галямичев (Саратов)

**ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1950-х ГОДОВ**

Аннотация: В статье рассматривается отражение истории гуситского движения в советской художественной литературе 1950-х годов. Выявляются истоки интереса советских читателей к истории Чехии, особенности восприятия событий гуситской эпохи в СССР, жанровое своеобразие художественно-исторической литературы для юношества.

Ключевые слова: гуситское движение, Ян Жижка, художественные образы, советская литература,

A. N. Galyamichev (Saratov)

**THE HUSSITE MOVEMENT IN WORD PICTURE
OF THE SOVIET LITERATURE IN THE 1950s**

Abstract: The article considers the reflection of the history of the Hussite movement in the Soviet literature of the 1950s. The sources of Soviet readers' interest to the history of the Czech Republic, the peculiarities of the perception of the Hussite era events in the USSR, genre originality of historical fiction for young people are revealed.

Keywords: Hussite movement, Jan Zizka, word picture, Soviet literature

1950-е годы были отмечены бурным всплеском интереса к истории гуситского движения в Советском Союзе. На это десятилетие (и примыкающие к нему последние 1940-е и первые 1960-е) приходится рекордное количество кандидатских диссертаций, монографий и статей советских исследователей, публикация русского перевода «Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой, 3-томной «Истории Чехословакии».

Гуситское движение стало в эти годы не только предметом обстоятельного научного осмысления. В нашей стране наблюдался подъем искреннего интереса к истории братского славянского народа, судьба которого тесно переплелась с судьбой России в годы Второй мировой войны и последовавшие за ней десятилетия. Ответом на этот запрос стал выход нескольких научно-популярных работ советских ученых о чешском освободительном движении XV в. («Гуситские войны» (1955), «Ян Гус» (1958) и «Подвиги таборитов»

(1962) Б.Т. Рубцова, «Табор» (1960) О.Е. Ивановой и В.А. Якубского).

В 1950-е годы советский читатель получил возможность познакомиться с восприятием гуситских событий самими чехами. В русском переводе вышли книги виднейшего чешского гуситолога этого времени Й. Мацека — капитальное 2-томное исследование «Табор в гуситском революционном движении» (1956—1959) и научно-популярный очерк «Гуситское революционное движение» (1954).

Вниманию советского читателя были предложены также произведения чешских писателей, посвященные драматическим событиям гуситской эпохи. В 1955 г. вышло в свет 8-томное собрание сочинений выдающегося чешского писателя Алоиса Ирасека (1851—1930), в третьем томе которого увидел свет знаменитый роман-эпопея «Против всех». В 1959 г. в серии «Жизнь замечательных людей» была опубликована книга находившегося тогда в расцвете творческих сил чешского историка и писателя Милоша Вацлава Кратохвила (1904—1988) «Ян Гус», а четыре года спустя вышел его же роман о Яне Гусе «Магистр Ян».

Нельзя при этом не вспомнить и о том, что 1950-е гг. были отмечены появлением ряда оригинальных художественно-исторических произведений, написанных советскими писателями по мотивам гуситских событий.

В центре всех опытов художественного проникновения в гуситскую эпоху в советской литературе 1950-х гг. оказался образ Яна Жижки. Фигура гуситского полководца оказалась наиболее привлекательной для читательской аудитории того времени: с именем гетмана таборитов были связаны славные победы славянского оружия над немецкими крестоносцами, решительные действия таборитов против социальной несправедливости.

«Первой ласточкой» стала повесть Григория Иосифовича Ревзина (1885—1961) «Ян Жижка», вышедшая в 1952 г. в рамках популярной серии «Жизнь замечательных людей» [1].

Г.И. Ревзин был к тому времени известным писателем, автором ряда художественно-исторических биографий, опубликованных в рамках этой серии. В 1937 г. вышел в свет его «Колумб», затем — книга о герое испанской революции 1820—1823 гг. Рафаэле Ригои-Нуньесе, в 1949 г. появился «Коперник».

Биография Яна Жижки продолжала сложившиеся в серии «Жизнь замечательных людей» традиции. Автор весьма основательно подошел к написанию книги, изучив не только специаль-

ную литературу, но и обратившись непосредственно к памятникам гуситской эпохи. В результате получился подробный, не имевший аналогов ни в дореволюционной русской, ни в советской исторической литературе рассказ о событиях первых лет гуситских войн, которые стали «звездным часом» главного героя книги — знаменитого гетмана таборитов Яна Жижки из Троцнова.

Собственно говоря, книгу Г.И. Ревзина трудно назвать биографией Жижки, это скорее очерк истории гуситского движения, обрывающийся смертью таборитского гетмана. Причина этого понятна: о Жижке сохранилось очень мало сообщений источников, а автор книги стремился к возможно бóльшей степени исторической достоверности. В его книге нет вымышленных героев, нет сюжета как такового: Г.И. Ревзин, подобно хронисту, воспроизводит событийный ряд истории гуситских войн, уделяя особое внимание роли Яна Жижки в ключевых событиях. Многие разделы книги выдержаны с научно-публицистическим стилем, а портретные зарисовки, психологические характеристики, вымышленные диалоги служат в качестве дополнения, оживления повествования.

Подобно многим другим авторам книг из серии «Жизнь замечательных людей», Г.И. Ревзин стремится представить Яна Жижку человеком, близким по духу своим читателям, воспринимающим мир в той же системе ценностей. Наиболее яркое выражение это находит в характеристике духовного порыва Жижки в начале гуситских войн: «После десяти лет в столице, охваченной лихорадкой социального и национального движения, троцновский рыцарь обратился в горячего, убежденного гусита. Для Жижки в гуситстве сплелось воедино множество сильнейших чувств, способных управлять волей человека. В гуситстве и его религиозных символах находил он утверждение страстной своей любви к родной земле и ненависти к облепившим ее праздным тунеядцам и богатым чужакам. В нем находил он призыв к тому, чтобы отдать себя безраздельно борьбе крепостного крестьянства с его угнетателями» [1, с. 148].

Книга Г.И. Ревзина при всех ее несомненных достоинствах отличалась ярко выраженной, пожалуй, даже чрезмерной дидактичностью, особенно в заключительном разделе послесловия, открывающегося словами: «Исторический урок, какой следует извлечь из поражения таборитского движения, заключается в сталинской истине: крестьянство может преуспеть в борьбе против феодального угнетения, только когда его восстание сочетается с революционной

борьбой другой созидающей и преобразующей общество силы. Такая сила — рабочий класс» [1, с. 420].

В силу последней своей особенности книга Г.И. Ревзина, сводившая в своих обобщающих суждениях сложную природу гуситского движения к крестьянской войне, не могла в полной мере ответить на запросы читателя, особенно юного. Поэтому вслед за ней появились другие, написанные в русле популярного в советской литературе исторического романа для детей и юношества.

Книги этого жанра отличались увлекательным сюжетом, привлекательностью образов положительных героев, которые должны были стать образцами для подражания, пробуждать в юных читателях светлые, глубокие чувства, способствовать упрочению в их характерах добрых качеств.

Спустя два года после выхода в свет книги Г.И. Ревзина в издательстве «Детская литература» вышел роман Сергея Алексеевича Царевича «За отчизну». Известный своими очерками и рассказами о партизанском движении в Крыму в годы Великой Отечественной войны писатель обратился к истории гуситских войн.

Как и в книге Г.И. Ревзина, в романе С.А. Царевича повествуется о событиях в Чехии начала XV в. до смерти Яна Жижки. Автор также весьма основательно изучил дошедшие до наших дней свидетельства источников о гуситских событиях. На страницах романа действуют реальные исторические деятели — магистры Ян Гус и Иероним Пражский, таборитские гетманы Микулаш из Гуси и Ян Рогач, проповедник Ян Желивский и пражский купец Ян Краса, император Сигизмунд и кардинал Юлиан Чезарини и другие.

Но гораздо более ярко выписаны образы вымышленных героев гуситских событий. Это вполне понятно, поскольку здесь автор был более свободен в их выборе, портретных и психологических характеристиках, в конструировании замысловатых сюжетных линий.

Адресованная юному читателю книга выводила в качестве главных героев молодых, входящих во взрослую жизнь людей. Проблема нравственного самоопределения, встающая перед любым человеком на пороге юности, решается героями романа С.А. Царевича в драматической обстановке охваченной гуситским движением Чехии.

Осиротевший крестьянский сын Штепан становится студентом, а затем бакалавром Пражского университета, спутником Яна Гуса в изгнании и на Констанцском соборе, а затем — после начала гуситских войн — отказывается от магистерской степени и становится в

ряды таборитов. Вместе с другим главным героем романа — двоюродным братом Ратибором, сыном пражского оружейника Вацлава Дуба, он становится в ряды «божьих воинов» еще накануне пражского восстание 30 июля 1419 г., которое, по версии С.А. Царевича, тщательно готовилось предводителями гуситов во главе с Яном Жижкой. Последний выступал при этом мудрым политиком, революционером-подпольщиком и наставником молодежи: «Если мы не создадим своё народное войско, — говорил Жижка Ратибору, — лучше панского и королевского, нас уничтожат. Нам нельзя ждать, надо начинать немедленно. Набери у себя в Новом Месте способных, сильных ребят из оружейников, кузнецов и всяких мастеровых — с сотню-другую молодцов. Мы их и обучим» [2, с. 174].

Жижка и другие реальные исторические персонажи изображены в романе схематично, создавая фон сюжетной линии. При этом они выступают скорее в качестве «гостей из будущего», высказывая оценки гуситских событий, бытовавшие в современной советской и чехословацкой историографии. Так, на вопрос Штепана о том, верит ли хилиастический проповедник Амброж в наступление тысячелетнего царства Христа, тот «с детской простотой» ответил: «По совести, я сам не знаю, верю ли я в наступление сейчас тысячелетнего царствования Христа, но я не могу отнять эту веру у всех наших братьев — людей темных, простых и жестоко угнетенных. Эта вера дает им опору в борьбе против всего, что до сих пор угнетало и делало несчастными. В этой вере их единственная надежда, что мир насилия и несправедливости должен рухнуть и воцарится на земле равенство всех перед Богом, братство и справедливость» [2, с. 217—218].

Искренность, правдивость и благородство помыслов и чувств — отличительные черты главных героев романа С.А. Царевича, которым противопоставляется Шимон — родной брат Ратибора, предавший собственного отца, родной народ и перешедший на сторону феодально-католического лагеря, движимый жадой наживы. Последним предательством, которому не суждено было состояться, было согласие Шимона убить за сто коп грошей Яна Жижку во время осады града Пржибислава в 1424 г. Преследуемый гуситами, Шимон ранил Ратибора, но понес заслуженное наказание и был убит.

Жизнь главных героев романа не ограничивается воинскими подвигами. Ратибор и Штепан испытывают романтическое чувство любви и находят верных спутниц жизни — Божену и Младу. По-

следние сопровождают героев во время военных походов и выносят раненых Ратибора и Штепана с поля битвы при Липанах, закончившейся поражением таборитов.

Этот сюжетный ход позволяет автору закончить роман на оптимистической ноте. Уходя от преследователей, пробираясь сквозь непроходимую лесную чащу, «двое мужчин и двое женщин» (Ратибор, Штепан, Божена и Млада) «были бодры и не унывали». Завершают роман слова Штепана: «А все-таки правда победит, друзья!» [2, с. 443].

Роман С.А. Царевича имел успех у читателей. Вслед за первым изданием вышло в свет второе в 1958 г. и третье в 1971 г. В последний раз роман был переиздан в 2018 г. московским издательством Клуб любителей фантастики «Внеземной центр». Вслед за романом о гуситских событиях С.А. Царевич написал в соавторстве с видной представительницей художественно-исторического жанра З. Шишовой историко-приключенческий роман «Приключения Каспера Берната в Польше и других странах» (вышел двумя изданиями — в 1962 и 1975 гг.), посвященный борьбе польского народа против агрессии Тевтонского ордена.

Однако роман «За Отчизну» не подводил черту под художественно-историческими опытами советских писателей 1950-х гг. Конец десятилетия ознаменовался выходом в свет романа Александра Алтаева и Артура Феличе «Могучий слепец». Появление этой книги имело богатую предысторию.

Маргарита Владимировна Ямщикова (1872—1959), выступавшая под литературным псевдонимом Александр Алтаев, была видной советской детской писательницей, начало творческого пути которой пришлось на дореволюционные годы. Ее литературное наследие поражает своим объемом и разнообразием. Уже в 1928—1930 гг. было предпринято 16-томное издание сочинений Ал. Алтаева. Наиболее известны художественно-исторические произведения о народных движениях (повесть «Под знаменем «Башмака» (1906) о Крестьянской войне в Германии 1525 г., «Гарибальди» (1908), сборник рассказов о Французской революции «На баррикадах» (1924), роман «Декабрята» (1926) и др.), о выдающихся деятелях отечественной и мировой культуры («Детство знаменитых людей». Ч. 1—2 (1918—1919), «М.И. Глинка» (1947), «Чайковский» (1954), «Впереди веков. Леонардо да Винчи. Рафаэль. Микеланджело» (1959), «Пасынки Академии» (1967) о художниках-передвижниках и др.)

Уже в 1904 г. вышла в свет повесть Ал. Алтаева «Ян Гус из Гусинца» — первый опыт исторической прозы о гуситской эпохе в русской литературе. В 1908 г. увидел свет роман «Троцновский пан», в центре которого стоял образ Яна Жижки. На основе этого произведения М.В. Ямщикова в соавторстве с дочерью — Л.А. Ямщиковой-Дмитриевой (1893—1978), публиковавшейся под псевдонимом Арт. Феличе (Артур Феличе — главный герой романа Э.Л. Войнич «Овод») — в 1950-е гг. создала роман «Могучий слепец», вышедший в свет в 1959 г. [3].

Роман Ал. Алтаева и Арт. Феличе следует, на наш взгляд, признать вершинным достижением русской художественной прозы в отражении истории гуситской эпохи. Это определяется рядом обстоятельств. Нельзя не отметить прежде всего глубину погружения авторов в историческую действительность Чехии начала XV в., умелое использование фольклорно-этнографического и культурно-бытового материала для реконструкции исторического прошлого [4, с. 90—92].

Роман называется «Могучий слепец», подразумевая, что центральным образом повествования является Ян Жижка. Образ гетмана таборитов проходит через все повествование, однако авторами был создан многоплановый роман, призванный дать многокрасочную картину драматических событий XV в., оставивших глубокий след в истории Чехии и Европы.

В откликах на роман отмечалась недостаточная четкость в оценках идеалов и действий левого крыла таборитов, Яна Желивского, высказывалось недоумение в связи с тем, что авторы обрывают книгу на смерти Яна Жижки, «не показывают читателю, чем же закончилась борьба, которой «могучий слепец» отдал всю свою энергию и жизнь» [3, с. 371].

Представляется, однако, что отмеченные особенности являются скорее достоинствами романа, авторы которого пытаются воздерживаться от прямых авторских оценок гуситских событий, предоставляя право выбора читателю. Не становясь на сторону той или иной из противоборствовавших в гуситском движении сторон, они показывают сложность, многоплановость исторической действительности, подводя читателя к выводу о том, что главным смыслом гуситских событий была борьба чешского народа к обретению правды, которая не завершилась ни со смертью Жижки, ни с поражением таборитов при Липанах.

Даже само название романа «Могучий слепец» наталкивает на такого рода размышления. Оно говорит о том, что при всей исполненной силе личности Жижки и он далеко не всегда был прав в своей нетерпимости к тем, кто смотрел на мир по-другому. Это наиболее ярко раскрывается в размышлениях одной из главных героинь романа — Юдиты, дочери золотоискателя Мартинеца Шрамека, волею судеб оказавшейся в рядах таборитов. После жестокой расправы с последними сторонниками хилиазма, она решает покинуть Табор: «Пламя костров выжгло то, что связывало дочь Шрамек с братьями таборитами. Юдита хотела жить с ними одной счастливой жизнью, без злобы, без лжи, без цепей в радостном труде и восторге перед величием и красотой мира. А они в слепоте своей бьют направо, бьют налево, не отличая врагов от праведников. Она должна уйти от слепцов, которые за пустыми словами утратили смысл истины» [3, с. 321].

Не разделяя господствовавшей в советской научной и художественно-исторической трактовки гуситства как крестьянской войны, Ал. Алтаев и Арт. Феличе делают одной из главных сюжетных линий романа противостояние рыцаря Яна Славаты и пана Богуслава из Швамберка — представителей разных слоёв чешского дворянства. Славата присутствует в романе с первой до последней страницы: роман начинается с его прибытия в родовую усадьбу Жижки Трочнов, он сопровождает Яна Гуса в изгнании и на Констанцском соборе, принимает участие в Грюнвальдской битве и сражениях гуситских войн, на его руках умирает Жижка у града Пржибислав. Движимый искренним, неистребимым стремлением к правде, Славата остается верным идеалам любви добра и справедливости во всех сложных перипетиях событий. Его противоположность — пан Богуслав из Швамберка — выступает носителем противоположных качеств: движимый жаждой власти он первоначально пребывает в рядах самых жестоких гонителей гусизма, а затем, перейдя на их сторону, плетет паутину интриг ради обретения власти в охваченной гуситским восстанием стране.

Авторская фантазия заставляет возлюбленную Славаты — прекрасную Альжбету Рожмберк выйти замуж за Богуслава из Швамберка, но благородный рыцарь обретает утешение, спасая от мести таборитов малолетнего сына закланного врага гуситов, дяди Альжбеты Леопольда Рожмберка Конрада. Мальчик находит пристанище на Таборе и становится приемным сыном Славаты, не родившимся от его единственной любви.

Роман «Могучий слепец» стал последним опытом художественного осмысления событий гуситской эпохи в русской литературе. Почему так произошло? С одной стороны, свою роль сыграло изменение круга интересов читательской аудитории, сложность судьбы детской литературы как таковой в нашей стране в последние десятилетия. С другой стороны, произведения писателей 1950-х годов установили высокий уровень исторической прозы, выйти на который может только даровитый писатель, способный проделать колоссальный труд по изучению памятников гуситской эпохи.

Список источников и литературы:

1. *Ревзин Г.И.* Ян Жижка. М., 1952.
2. *Царевич С.* За Отчизну. Исторический роман. 2-е изд. М., 1958.
3. *Алтаев Ал., Феличе Арт.* Могучий слепец. М., 1959.
4. *Литвинов В.* Ал. Алтаев. Очерк жизни и творчества Ал. Алтаева (М.В. Ямщиковой). М., 1973.

Л. Н. Чернова (Саратов)

ЖЕНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ТЮДОРОВСКОМ ЛОНДОНЕ

Аннотация: На материале женских завещаний, оставленных в основном вдовами купцов и ремесленных мастеров, в статье рассматривается благотворительность в Лондоне конца XV—XVI вв. Выявляются различные направления благотворительности горожанок: церковная, социальная, культурно-образовательная, характеризуются конкретные формы их проявления. Автор показывает, что изучение благотворительности горожанок, мировосприятие которых определялось христианской верой, раскрывает мир их ценностных ориентиров на закате Средневековья.

Ключевые слова: Тюдоровский Лондон, завещания, горожанки, благотворительность, церковь, священнослужители, монастыри, городская беднота, студенты, забота о городе.

L. N. Chernova (Saratov)

WOMEN'S CHARITY IN LONDON UNDER THE TUDORS

Abstract: Based on the material of women's wills, usually left by the widows of merchants and craftsmen, the article discusses charity in London at the end of the 15th — 16th centuries. Various directions of women's charity are revealed: church, social, cultural and educational charity, specific forms of their manifestation are characterized. The author shows that the study of women's charity, whose worldview was determined by the Christian faith, reveals the world of their values at the sunset of the Middle Ages.

Keywords: London under the Tudors, wills, female citizens, charity, church, clergy, monasteries, urban poor, students, care for the city.

Благотворительность как проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность оказывать помощь неимущему появилась вместе с христианством, которое утвердило в сознании людей представление о том, что главный нравственный долг верующих — бескорыстное даяние, вытекающее из христианской заповеди любви и милосердия к ближнему [1, с. 106]. В средневековом обществе забота о бедных стала обязанностью церкви [2, с. 191]. Однако XVI столетие внесло существенные коррективы, став новым этапом в развитии европейской благотворительности, ускорив про-

цесс ее обмирщения и подчинения государственному регулированию и контролю [3, с. 43].

Не стала исключением и Англия. С утверждением династии Тюдоров (1485—1603), особенно с правления Генриха VIII (1509—1547), королевство переживало сложный процесс трансформации в самых разных сферах: экономической, социальной, политической, духовно-религиозной и шире — культурной. Все эти перемены вызвали необходимость изменения социальной политики, направленной, прежде всего, на решение проблемы бедности.

В этой связи представляется важным обратиться к завещаниям горожанок тюдоровского Лондона и выявить основные направления и формы благотворительности.

Из 242 завещаний, официально зарегистрированных в судебной ассамблее Court of Husting при Тюдорах, лишь 14, или 5,8%, принадлежат женщинам. По 5 завещаний приходится на правление Генриха VII (1485—1509) и Генриха VIII и 4 завещания — на время пребывания на троне Елизаветы I (1558—1603) [4].

Среди завещательниц — вдова торговца галантерейными изделиями Элис Хонгрефорт (дата составления завещания — 1 сентября 1491 г.); две вдовы, полноправные горожанки Лондона — Марион Стонтон (20 июля 1495 г.) и Томазина Лейлонд (23 января 1570 г.); Джоан Карр, вдова и, во втором браке, супруга джентльмена Лондона (20 июля 1497 г.); Элизабет Барелл, вдова бакалейщика, полноправная горожанка Лондона (29 июня 1498 г.); Элизабет Брайс, вдова олдермена и ювелира (25 сентября 1498 г.); Джоанна Чемберлен, вдова, полноправная горожанка Лондона, пивовар (9 сентября 1504 г.); Томазина Персиваль, вдова олдермена и торговца готовым платьем, полноправная горожанка Лондона (12 февраля 1508 г.); вдова торговца готовым платьем Изабелла Хоудан (17 июня 1515 г.); Изабель Смит, вдова оптового торговца рыбой, полноправная горожанка Лондона (18 февраля 1527 г.); Эмма Момфорд, вдова врача и цирюльника, полноправного горожанина Лондона (21 марта 1544 г.); Изабелла Легат, вдова булочника (25 июля 1554 г.); Элизабет Николас, вдова олдермена и торговца солью (24 января 1583 г.); вдова Элис Рочестер (31 декабря 1585 г.).

Столь незначительное количество «женских» завещаний можно объяснить слишком малыми возможностями для волеизъявления представительниц «слабого» пола. Статус женщин-завещательниц определялся, как это и было принято, по мужу: супруга или вдова. Если женщина была замужем, то ее интересы

представлял супруг. Как замечает М.В. Винокурова, с точки зрения общего права Англии, замужняя женщина, наряду с другими ограничениями, была лишена возможности составлять завещания — это мог делать только ее муж и только от собственного имени, поскольку именно он являлся субъектом права [5, с. 229—230]. В случае необходимости на составление завещания требовалось согласие супруга. В этом отношении показательно завещание Джоан Карр: своему второму мужу Джону Карру, джентльмену Лондона, она оставляет «... свои земли и сдаваемые в аренду строения в приходе св. Маргарет на Лосбери, чтобы он не препятствовал исполнению ее последней воли (so that he hinder not execution of this her last will). <...> Завещание составлено с согласия и лицензии (the assent and license) Джона Карра, ее мужа, в удостоверение чего он ставит свою печать... (the will was made with the assent and license of John Carre her husband. In witness where of he sets his seal...)» [6]. Обратим внимание на то, что это единственное завещание, составленное женщиной в статусе супруги. Остальные 13 завещаний принадлежат вдовам, которые обладали значительно большей самостоятельностью.

Как правило, «женские» и «мужские» завещания составлены по единой формуле и принципиально по своей структуре не различаются. Они начинаются с имени завещательницы и указания ее статуса, а иногда и профессиональной принадлежности. Затем следуют распоряжения о похоронах, на проведение которых выделяются некоторые средства. Вслед за этим идет перечисление благотворительных пожертвований. Затем то или иное имущество отписывается членам семьи и близким, которые обычно выступают в качестве наследников лондонских горожанок. Хотя, у «женских» завещаний есть содержательная специфика, на которую обратила внимание М. Уиснер. Согласимся с тем, что женщины чаще, чем мужчины, одаривают других женщин и включают в свое завещание более широкий круг родственников, в том числе родных мужа и друзей. А вот тезис о том, что женщины чаще и больше жертвуют на нужды церкви [7, р. 107—109.], на наш взгляд, сомнителен. Вспомним хотя бы давний обычай Лондона (и не только его), исходя из которого, любой завещатель, независимо от гендерной принадлежности, должен был отписать на благотворительность треть имущества.

Благотворительные распоряжения составляют важнейшую часть завещаний горожанок Лондона. Они обусловлены стремле-

нием завещательниц показать свою добропорядочность и раскрывают взаимосвязь их духовных ценностей и экономического поведения.

Ни одно из завещаний лондонских горожанок не обходится без распоряжений, касающихся приходских церквей и священнослужителей, которые составляли важный компонент социального ландшафта Лондона: в городе насчитывалось 139 церквей и приходов [8, р. 360]. Именно в приходе проходила повседневная жизнь горожанок, на уровне прихода решались социальные вопросы.

Все без исключения завещательницы оставляют разнообразное имущество (недвижимость, доходы от аренды земель и помещений, ренты и деньги) приходским церквам и отдельным церковнослужителям. Мотивы для такого рода дарений были различные. Прежде всего, женщины оставляют средства церквам и церковникам за молитвы и службы за спасение их души и душ умерших мужей, детей, родителей, прочих родственников и друзей. Очевидно, что эта практика порождалась не только обычаем, но и искренней верой горожанок в возможность таким способом спасти души и освободить их от грехов.

Приведем несколько конкретных примеров из завещаний. Джоан Карр пожелала, чтобы в течение месяца после ее похорон в церкви св. Лоуренса в лондонском Палтни служили службы на помин ее души, для чего она выделяет специальные средства [6]. Марион Стонтон завещала свои земли и сдаваемые в аренду строения в приходе св. Мартина на Уинтри настоятелю, церковным старостам и прихожанам церкви св. Иакова с тем, чтобы они служили мессы за упокой ее души, души Томаса Стонтонна, ее покойного мужа, и других [9]. А Эмма Момфорд завещала священнику и старостам церкви св. Георгия некое надворное строение, приносившее ежегодную внушительную ренту в 5 ф., вменяя в обязанность расходовать 20 ш. в год на проведение, среди прочего, заупокойных служб [10]. Часть средств от земель и сдаваемых в аренду строений на поминальные службы по их душам и душам их покойных мужей оставили также Джоанна Чемберлен (в церкви св. Олфегги) [11] и Изабелла Хоудан (в церкви св. Марии), распорядившаяся, чтобы при проведении заупокойных месс использовались тонкие восковые свечи, а сами службы сопровождались колокольным звоном [12].

В некоторых случаях женщины завещали средства на поминальные мессы не напрямую церкви, а через профессиональные

корпорации. В частности, Элизабет Барелл в конце XV в. передала по завещанию 4 сдаваемых в аренду строения на Уэстчипе в приходе св. Михаила старостам и общине братства бакалейщиков Лондона, возложив на них, среди прочего, обязанность содержать священника церкви св. Стефана на Уолбруке, который должен проводить службы на помин ее души, души ее покойного мужа и других и раз в квартал произносить проповедь. И только в том случае, если «вышеупомянутые старосты и община не смогут выполнить <...> условия, собственность должна быть передана настоятелю и старостам вышеупомянутой церкви...» [13]. Сложно сказать, по какой именно причине Элизабет выбрала столь сложный вариант. Возможно, что сделала она это не сама, а под давлением богатой и влиятельной компании бакалейщиков Лондона, в которую входил ее покойный супруг.

Аналогичным образом поступили Томазина Персиваль в 1508 г. [14] и Изабелла Хоудан в 1515 г. [12], завещавшие внушительную недвижимость и ренты мастеру и старостам компании торговцев готовым платьем Лондона. И обе предусмотрели возможность невыполнения сообществом купцов обязательств по завещаниям. В таком случае получателем наследства Томазины должен был стать госпиталь св. Томаса, а Изабеллы — священник и старосты церкви св. Марии, где проходили поминальные службы. Немаловажно, что покойные мужья этих горожанок входили в компанию торговцев готовым платьем, а сэр Джон Персиваль даже представлял ее в лондонском муниципалитете в качестве олдермена [14].

Отдельные горожанки завещали дарения на проведение заупокойных служб не в лондонских церквях, а в приходских церквях в графствах Англии. Так, Элис Хонгрефорт оставила часть средств от сдаваемых в аренду строений в столичном приходе св. Михаила на проведение поминальных служб в приходской церкви Блэкмор в графстве Эссекс [15]. А Элизабет Брайс завещала, чтобы поминальные службы по ее душе, душе ее мужа, их сына Джеймса Брайса, Хью и Элизабет, их внуков, и других служили не только в церкви св. Марии в Лондоне, но и в церкви Растана, графство Йорк. Для этого она оставила настоятелям, церковным старостам и их преемникам ежегодную ренту в 20 ш. от сдаваемых в аренду строений в приходах св. Марии и св. Михаила на Корнхилл [16]. Возможно, что с этими местечками в графствах Эссекс и Йорк наши героини были кровно связаны.

Кроме поминальных служб, горожанок волновал широкий спектр вопросов: строительство и содержание часовен, ремонт церквей и коммуникаций, принадлежавших церкви, пополнение запасов свечей, обновление церковных облачений и церковной утвари, организация церковных празднеств и служб.

В частности, Элис Хонгрефорт оставила поручение своим душеприказчикам следить за тем, чтобы крыша приходской церкви Блэкмор, графство Эссекс, была должным образом перекрыта, а некоторая сумма денег пошла бы на покупку церковного облачения [15]. Джоан Карр распорядилась, чтобы часть средств от продажи земель, сдаваемых в аренду строений и рент в городе Стейнс, графство Миддлсекс, и в приходе св. Сепульхры в районе Ньюгейт в Лондоне была использована для основания часовни в церкви св. Лоуренса в Палтни и ее полного содержания в течение года. Кроме того, подлежали продаже ее земли и сдаваемые в аренду строения в Ялдинге, графство Кент, и усадьба в приходе Всех Святых на Брэд-стрит в Лондоне, а вырученные средства должны были пойти на ремонт все той же церкви св. Лоуренса, на ремонт моста, принадлежавшего приходской церкви в Ист Барминге, графство Кент (именно отсюда был родом ее первый муж Джон Мойл, здесь же жили некоторые его родственники, в частности, двоюродный брат), ремонтные работы в приходской церкви Уонерш, графство Суррей, и на приобретение свечей для освещения иконы Богоматери в приходской церкви Гралдефорд, графство Суррей [6]. Элис Рочестер оставила денежные средства на ремонт церкви св. Михаила [17]. Томазина Персиваль завещала средства на содержание часовни церкви св. Марии и на выплаты проповедникам этой церкви и собора св. Павла, а также распорядилась, чтобы сумма в 4 ш. 4 п. ежегодно выплачивалась церковным старостам этой церкви, которые должны использовать 2 ш. 4 п. для приобретения восковых свечей на Пасху [14]. А Элизабет Барелл передала по завещанию 40 ш. настоятелю и старостам церкви св. Стефана на Уолбруке на приобретение хлеба, вина и восковых свечей для массовых празднеств, а также для поддержания в нужном количестве пасхальных свечей, восстановления облачений, ризы, стихарей и т. д. [13]. Это завещание, составленное 29 июня 1498 г., содержит любопытный пассаж, позволяющий говорить о конфессиональных пристрастиях горожанки в условиях приближавшегося церковно-религиозного брожения: Элизабет подчеркнула, что в церкви св. Стефана на Уолбруке «... должны быть сохранены все прежние службы и прохо-

дять в сопровождении колокольного звона и других традиционных правил» [13].

Волновали женщин также вопросы интеллектуального уровня служителей церкви и подготовки кадров для церкви. В частности, Элис Хонгрефорт оставила некоторую сумму денег на покупку книг для приходской церкви Блэкмор в графстве Эссекс [15]. Ежегодную выплату в 7 ф. 3 ш. 4 п. тому, кто может «хорошо исполнять церковные песнопения и церковную музыку» [12], оставила Изабелла Хоудан. Джоан Карр завещала некие средства на обучение Томаса Стрета, сына ее брата Уильяма Стрета, «...если он станет священником...» [6]. Показательно, что эта представительница «слабого» пола, получившая разрешение своего мужа на составление завещания, в принципе проявляет интерес к образованию, что характеризует ее духовный мир и интеллектуальный потенциал.

В единственном завещании получателями посмертных дарений являются монашеские ордены: Элис Хонгрефорт завещала некие дары четырем лондонским монашеским орденам [15]. По видимому, имелись в виду бенедиктинцы, францисканцы, доминиканцы и августинцы, кроме которых в Лондоне присутствовали также картезианцы, цистерцианцы и кармелиты.

Помимо церковной благотворительности, в завещаниях лондонских горожанок широко представлена благотворительность социальная, в центре которой находились обедневшие горожане, а также так называемые «бедные люди».

Прежде чем непосредственно обратиться к тексту завещаний, необходимо остановиться на специфике социальной политики в отношении бедных в тюдоровской Англии, в целом, и в Лондоне, в частности.

Английская Реформация, приведшая в 1530—1540-х гг. к роспуску монастырей и других религиозных организаций, «внесла серьезные коррективы в существовавшую систему помощи бедным» [18, с. 408], фактически подорвав ее традиционные, ориентированные на церковь, основы и ослабив благотворительное движение. Постоянно пополнявшиеся, в том числе за счет разорявшегося крестьянства, толпы бродяг и нищих, стекавшиеся в города, представляли серьезную опасность для общества. Возникла потребность в создании новой системы призрения, законодательно регулируемой государством. В итоге в основу английской системы помощи было положено сочетание трех принципов: организованной помощи беднякам усилиями местных, в частности, приходских властей,

мер по созданию рабочих мест и репрессий против бродяг [19, с. 22].

В фарватере государственной политики шел Лондон — столица, крупнейший город в Англии и Европе. Беднота, нищие, живущие подаванием, составляли самую многочисленную маргинальную группу населения Лондона, как и других городов: стремительный рост нищенства еще в XV в. стал явлением повсеместным. Тюдорский Лондон в небывалых масштабах столкнулся с проблемой пауперизации и притока деревенской бедноты. На протяжении XVI столетия сюда устремился столь мощный поток обнищавших сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию, что Елизавета I, «услышав жалобы и уступив просьбам горожан Лондона», вынуждена была издать специальную прокламацию, ограничивавшую строительство новых зданий как в Лондоне, так и в его предместьях [20, р. 128—129], использовавшихся для размещения бедноты.

Появляются законы, направленные на борьбу с бродягами и одновременно ставившие задачу создания общей системы контроля за бедностью и ограничения или запрещения нищенства. Генрих VIII в 1531 г. обязал провести перепись всех бедняков и составить список тех из них, кто не способен работать по старости, болезни или немощи; таковым разрешалось просить милостыню лишь в районе их проживания. Просившие же милостыню без разрешения или не в своем районе подлежали аресту. Этот закон стал началом признания общественной ответственности за благосостояние бедных, но он имел карательный характер и угрожал жестокими наказаниями нищим и бродягам, занимавшимся попрошайничеством без разрешения [2, с. 192].

Основная часть заботы о бедняках возлагалась на местные приходы. В 1535 г. Генрих VIII обязал местные власти поддерживать бедных и немощных и предоставлять работу здоровым беднякам. Дети бедняков в возрасте от 5 до 14 лет должны направляться для обучения ремеслам. Для реализации новых законов были учреждены посты специальных надзирателей, ежегодно назначавшиеся мировыми судами [19, с. 21—22].

В каждом городе должны быть созданы фонды для помощи нуждающимся, которые формировались за счет специального налога. Нищие получали помощь только в своем родном приходе и только пищей. В 1547 г. в Лондоне создается фонд для помощи беднякам, а в 1572 г. «Статут о бедняках» распространил обязательный

налог на все города страны. Согласно елизаветинским законам о пауперах, все жители церковных приходов должны были уплачивать определенные суммы денег на содержание нищих (relief). Размеры взносов определяли местные власти, и специальные должностные лица (смотрители за бедными) периодически их собирали с имущего населения своих приходов [21].

Наряду с этим принимаются также жесточайшие меры по борьбе с нищенством и бродяжничеством в так называемом «кровоавом законодательстве» Елизаветы I. К бродягам относились безработные (пребывающие в таком качестве в течение месяца), слуги, самовольно ушедшие от своих хозяев, просящие милостыню мужчины (за исключением калек, неспособных к труду, а также студентов, если они получили специальные разрешения канцлера своего университета). Бродяжничество наказывалось смертной казнью (путем сожжения, колесования, четвертования, вырывания внутренностей из живого тела, поставленного у позорного столба, бичевания и т. п.), тюремным заключением, обращением в рабство, поркой или клеймением. При обвинении в бродяжничестве преступника перед осуждением подвергали пытке — клали на железную плиту и морили голодом [19, с. 23—24]. В 1562 г. был издан «Статут о ремесленниках», который устанавливал наказание принудительными работами для бродяг и попрошайек, а безработных нищих в возрасте от 12-ти и 60-ти лет заставлял наниматься в качестве слуг [2, с. 192].

В ряду предпринимаемых мер важное место отводилось созданию системы работных домов для нищих. Власти полагали, что труд под страхом наказания станет эффективным способом искоренения нищенства. Первенствующая роль здесь принадлежит работному дому Брайдуэл в Лондоне. В 1552 г. специальная комиссия, созванная Эдуардом VI (1547—1553) и лондонским епископом Николасом Ридли (1585—1555), сформулировала цели политики помощи в Лондоне: бродяги, бездельники и «паразиты» должны быть помещены в работный дом, где будет введен строжайший трудовой режим. К 1557 г. такой дом был открыт в Брайдуэле, бывшей резиденции Генриха VIII. В 1575 г. в одном из английских законодательных актов, в котором речь шла «о наказании бродяг и облегчении бремени бедняков», предусматривалось строительство так называемых исправительных домов, из расчета по одному на графство. Вскоре в Англии появилось до 200 работных домов [19, с. 24].

В 50-е гг. XVI в. под контроль муниципалитета Лондона, в ведении которого оказались вопросы социальной сферы, перешли крупнейшие благотворительные учреждения столицы — госпитали св. Варфоломея (старейший, основанный еще в 1123 г.) и св. Томаса, Вифлеемский госпиталь и госпиталь Христа [18, с. 406].

Важную роль в формировании приходских фондов поддержки бедных играли благотворительные пожертвования горожан. Получает распространение возникшая в XV в. практика организации церковными приходами «столов для бедных» [1, с. 107]. Они финансировались за счет пожертвований, на средства от которых покупались и распределялись между местными бедняками продовольствие, одежда, обувь, а по воскресным дням проводились совместные трапезы [18, с. 408]. Еще одним распространенным способом частного вспомоществования были дарения по завещаниям.

Объектом заботы лондонских завещательниц становились обедневшие горожане — «бедные домовладельцы» (*the poor householders*) Лондона, которым оставляли деньги, а также дрова и уголь. Так, Джоан Карр завещала средства для помощи бедным домовладельцам [6]. Элис Хонгрефорт оставила благотворительные дары (в том числе, дрова и уголь) для бедных домохозяев в приходе Корнхилл [15]. Томазина Лейлонд завещала усадьбу настоятелю и церковным старостам приходской церкви св. Михаила и их преемникам, чтобы они использовали ее для нужд бедных домохозяев этого прихода [22]. Согласно завещанию Элизабет Барелл, сумму в 40 ш. следовало ежегодно распределять среди бедных домохозяев приходов св. Стефана и св. Бенедикта [13]. Томазина Персиваль, среди прочего, пожелала, чтобы «5 пенсов каждую неделю раздавали пяти бедным домохозяевам прихода св. Марии, символизируя пять ран Господа...» [14].

Завещания горожанок отражают общие тенденции социального развития как английского, так и континентального города: усиление дифференциации, поляризацию населения. Оставаясь в юридическом отношении равноправными, по своему социальному и, тем более, имущественному положению торгово-ремесленное полноправное население подвергалось значительному расслоению. И если в 1332 г. в список налогоплательщиков было внесено приблизительно 4% фрименов Лондона [23, с. 53] — представителей купечества, ремесленных и торговых гильдий, цеховой верхушки (в Бристоле в это же время налогоплательщиков было еще меньше — 3% [24, с. 151]), то к XVI в. эта доля сократилась до 2–3% [25, р. 97].

Еще одной категорией получателей пожертвований горожанок была городская беднота (*the poor, the poor of the parish*) Лондона и некоторых других городов. Благотворительные дары для них включали деньги, уголь, хлеб, сыр, вино и даже специи. Так, Джоан Карр оставила некие средства для помощи беднякам лондонского прихода св. Лоуренса [6]. Марион Стонтон распорядилась, чтобы настоятель и церковные старосты церкви св. Мартина на Уинтри распределяли среди бедных дары в виде денег, хлеба, сыра, специй, вина и пр., для чего она завещала им свои земли и сдаваемые в аренду строения [9]. Денежные пожертвования для бедных прихода св. Марии оставила Элизабет Брайс [16]. А Эмма Момфорд распорядилась ежегодно распределять среди бедняков четыре воза угля [10]. Средства на ежегодное распределение угля и других даров среди бедных оставила Изабелла Хоудан [12]. О приобретении и распределении угля среди бедных позаботилась и Изабелла Легат, оставившая также посмертные дары беднякам прихода св. Ботольфа и беднякам из Хэрни, графство Миддлсекс [26]. Джоанна Чемберлен завещала, чтобы среди бедняков приходской церкви св. Олфеги ежегодно распределялся уголь на сумму в 10 ш. [11]

Очень интересно завещание Элизабет Николас, демонстрирующее не только благочестие, но и немалую деловую хватку этой горожанки. Она оставила компании солеторговцев Лондона (именно в эту компанию входил ее покойный муж) 100 ф. в качестве кредита двум молодым людям: каждому по 50 ф. на три года с тем, чтобы они ежегодно выплачивали за использование этой суммы по 20 ш., которые необходимо распределять среди бедняков прихода св. Милдред в Лондоне на Рождество и Пасху. Еще 100 ф. следовало одолжить двум молодым людям компании на 2 года с ежегодной выплатой по 6 ф. 13 ш. 4 п., чтобы распределять их среди бедняков двух приходов в графстве Хантингдон: один год одному приходу, на следующий год — второму. Кроме того, Элизабет оставила 40 ш. для бедных еще из двух приходов [27]. Показательно, как эта амбициозная женщина мотивирует передачу денег солеторговцам: «чтобы остаться с ними навсегда» [27], то есть остаться в их памяти. Фактически в этом завещании, составленной деятельной и честолюбивой горожанкой, звучит мотив бессилия смерти перед человеческой памятью, способной предотвратить забвение усопшего и в этом смысле «победить» смерть.

А Элис Рочестер оставила пожертвования не только на помощь бедным прихода св. Михаила, но и бедным детям, содержавшимся

в госпитале Христа: на их нужды ежегодно следовало использовать 40 ш. [17].

Получателями благотворительных пожертвований со стороны горожанок были бедные девушки: они упомянуты в завещании Джоан Карр как получательницы брачных подарков [6].

Внимание и забота лондонских горожанок распространялась также на обитателей госпиталей и заключенных тюрем. Именно им (на приобретение неких подарков) оставила средства, вырученные от продажи сдаваемых в аренду строений в приходе Всех Святых, Изабелла Легат [26]. Элизабет Николас тоже завещала посмертные дарения обитателям больниц и тюрем [27].

В контексте сказанного выше столь значительное внимание в завещаниях лондонских горожанок к беднякам, немощным и заключенным представляется весьма актуальным.

На другом полюсе социальной благотворительности женщин находились представители муниципальной власти Лондона: мэр, олдермены, персонифицировавшие «общину лондонского Сити». Именно «отцам города» Элизабет Николас завещала две дюжины серебряных, позолоченных изнутри подносов, на которых выгравированы ее герб (!) и герб (!) ее покойного мужа – сэра Эмброуза Николаса, торговца солью и олдермена [27]. В этом волеизъявлении в полной мере отразились честолюбие, амбиции и социальные устремления этой весьма неординарной горожанки.

Некоторые женщины позаботились об инфраструктуре Лондона и других мест, с которыми были так или иначе связаны их судьбы. Джоан Карр передала средства на ремонт лондонских дорог [6]. Аналогичные распоряжения содержит завещание Изабеллы Легат: вырученные от продажи ее земель и сдаваемых в аренду строений, лугов и пр. в манорах Хэгни и Стебанхет, графство Миддлсекс, средства следовало направить на ремонт дорог между Хэгни и Лондоном, между Басшоппешатфельдом и Барнетом, между Ринг Кроссом и Айлингтоном [26].

Отдельные завещания лондонских горожанок позволяют говорить о культурно-образовательной благотворительности. Все та же Элизабет Николас оставила немалую сумму в 60 ф. бедным школярам университетов в Оксфорде и Кембридже [27]. А Томазина Лейлонд завещала ежегодные выплаты Эдуарду Поттеру, горожанину и менестрелю, ее бывшему слуге [22].

Изучение того, какие посмертные дары и кому оставляли горожанки — жены и вдовы преуспевающих купцов и ремесленников,

мировосприятие которых определялось христианской верой, раскрывает мир их ценностных ориентиров на закате Средневековья. Внутреннюю часть своей жизни женщины жили в тени своих мужей, как правило, довольно успешных лондонцев своего времени. Неудивительно, что большой интерес они проявляли к делам благочестия и благотворительности. Распространенная практика благочестивых распоряжений и благотворительных пожертвований может свидетельствовать об утверждении в сознании горожанок (как и горожан) идеи пропорциональности «добрых дел» на земле и наград на том свете [28, с. 126]. Отсутствие сомнений в существовании рая, ада и неотвратимости Страшного суда побуждало их совершать «добрые дела», «делать вложения» в свою загробную жизнь путем пожертвований церкви, монастырям, священникам, бедным прихожанам, больным и убогим, прокаженным и узникам тюрем [29, с. 123]. Поступая так, горожанки, возможно, старались застраховать себя, свои души от посмертных мучений на том свете. Фактически же в городской среде выработывался новый тип религиозности, который объединял веру в Бога и страх перед загробными карами с коммерческим подходом к так называемым «добрым делам» на земле, приносящим награды на том свете.

Завещания позволяют прорисовать характер отдельных горожанок – деятельных, энергичных, подчас амбициозных, стремящихся облагодетельствовать многих, с весьма богатым внутренним миром, умеющих ценить прекрасное (музыку, песнопения, колокольный звон, выступления поэтов-музыкантов), заботиться о близких и сочувствовать нуждающимся.

Список источников и литературы:

1. *Пешкова Н.* Благотворительность в Европе: прихоть богатых или способ решения социальных проблем? // Современная Европа. 2014. № 3. С. 106–116.

2. *Мельников Д.А.* Становление благотворительной помощи в Англии в средние века // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8, вып. 10 (2). С. 191–194.

3. Развитие благотворительной деятельности в Европе в Новое время: рост коллективной филантропии // Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М., 2010. С. 43–45.

4. *Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London* / ed. R.R. Sharpe: in 2 parts. L., 1890. Part 2: 1358–1688. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/> (дата обращения: 08.11.2018). (Далее — *Calendar of Wills*).

5. *Винокурова М. В.* Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в.). М., 2004.
6. Will of Carre (Johan, wife of John, gentleman) // *Calendar of Wills. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
7. *Wiesner M. E.* *Women and Gender in Early, Modern Europe*. Cambridge, 1993.
8. *Chronicles of London* / ed. with introd. and notes by C. L. Kingsford. Glous., 1977.
9. Will of Staunton (Maryon) // *Calendar of Wills. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
10. Will of Momforde (Emma, widow of James, barber and surgeon) // *Calendar of Wills. Wills: 21–38 Henry VIII (1529–1547)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp634-651> (дата обращения: 08.11.2018).
11. Will of Chamberleyn (Johanna) // *Calendar of Wills. Wills: 21–38 Henry VIII (1529–1547)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp634-651> (дата обращения: 08.11.2018).
12. Will of Howdan (Isabella, late wife of Thomas, "merchaunt taillour") // *Calendar of Wills. Wills: 1–10 Henry VIII (1509–1519)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
13. Will of Burell (Elizabeth, widow of John, grocer) // *Calendar of Wills. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
14. Will of Percyvale (Dame Thomasina, late wife of Sir John, Knt.) // *Calendar of Wills. Wills: 1–10 Henry VIII (1509–1519)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 08.11.2018).
15. Will of Hongreforth (Alice) // *Calendar of Wills. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
16. Will of Brice (Elizabeth, widow of Hugh, Knt., late Alderman and goldsmith) // *Calendar of Wills. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 08.11.2018).
17. Will of Rochester (Alice, widow of John) // *Calendar of Wills. Wills: 31–40 Elizabeth I (1588–1598)*. URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp713-725> (дата обращения: 08.11.2018).
18. *Евсеев В.А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М.; СПб., 2019.
19. *Венгер Ю.В.* История отечественной и зарубежной социальной работы. Витебск, 2005.
20. Proclamation of Queen Elizabeth against new buildings in and about London // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London* / ed. by W. G. Birch. L., 1887. P. 128–131.
21. *Митрофанов В.П.* Собственность и финансовые обязательства англичан (конец XVI – первая треть XVII вв.) // Электронный научно-

образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 8 (62). URL: <http://history.jes.su/s207987840001893-1-1> (дата обращения: 27.12.2017).

22. Will of Laylonde (Thomazine) // Calendar of Wills. Wills: 11–20 Elizabeth I (1568–1578). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp683-697> (дата обращения: 08.11.2018).

23. *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.

24. *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль в XIV–XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997.

25. *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. L., 1990.

26. Will of Legat (Isabella, widow of John, baker) // Calendar of Wills. Wills: 1–10 Elizabeth I (1558–1568). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp668-682> (дата обращения: 08.11.2018).

27. Will of Nycholas (Dame Elizabeth, relict of Sir Ambrose, Knt.) // Calendar of Wills. Wills: 21–30 Elizabeth I (1578–1588). URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp697-713> (дата обращения: 08.11.2018)

28. *Гуревич А. Я.* Средневековый купец // Одиссей. М., 1990. С. 97–131.

29. *Климова С. В.* Благотворительность предпринимателей: традиции и новации в социальной практике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 3 (57). С. 122–127.

С. Е. Киясов (Саратов)

**НАЧАЛЬНЫЕ СТЕПЕНИ МАСОНСКОГО ПОСВЯЩЕНИЯ:
ЭЗОТЕРИКА РИТУАЛОВ**

Аннотация: В статье рассматриваются масонские обряды посвящения в степени Ученика, Подмастерья и Мастера. Отмечено, что в основе обрядовой масонской культуры, сформированной в рамках XVIII столетия, просматриваются следы влияния древних мистерий и раннего христианства. Подчеркивается также специфика масонского вероучения, всегда лояльного к власти и церкви.

Ключевые слова: масонские обряды, степени посвящения, инициация, символы, масонская иерархия.

S. E. Kiyasov (Saratov)

**INITIAL DEGREES OF MASONIC INITIATION:
ESOTERIC RITUALS**

Abstract: The article is devoted to Masonic rites of dedication to the degrees of Apprentice, Fellow or Brother and Master. It is noted that the basis of the ritual Masonic culture, formed in the 18th century, shows traces of ancient mysteries and early Christianity influence. The specificity of the Masonic creed, always loyal to the authorities and the Church, is also emphasized.

Keywords: Masonic rites, degrees of dedication, initiation, symbols, Masonic hierarchy.

Внутренняя жизнь масонской ложи (Храма) наполнена многообразными событиями. Их системная первооснова — собрания, которые носят регулярный и организованный (церемониальный) характер. Они могут быть рабочими, праздничными и траурными. К числу рабочих, а потому и наиболее частых, относятся обрядовые собрания, главной целью которых является посвящение участника движения в одну из многочисленных степеней Братства. По этой причине французский философ-традиционалист и эзотерик Рене Генон (1886—1951) относит масонство к разряду «инициативных организаций». Таковыми он признавал также розенкрейцеров и баварских иллюминатов. Их общей и главной особенностью, по его мнению, была вовсе не тайная деятельность, а связь с «Вечным знанием» (примордиальная традиция), то есть с той системой

древнейших эзотерических знаний, которые передавались неопитам посредством специальных обрядов и символов. Все масоны, утверждал он, безусловно, являются приверженцами уже давно отвергнутой человечеством «Священной науки» [1, с. 428, 439]. Не случайно, даже те масоны, которые считали себя последователями Христа, настаивают на необходимости возврата к подлинным, древнейшим положениям своей религии [2, с. 199].

О важности таких обрядовых инициаций свидетельствует разветвленная, многоуровневая иерархия степеней масонского Братства. К примеру, наиболее распространенный с начала XIX в. Древний и Принятый Шотландский Обряд (1801) состоит из 33 степеней посвящения, или градусов. Первые три его степени составляют голубое (синее) масонство, степени с 4-й по 18-ю — красное масонство, с 19-й по 30-ю — черное масонство и, наконец, высшие три степени являют собой масонство белое. Возможна также их иная градация, в рамках которой принято выделять «голубую ложу», а также «ложу Совершенства» и «Храм». Возглавляют упомянутый Обряд три административные структуры: «Трибунал», «Консистория» и «Верховный Совет», а высшей степенью посвящения для новоявленных «шотландцев» стала степень Суверенного Генерального инспектора (33°).

Несмотря на обилие и разнообразие масонских инициаций, следует отметить важность посвящения в первые («классические») степени: Ученика, Подмастерья и Мастера. Прежде чем обратиться к освещению важнейших процедур приобщения к универсальным масонским степеням, необходимо подчеркнуть, что в ложах неукоснительно выдерживаются требования внутреннего Регламента. Так, согласно правилам, будущий масон (до конца XVIII в. — только мужчина) должен быть добродетельным, достойным и физически здоровым человеком, достигшим дееспособного возраста. Кандидат обязан подать письменное заявление в ложу, в котором он, помимо подтверждения собственного желания стать масоном, объявляет, что не ищет никаких льгот или привилегий. Обращение должно быть рассмотрено ложей, причем окончательное решение принимается тайным голосованием [3, с. 26]. Лишь по итогам благополучного для неопита-новичка результата назначается день его инициации или посвящения в искомую степень.

Ученик — первая степень в масонской иерархии. Она является канонической, поскольку принята всеми обрядами Вселенского масонского Братства. После ритуала посвящения ее обладатель стано-

вится членом ученической ложи, именуемой «первым этажом Храма Соломона». Тем самым «вольные каменщики» подчеркивают особую миссию ученика-неофита (новообращенного), начинающего собственный путь духовного преобразования. В соответствии с масонскими традициями Ученику не предъявляют особых требований. Главное для ложи — не только отыскать достойного кандидата для посвящения, но и удержать его в Братстве.

На самом первом этапе постижения масонского вероучения от Ученика требуется безупречное поведение, непрерывная борьба со своими дурными наклонностями и страстями. Его главная цель — самосовершенствование. В то же время ему следует научиться повиноваться масонским властям. В этих начинаниях Ученик должен опираться на «знания», которые содержатся в рекомендованной ему масонской литературе. Лишь через год, после достаточной подготовки, молодой масон, набравшийся мудрости в качестве Ученика, может сделать следующий шаг и стать обладателем степени Подмастерья.

Несмотря на торжественность и длительность церемонии принятия в братство, Ученик не получает статуса «вольного каменщика». Переход в новое качество требует времени, новых усилий и сопровождается очередным сложным обрядом. До истечения испытательного срока начинающий каменщик обязан тщательно изучить свои обязанности и устав Братства. Для собственного убеждения в творческом и прочном усвоении «учебного» материала ему в обязательном порядке поручается знакомство со специальным вопросником-катехизисом. Простейший масонский учебник содействовал формированию универсальной системы знаний, опиравшихся на признание божественного происхождения окружающего мира. Так, один из стереотипных вопросов такого катехизиса звучал: «Как высока ваша ложа?», требуя ответа — «Она достает неба», то есть Бога.

Обряд последующей инициации начинается в Ученической ложе, которая затем объявляется Товарищеской, то есть полномочной для присвоения искомой степени Подмастерья. Оказавшись на территории ложи, будущий Подмастерье подвергался опросу на предмет завершения работы в качестве Ученика. Получив от него и от присутствующих благоприятные ответы относительно содеянного в этой области, Мастер ложи отдавал приказ начать обряд.

Вторая универсальная степень масонского посвящения предполагает осуществление пяти символических путешествий и созер-

цание пламенеющей звезды с литерой «G», которую масоны почитали как эмблему Святой Троицы. Этот ритуал подчеркивает необходимость продолжить процесс самосовершенствования, который будет завершен в будущем, при посвящении в степень Мастера. В области архитектуры будущий Подмастерье обязан постичь перечень и смысл семи свободных искусств. Не вдаваясь в подробную характеристику их масонского толкования, отметим, что здесь запечатлены символы основ мироздания. Так, небо представлено в них астрономией, земля — геометрией. Великий и божественный дар — слово — нашел свое воплощение в грамматике и риторике, мысль — в логике, а эмоции наиболее точно воплотились в музыке. Отметим, что подобная интерпретация знания тесно сближает масонство с древнейшими, дохристианскими эзотерическими традициями. Например, интерпретация свойств музыки, которые распространялись на архитектуру, объединяет «вольных каменщиков» с пифагорейцами, которые верили в целительную силу мелодий. Масонские увлечения точными науками, и, в частности, геометрией, выдают их каббалистические познания. Иудейская Каббала является не только составной частью толкования высшего Закона, данного иудеям, но и теософской системой, оставившей заметный след в истории западноевропейской общественной и философской мысли Нового времени.

Совершив пятое символическое путешествие, Подмастерье, как принято считать масонами, заканчивает трудиться над «неотесанным камнем» собственной души. Он преодолевает сложный путь, начатый в пору ученичества, и с этого момента имеет право созерцать пламенеющую звезду, начиная познание литеры «G». В обряде посвящения в степень Подмастерья пентаграмма, или звезда Соломона, которая в иудейской символике имеет охранительное значение, трактуется в качестве эмблемы гения, возносящего дух к высшему пониманию вещей [4, с. 54]. Она также является символом священного огня, посредством которого масон может различать, познавать и выполнять истинные и справедливые действия. Буквенное обозначение, которое расположено в центре пентаграммы, расценивается масонами в качестве монограммы Бога (Got). Она же совпадает с началом слова Геометрия [4, с. 55].

После завершения церемонии кандидата, который наделяется статусом «вольного каменщика» и полноправного члена Братства, ведут к предназначенному ему месту в «колонне», расположенному на южной стороне ложи. Он также узнает новые тайные знаки и

слово-пароль своей степени — Иакин (Jakin) [5, p. 249]. С этого момента Подмастерье ожидает того времени, когда ему будет предложено стать Мастером ложи [6, с. 182—194]. Отметим, такой шаг не имеет ничего общего с обычным карьерным продвижением, поскольку речь идет о предоставлении возможности завершить масонский путь. Подмастерье был обязан развить привычку к наблюдению, критическому отношению к происходящему вокруг. Как правило, на этой стадии постижения тонкостей символического ремесла «вольных каменщиков» член ложи задерживается недолго. Отчасти это вызвано недостаточно высоким статусом степени Подмастерья в масонской иерархии. Подобное положение сложилось в начале XIX в., когда в Англии происходило соединение «старых» и «новых» масонских систем, составивших, в конечном итоге, Объединенную Великую ложу (UGL), быстро наполнившуюся аристократами.

Степень Мастера — высшая в регулярном масонстве. Она неизменно сопровождается эпитетами «Почтенный» или «Достойный». В центре этого обряда посвящения — легенда об архитекторе Хираме. Масоны полагают его главным строителем храма царя Соломона, воплощением которого по традиции считается каждая ложа. С этой точки зрения, отдельно взятый «вольный каменщик» является как бы символическим «живым» камнем, лично участвующим в воссоздании духовного храма Высшей Мудрости, сулящего человечеству веру в истинного и единого Бога, а также мир и процветание.

Перед началом церемонии в ложе опускается траурная завеса, украшенная жемчужинами — символом слез и печали. Стены декорируются черной материей, на которой белой краской нанесены изображения черепов, скелетов и костей. Изображение Солнца, обычно находящееся за тронем Мастера, закрывается плотной вуалью. По мнению О. Баррюэля (1741—1820), известного критика масонства, подобная символика свидетельствует об их приверженности учению Манеса (Мани) [7, ч. 5, с. 123—127]. Ложа, которая получает наименование «срединной комнаты», освещается лишь одной свечой. В центре масонского храма выставляется гроб Хирама (или его изображение на полу) и ветвь акации — дерева, которое, согласно легенде, помогло обнаружить тело вероломно убитого первого мастера. В головах гроба, ориентированного с запада на восток, располагают угольник, в ногах — компас. На столе Мастера размещаются традиционные масонские предметы: «пламенею-

щий» меч посвящения, Библия и молоток держания, который, на сей раз, украшен волосами [4, с. 56]. Здесь же находится тайный фонарь, изготовленный из человеческого черепа [8, с. 476]. Места надзирателей ложи отмечены угольником и линейкой. Офицеры ложи должны в определенный момент церемонии иметь под руками бумажный сверток-куклу, соответствующий размерами человеческому телу [9, р. 68]. Участники церемонии облачены в широкие голубые ленты с изображениями Солнца, Луны и семи звезд, которые символизируют небесный свод. Подобные приготовления не случайны, поскольку главной сюжетной линией церемонии является исполнение ритуала смерти и воскресения. Эта церемония полностью скопирована с мистерий алхимиков, конечной целью которых была трансмутация человека. Через испытания инициационными смертью и воскрешением миф Хирама изменял онтологический режим существования человека, который становился бессмертным [10, с.228].

Испытуемый готовился к церемонии столь же тщательно, как и прежде. Он раздет до пояса, все металлическое у него изъято, а веревочная петля охватывает тело. Его глаза завязывают, либо надевают на голову специальный глухой колпак. Претендент на степень Мастера некоторое время находится вне пределов главной комнаты, после чего его «случайно» обнаруживает брат-наставник. До этого момента он предается медитации, готовя себя к главным испытаниям в «срединной комнате». Появившись в ложе, испытуемый должен убедить Почтенного Мастера, что он не является одним из тех Подмастерьев, которые убили Хирама. После проверки ему дозволяется перешагнуть через гроб и оказаться рядом с алтарем, где им приносится главная клятва масона [10, с. 302—303]. Будущий Мастер коленопреклоненно обещает не раскрывать секретов ложи и своей степени никому, включая братьев-масонов, стоящих на более низких ступенях иерархии. Наказание за нарушение принятых обязательств — в духе самых страшных средневековых казней — предусматривает четвертование и вырывание внутренностей [10, 302—303]. После окончания церемониальной клятвы повязка с глаз снимается, и новоиспеченному Мастеру сообщают некоторые тайны новой степени. В частности, он узнает главный масонский сигнал о помощи, который подается поднятыми вверх руками.

Однако обряд посвящения не завершен и должен продолжаться далее. Новому Мастеру объявляют, что он удостоивается чести

пройти дорогой Хирама, испытав пережитые строителем храма Соломона мучения, и проверить собственную твердость. С этого момента предание о Мастере и ритуал посвящения причудливо накладываются друг на друга. Председательствующий рассказывает о событиях, происшедших в древнем храме, а масон, которому вновь завязывают глаза, мысленно переживает убийство своего прототипа. Исполняя данную клятву, он, как и Хирам, не должен выдать своим «преследователям» секретов ремесла. После символического убийства смотрители отправляются на поиски тела новоиспеченного «Хирама». Его могила быстро обнаружена, поскольку обозначена веткой акации (символ бессмертия и платонической любви). Тело погибшего Мастера «воскрешается», а сама церемония сопровождается братскими прикосновениями (рука к руке, колено к колену, нога к ноге) и требует участия всех присутствующих. Происходящее не только репродуцирует древние религиозные обряды, но и символизирует единение, взаимопомощь масонов. По приказу царя Соломона, роль которого в этот ответственный момент исполняет Мастер ложи, найдены и наказаны убийцы. После вторичного произнесения клятвы и оглашения пароля Мастера церемония заканчивается.

Главным мотивом посвящения в степень Мастера также являются каноны христианства. Идея воскрешения предстает в качестве одной из центральных и ортодоксальных в учении, прославляющем Иисуса Христа. С точки зрения масонских традиций, основанных на вере в Бога и в бессмертие Души, внимание к жизнеутверждающей легенде о Хираме вполне закономерно. Однако в этой процедуре достаточно сильны традиции раннего христианства. Но их присутствие не ослабляет интеллектуального и духовного потенциала этой степени. Напротив, объединение еретических и ортодоксальных христианских представлений помогает масону высшей символической степени осознать полезность компромисса и подготовиться к открытиям продолжающейся трансмутации.

Подводя итоги, можно констатировать, что масонские ритуалы изначально не содержали в себе каких-либо интригующих секретов. Более того, в конце XVIII в. старинные обряды и символы во многом утратили свой первоначальный смысл. Их присутствие в масонских ложах носило условный характер, было непонятно большинству самих «вольных каменщиков». Рождение новых пышных ритуалов, имевших отношение к высоким степеням, зачастую носило декоративный характер. Они не свидетельствовали об

открытии новых пластов секретных знаний, а подчеркивали растущую популярность движения, которое нуждалось в очередных привлекательных и таинственных обрядах. Помимо всего прочего, таким способом был реализован принцип иерархичности посвящения. Новые масонские степени разделили Братство по критериям полезности и влияния. Внутри Ордена сложилась собственная элита, которая во многом дублировала социальные различия, существовавшие во внешнем мире, в обществе «непосвященных».

Список источников и литературы:

1. *Генон Р.* Символика креста / пер. с фр. М., 2004.
2. *Плуменек К. Г.* Влияние истинного свободного каменщицества во всеобщее благо государств / пер. с нем. М., 1816.
3. Всеобщие законы (1782) // НИОР (научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ. Ф. 14 (Арсеньев В.С.). Ед. хр. 2.
4. *Борзаковский Д. А.* Франк-масонство и тайные общества древнего и нового мира / сост. по Ф. Клавелю и др. М., 1900.
5. *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1997.
6. [Гучинсон В.] Дух масонства. Нравоучительные и истолковательные речи / пер. с нем. М., 1783.
7. [Баррюэль О.] Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания: в 12 ч. / пер. с фр. М., 1805—1809.
8. Энциклопедия суеверий / пер. с англ. М., 2001.
9. *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P., 1987.
10. *Элиаде М.* Азиатская алхимия: Сборник эссе / пер. с рум., англ. и фр. яз. М., 1998.

Л. Р. Сабитова (Саратов)

**«ТУЛОНСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ» 1798 Г.:
БРИТАНСКИЕ АГЕНТЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ О ЦЕЛЯХ
ЭКСПЕДИЦИИ БОНАПАРТА**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о наличии у британского правительства точных данных о цели французской экспедиции, которая готовилась в Тулонском порту в начале 1798 г. В качестве аргументов приводятся сведения, предоставленные британскими агентами непосредственно из Средиземноморского региона, а также размышления британских политиков по этому поводу.

Ключевые слова: Наполеон, Египет, Средиземное море, британские агенты.

L. R. Sabitova (Saratov)

**«THE TOULON ARMAMENT» OF 1798:
BRITISH AGENTS IN THE MEDITERRANEAN
CONCERNING THE AIMS OF BONAPARTE'S EXPEDITION**

Abstract. The article questions if the British government possessed exact data concerning the aims of the French expedition which was being launched at the port of Toulon in early 1798. Information collected by British agents from the Mediterranean region itself, as well as the conclusions of politicians made on this issue are used as arguments.

Keywords: Napoleon, Egypt, Mediterranean, British intelligence collection.

Восточный поход Наполеона Бонапарта — один из самых «хрестоматийных» сюжетов в истории. Тем не менее, интерес к дерзкой авантюре молодого генерала, предпринятой в начале его блестящей карьеры, не ослабевает, исследователи продолжают находить все новые детали. Вместе с тем, как правило, это в основном касается действий французской армии. Что же касается англичан, против кого, по официальной версии, был направлен удар, то историков, в основном, интересовали два вопроса: знали ли в Лондоне, куда именно направляется французская экспедиция, и верили ли, что она может достичь Индии. Ответ на второй вопрос до сих пор является спорным (в том числе и для современников — английских чиновников и военных). Что же касается первого вопроса, то дело обстоит следующим образом. Историки, с одной стороны, отмечали,

что французская экспедиция готовилась в атмосфере строжайшей секретности [1, с. 377], с другой — писали о том, что англичане уже давно видели на Ближнем Востоке зону своих непосредственных интересов [2, с. 135]. Интерес к Египту у англичан и французов усилился в последней четверти XVIII в. Даже высказывалось предположение, что у англичан было больше причин подчинить себе Египет, чем у французов [3, с. 135—137].

В свете вышесказанного, возникает вопрос: если цели французов были столь очевидны, почему же эскадра адмирала Нельсона, посланная для уничтожения экспедиции, с мая по август 1798 г. металась по Средиземному морю — «большому озеру», безуспешно пытаясь их поймать? Одна из версий — британское правительство и Адмиралтейство в тот момент считали наиболее вероятной целью свои непосредственные колонии — Ирландию или острова в Карибском море. Однако одно дело — логика и мнения политиков, а другое — непосредственная информация, поступавшая на этот счет.

В настоящей статье предпринята попытка восстановить ход событий и посмотреть на данные, которые представляли относительно французской экспедиции британские агенты в Средиземном море.

В начале 1798 г. Великобритания, единственная держава, не подписавшая мир с Францией по итогам первой антифранцузской коалиции, больше беспокоилась за возможность французского вторжения. Правительству было известно о создании для этой цели «Английской армии», возглавить которую был призван уже прославившийся генерал Бонапарт. Последний был замечен в ходе инспектирования сил в феврале, однако англичане тогда не знали, что он отказался от идеи пересечь Ла-Манш и решил переориентировать экспедицию совершенно в противоположном направлении — на Восток. В начале марта 1798 г. Директория приняла его предложение. Тогда же было решено, что 26 тыс. человек пехоты и 2 800 — кавалерии будут готовиться к отправке из Тулона, Марселя, Генуи, Чивитавеккии и Бастии, примерно, в середине апреля.

Взгляды британских политиков не обращались к Средиземному морью до начала апреля 1798 г., когда Священная Римская империя попросила о поддержке британским флотом своего протекже — Неаполитанского королевства — в случае угрозы нападения французов [4, р. 279]. Адмиралтейство не выказало подозрений по этому поводу. По имевшимся данным, у французов в Средиземном море было всего 9 кораблей: 3 под Тулоном и 6 на Корфу, на захвачен-

ных у Венеции Ионических островах, причем все они были плохо укомплектованы и вооружены. Тем не менее, вскоре из парижских газет стали поступать намеки, что под Тулоном что-то готовится, свидетельством чего являлась срочная комплектация кораблей, прибытие сухопутных офицеров и транспортных судов.

Вопросы комплектации привели к тому, что отправка экспедиции была задержана на месяц. К счастью для англичан, именно в конце апреля английские представители в Италии (официально нейтральных Пьемонте, Генуе и Тоскане) начали передавать ценные сведения. В частности, британский агент Т. Джексон сообщал из Турина, что количество сил и рассчитанные на 3 месяца припасы явно предполагают более отдаленную цель, чем близко расположенные и слабо защищенные Неаполь или Сардинию. Джексон полагал, что целью французской экспедиции станет Португалия либо объединение с испанским флотом и вторжение на Британские острова, но в любом случае она находится за пределами Средиземного моря. Впрочем, глава Адмиралтейства граф Спенсер на этот счет отмечал, что значение «Тулонского вооружения» сильно преувеличено [5, р. 437]. Свою роль в формировании подобного мнения явно сыграли французские газеты, в начале апреля 1798 г. «отправлявшие» экспедицию Бонапарта (возможно, не без ведома Директории) то в Брест, то в Неаполь.

В свою очередь, противоречивая информация поступала и британским министрам. Так, в своем дневнике за апрель 1798 г. министр иностранных дел У. Гренвилль отмечал: «24 апреля. Сведения о готовящейся в Тулоне экспедиции. Цели: Португалия, Неаполь, Египет? Первое вероятнее всего — это наш последний оставшийся союзник. 26 апреля. Агент 67 78 71 полагает, что цель Египет, как это ни невероятно. 27 апреля. Агент 81 7 63 сообщает, что тулонский флот идет в Барселону для переброски подкрепления в Португалию. Слишком очевидно, чтобы не верить» [4, р. 281].

По данным, которыми располагал военный министр Генри Дандас, главной целью французской экспедиции являлась Ирландия, судя по имевшейся информации о контактах с французами лидеров ирландских повстанцев-эмигрантов. Второй возможной целью считались Сардиния и Неаполь, после захвата которых предполагалось распространить революционные идеи по всей Европе, включая Восточную. Лишь в качестве третьей цели назывался Египет. На мысль об этой цели наталкивало якобы данное странное разрешение султана на проход 400 французских солдат через его

владения с тем, чтобы присоединиться в Индии к Типу Султану и маратхам. Информаторы Дандаса также предполагали, что Директория явно ищет, куда услать Бонапарта, не зная, как применить его военные таланты на родине в данный момент [5, р. 324—325].

Тем временем первого лорда Адмиралтейства графа Спенсера явно больше интересовало усиление французов в Бресте (уже 30 линейных кораблей). Только 29 апреля 1798 г. он отдал приказ командующему британским средиземноморским флотом графу Сент-Винсенту отделить часть эскадры, блокировавшей испанский Кадис, и отправить ее следить за французским флотом в Тулоне. Глава морского ведомства отмечал, что целью французов могут являться Испания, Неаполь или, хотя очень маловероятно, Левант [5, р. 447].

У офицеров флота на тот момент имелись следующие данные. После завоевания Бонапартом Италии и потери базы на Корсике британский средиземноморский флот вынужден был отступить в Гибралтар и фактически не имел сведений о происходящем в регионе. Однако, по счастливой случайности, командующий отправил в нейтральную Геную некоего лейтенанта Уильяма Дэй продать захваченные до этого британские транспорты и выкупить их команды. Свою непосредственную задачу Дэй не выполнил, но смог поближе рассмотреть подготовку к отправке экспедиции профессиональным взглядом. Так, в своем докладе он отметил плохое состояние готовившихся к выходу в море венецианских судов, явно непригодных для океанского плавания (то же отмечал ранее и британский консул на Корфу Спиридон Форести). Это сразу сужало поиск цели французов до стратегически важных объектов, расположенных в Средиземном море. Далее лейтенант отмечал погрузку на корабли 4 тыс. странных предметов — пустых запаянных бочек. По его предположению, они могли служить балластом, прикрепляться к днищу тяжелых кораблей, чтобы уменьшить их осадку на мелководье. Как моряк, Дэй сразу же определил, что в этом случае пунктом назначения с большой вероятностью может быть Левант и Черноморские проливы [6, р. 185].

Любопытная информация пришла из совсем неожиданного источника. Французский минералог М. де Долемье, отправлявшийся с экспедицией, написал о ней своему другу в Германию, а тот передал профессору Геттингенского университета М. де Люку (входившему в окружение английской королевы Шарлотты и агенту Форин Оффиса), что в экспедицию берутся книги о Леванте, едут

несколько профессоров, знающих арабский, турецкий и персидский языки. Цель — захват Египта и установление контроля над Суэцким перешейком, чтобы прервать сообщение англичан с Индией. Исполнитель — Бонапарт и 30 тыс. солдат [6, р. 193].

В свою очередь, точные данные прислал британский консул в Ливорно Джон Удни. Через некоего торговца Джонса, использовавшего деловые связи, он узнал все цели французской экспедиции, вплоть до промежуточных захватов (Мальта). В то же время уже упоминавшийся агент Т. Джексон из Турина отмечал, что какой-либо проверенной информации нет, и что французскую армию, скорее всего, ждут в Испании [7, р. 37].

Тем не менее, хотя все больше фактов было в пользу Египта, британское правительство (прежде всего в лице премьер-министра У. Питта и министра иностранных дел У. Гренвилля) предпочло считать главной целью французской экспедиции Португалию и Ирландию, полагая «восточные намеки» намеренной дезинформацией. В мае 1798 г. Питт писал генерал-губернатору Индии графу Морнингтону: «Французы вышли из-под Тулона на помощь ирландским якобинцам. Они не знают, что мы усилили адмирала Сент-Винсента в Гибралтаре и достойно встретим их!» [6, р. 229—230].

Впрочем, несмотря на вполне определившиеся взгляды своих коллег, военный министр Г. Дандас все же предпринял шаги по защите Индии, в качестве превентивной меры отправив эскадру адмирала Джона Бланкетта блокировать Красное море. Наблюдая с 1780-х гг. растущий интерес к Египту и пролегающему через его территорию пути в Индию, он не сомневался, что цели французов на Востоке вполне реальны. К тому времени, к концу мая 1798 г., с мыса Доброй Надежды прибыл текст манифеста французского губернатора Маврикия от 30 января, объявлявшего, что Типу Султан желает союза с Францией и просит французских добровольцев с острова вступать в его армию. Более того, Дандас получил письмо от бывшего консула в Египте Джорджа Болдуина, который с начала революции во Франции наблюдал растущую активность французов на Востоке, прямо называл эту провинцию Османской империи как основную цель готовившейся экспедиции [8, р. 46—48].

Намерения французов, прежде невероятные, теперь стали очевидны. Министр иностранных дел У. Гренвилль писал брату: «И все же, судя по всему, они направились в Египет! Дандас считает, что их действия в целом не лишены смысла. Остается лишь наде-

яться, что они не достигнут цели, в любом случае наша единственная надежда - Нельсон» [9, р. 400—401].

Задача адмирала сэра Горацио Нельсона, эскадру которого отделили в начале мая 1798 г. от основных сил британского средиземноморского флота в Гибралтаре, была проста: ждать выхода экспедиции в открытое море и навязать французам сражение, пресекая достижение ими цели. Однако английская эскадра попала в шторм, была разметана, фрегаты потеряны, а французы успели выйти в море в неизвестном направлении. Последняя информация, полученная Нельсоном от начальства, не содержала конкретных утверждений на этот счет. Желая нагнать французский флот, Нельсон бросился в погоню сам, полагаясь лишь на интуицию и на информацию от встречных и захваченных судов. Она была крайне скудной и неточной. Проверив главный изначально планируемый пункт нападения — Неаполь — и найдя его нетронутым, Нельсон узнал о захвате Мальты. Капитан генуэзского брига, сообщивший англичанам об этом, отметил, что французы ушли с Мальты в восточном направлении, но на несколько дней ошибся с датой отправки. По расчетам Нельсона, французский флот опережал его эскадру на три дня. Бросившись к Египту, англичане прошли параллельным курсом с французами, первыми появились у берегов Египта и поняли бесплодность погони [7, р. 51—53].

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но вопрос, каким был бы исход сражения, если бы англичане и французы все-таки встретились в открытом море, специалисты все же поднимали. Английские исследователи полагают, что он мог быть явно не в пользу Нельсона с его потрепанной и относительно небольшой эскадрой, в то время как французские корабли были переполнены солдатами и пушками (в том числе сухопутными, которые Наполеон, вопреки желаниям французских капитанов, распорядился перевозить на военных кораблях, а не на транспортных судах). С другой стороны, неизвестно, как бы сложилась история Европы, если бы в ходе сражения что-то случилось с Наполеоном. Судьбу двух эскадр фактически решил капитан генуэзского брига [4, р. 288].

Нельсон вскоре понял совершенную ошибку и пошел «по второму кругу». Через два с половиной месяца после начала погони, в ночь с 1 на 2 августа 1798 г., он уничтожил французский флот в Абукирском заливе. Свою непосредственную задачу британский

адмирал выполнил, однако французские войска уже успели высадиться в Египте и развить бурную деятельность.

Таким образом, можно сказать, что информация о Египте как цели французов у англичан была. Ряд агентов предоставил точные данные относительно количества отправляемых сил, промежуточных и конечных целей. Другое дело, что британские политики и высшее военное командование — люди, заинтересованные, прежде всего, в обороне Британских островов, своих колоний и союзников на континенте, не могли предпочесть логике очевидные факты. Единственным исключением стал военный министр Г. Дандас, распорядившийся послать эскадру в Красное море, чтобы контролировать марш французов по Суэцкому перешейку. Хотя министры с типичным английским высокомерием заявляли о глупости этой экспедиции, очень скоро они были вынуждены признать, что она выпустила джинна, о существовании которого ведущие европейские державы знали, но четверть века корректно держали в бутылке — Восточный вопрос. После Восточного похода, несмотря на попытки вернуть войну в Европу, исключить Ближний Восток из сферы интересов европейских держав стало уже невозможно.

Список источников и литературы:

1. *Мэхен А.Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю: в 2 т. / пер. с англ. М.; СПб, 2002. Т. 2.
2. *Трухановский В.Г.* Судьба адмирала: триумф и трагедия. М., 1984.
3. *Anis M.A.* Some aspects of British interest in Egypt in the late 18th century. PhD Thesis. Birmingham, 1950.
4. *Duffy M.* British Naval Intelligence and Bonaparte's Egyptian Expedition // *The Mariner's Mirror*. 1998. Vol. 84. №3. P. 278—290.
5. *Private papers of George, Second Earl of Spencer: in 4 vols.* L., 1914. Vol. 2.
6. *The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq, Preserved at Dropmore: in 10 vols.* L., 1899. Vol. 4.
7. *Rodger A.B.* *The War of the Second Coalition 1798—1801: A Strategic Commentary.* Oxford, 1964.
8. *Two Views of British India: The Private Correspondence of Mr. Dundas and Lord Wellesley, 1798—1801 / ed. by E. Ingram.* Bath, 1970.
9. *Memoirs of the Court and Cabinets of George III: in 4 vols.* / ed. by Duke of Buckingham and Chandos. L., 1852. Vol. 2.

С. А. Богомолов (Ульяновск)

**РЕФОРМЫ МУХАММЕДА АЛИ В ЕГИПТЕ
В 20-40-е ГГ. XIX В.: КОМПЛЕКСНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
ИСЛАМСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. В данной статье анализируются реформы Мухаммеда Али в Египте как комплексная модернизация политической и социально-экономической систем исламского общества. Авторитарная модель государственного механизма обеспечила централизованный контроль и оперативное использование ресурсов аграрной экономики Египта. Мухаммед Али активизировал развитие товарного сектора в сельском хозяйстве для увеличения экспорта хлопка и другого сырья на европейские рынки. Комплексная модернизация при значительных социальных издержках заложила основы современного Египта.

Ключевые слова. Реформы в Египте, ислам, мамлюки, Османская империя, Мухаммед Али, А.-Б. Клот-бей.

S. A. Bogomolov (Ulianovsk)

**REFORMS OF MUHAMMAD ALI IN EGYPT IN THE 1820—1840S:
COMPLEX MODERNIZATION OF ISLAMIC SOCIETY AND STATE**

Abstract: The article examines the Muhammad Ali reforms in Egypt as a complex modernization of political and socio-economic systems of Islamic society. The authoritarian model of government machinery ensured centralized control and efficient use of resources of the Egyptian agrarian economy. Muhammad Ali has stepped up development of the commodity sector in agriculture to increase the export of cotton and other raw materials to European markets. The complex modernization at considerable social cost laid the foundations of modern Egypt.

Keywords: Reform in Egypt, Islam, Mamluk, Ottoman Empire, Muhammad Ali, A.-B. Clot-Bey.

В историю Египта Мухаммед Али (1769—1849) вошел как основатель Албанской династии, заложивший основы современной государственно-политической и социально-экономической системы. Он появился в Стране пирамид в 1799 г., завербовавшись на своей родине в Кавалле (Румелии) в качестве наемного «солдата удачи» в составе османских войск, направленных султаном Селимом III для борьбы с экспедиционным корпусом Наполеона Бонапарта. После эвакуации французских войск Мухаммед Али остался в Египте, ко-

торый стал его новой родиной. Он проявил себя как талантливый военачальник и политик, первоначально опиравшийся на военный отряд своих соотечественников-албанцев, а затем возглавивший борьбу всего арабского (египетского) общества против европейских и османских интервентов. В 1805 г. султан Селим III назначил его на пост губернатора (вали). В 1805—1821 гг. Мухаммед Али провел серию подготовительных преобразований, расчищая почву для кардинальной модернизации египетского общества и государства. В 1811 г. в цитадели Каира были уничтожены его главные соперники в борьбе за власть — мамлюкские эмиры [1, с. 57—66].

Мухаммед Али начал модернизацию Египта с аграрной реформы, целью которой было повышение эффективности сельского хозяйства, увеличение производства товарной продукции, востребованной на европейских рынках. Это, по замыслу реформатора, позволило бы сконцентрировать экспортные доходы в государственном бюджете и мобилизовать внутренние источники финансирования инвестиций. Главными целями реформы были централизация системы налогообложения, ликвидация иммунитетов местных нотаблей (ильтизамов) и духовенства (вакфов). Для этого в 1813—1819 гг. был проведен кадастр сельскохозяйственных земель.

Мухаммед Али предпринял энергичные меры для упорядочения налогообложения. В 1811 г. были ликвидированы права на откуп налогов (ильтизамы) мамлюков, а в 1813 г. — других крупных землевладельцев — нотаблей-мультазимов. Провинциальная знать сохранила пожизненное право собственности на земли висийя, которые только при отсутствии наследника переходили в государственную собственность. Государственные органы получили возможность произвольно конфисковать земельную собственность, назначив бывшему владельцу выплату ренты. Но эта рента назначалась по произволу чиновников, как правило, была мизерной и выплачивалась нерегулярно. Вместе с частными земельными владениями в государственную собственность переходили земли ихбасийя, из доходов которых при мамлюках финансировалась деятельность религиозных и благотворительных учреждений.

По приказу Мухаммеда Али началась организация централизованного сбора налогов, для чего собирались сведения о доходах землевладельцев. Размер единого поземельного налога (хараджа) варьировался в зависимости от плодородия почв и количества получаемой воды. В отличие от прежней ренты мамлюков государ-

ственные налоги при Мухаммеде Али собирались настойчиво, своевременно и в полном объеме. В результате реформы налогообложения в 1799—1840 гг. доходы бюджета увеличились с 35 до 60 млн франков. Налоговые реформы Мухаммеда Али были направлены на изъятие максимального объема ресурсов из аграрного сектора, традиционного ремесла и торговли. Феллахи сохраняли минимальное количество произведенной продукции, которая обеспечивала нищенское существование. Британский журналист Э. Дайси определил отношение феллахов к преемственной и довольно похожей власти мамлюков и Мухаммеда Али фразой царя древнего Израиля Ровоама, который сменил своего отца Иеровоама: он наказывал израильтян плетьюми, а я буду скорпионами [2, р. 49—50].

Вице-король «Ровоам» продолжил традиционную политику государственной монополии на закупки и экспорт наиболее ценных сельскохозяйственных культур, которая была основана в Египте фараоном Сезострисом и его советником Иосифом. Государство закупало у феллахов по фиксированным ценам для экспорта хлопок, рис, камедь, индиго, сахар, опиум. Это существенно расширило налогооблагаемую базу бюджета. В 1816 г. был установлен централизованный правительственный контроль всего сельскохозяйственного производства. С 1821 г. под руководством французского инженера Жумеля начались экспериментальные посадки длинноволокнистого хлопка. Эксперименты увенчались успехом, и в Египте начало быстро расширяться производство этого высококачественного сырья, пользующегося устойчивым спросом на европейских рынках [3, р. 16].

Мухаммед Али понимал, что аграрная экономика не будет устойчива и самодостаточна без промышленных предприятий. В 1818 г. в Египте был построен в Риф Муне (провинция Миниех) первый завод по производству сахара, скопированный с предприятий на Антильских островах. В Булаке, северном торгово-промышленном предместье Каира, началось строительство первого предприятия по переработке хлопка. К 1837 г. в Египте функционировало 29 текстильных фабрик.

Естественно, главной заботой вице-короля было производство оружия, боеприпасов и другого военного снаряжения. Но в этой области технологический потенциал египетской промышленности был крайне ограничен. Под руководством химика Хейма на заводах в Каире, Бедрихрине, Ахмунейне, Файюме, Ганасе и Терранехе

началось производство селитры. В Мекиасе на острове Раудаг был построен пороховой завод по образцу французского предприятия в Сен-Шамасе в устье Роны. Под руководством английского инженера Галлоуэна в Булаке началась выплавка чугуна [4, ч. 2, с. 222—229].

Индустриализация и внедрение европейских технологий в Египте ограничивались объективными факторами. Отсутствие лесов, рек с быстрым течением и месторождений каменного угля делало невозможным массовое использование паровых машин. При их отсутствии импортные станки приводились в действие тягловым скотом. Неравномерность движения животных приводила к порче механизмов и снижению качества выпускаемой продукции. Сухой воздух и пыль имели следствием частые обрывы нитей, а высокие температуры — деформацию металлических деталей.

Авторитарный характер государственной власти и сохранение архаичной структуры ремесленных и торговых корпораций не позволяли использовать в ходе экономических реформ механизмы рыночной конкуренции для повышения эффективности промышленного производства. Государство сохраняло монопольный контроль над стратегическими сырьевыми ресурсами: распределяло лен и хлопок для текстильных предприятий, а затем закупало их продукцию по регламентированным ценам. Чиновники, управлявшие предприятиями, своим тотальным воровством, экономической и технической некомпетентностью «добивали» первенцев египетской промышленности. Низкое качество выпускаемых тканей делало их неконкурентоспособными как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Фабричные рабочие постоянно отвлекались на сельскохозяйственные и общественные работы. Зарплату на промышленных предприятиях постоянно задерживали, либо выдавали натуральной продукцией или бонами [5, с. 58—75].

Тем не менее, в сравнении с предшествующим совместным правлением османских наместников и мамлюков, следует отметить существенную модернизацию египетской экономики. Немалую роль в этом сыграли европейские предприниматели и инженеры, во время правления Мухаммеда Али сформировавшие в Египте довольно многочисленную колонию, защищенную режимом капитуляций. В 1830 г. Т. Вегхорн получил концессию на строительство дороги Каир — Суэц для ускорения транзита товаров и пассажиров из Европы в Индию. 27 января 1843 г. в Александрии открылся Государственный банк, который стал центром египетской финан-

совой системы. Экономические реформы требовали стабилизации денежной системы. Египетский реал, включавший 20 пиастров, и египетский фунт, насчитывавший 100 пиастров, все более вытеснялись из денежного оборота французским франком и британским фунтом стерлингов [5, с. 80—81]. В 1833 г. доход государственного бюджета составил 62778750 франков, а расход — 49951500 франков. Большой профицит бюджета после завершения успешной войны в Сирии характеризовал устойчивое состояние египетской экономики и высокую степень управляемости финансового сектора [4, ч. 2, с. 160—167; 6, р. 10].

Государственные земли хараджийя сдавались крестьянам в аренду участками по 3—5 федданов (1 феддан — 0,42 га) без права продажи и наследования. Целинные земли аббаид сдавались в аренду богатым землевладельцам для освоения. Для суфийских тарикатов потеря рентных платежей от ильтизамов компенсировалась предоставлением права кадам — монопольного права организации религиозных церемоний и сбора милостыни на соответствующей территории. Тарикаты, не имевшие права кадам, быстро приходили в упадок [7, с. 75—87].

В Дельте началась модернизация ирригационных систем, которые должны были обеспечить круглогодичное орошение и выращивание хлопка на экспорт. Принудительный труд 400 тыс. феллахов позволил провести углубление каналов ниже уровня Нила в межень, что стабилизировало водоснабжение в период между его разливами. Одновременно осуществлялось строительство дамб на случай чрезмерных разливов. Кроме того, водосборные плотины в устьях каналов предотвращали поступление морской воды в оросительные системы.

В апреле 1817 г. по приказу Мухаммеда Али началось беспрецедентное в Египте, как и во всей Османской империи, строительство канала Махмудийя, названного в честь султана Махмуда II (1808—1839). Канал протяженностью 72 км должен был соединить гавань Александрии с Нилом и значительно облегчить сообщение «морских ворот» Египта с Каиром и Верхним Египтом. Мухаммед Али использовал традиционную систему ежегодных принудительных работ крестьян «корви» (*corvee*) на ремонте ирригационных систем. В марте 1819 г. на строительстве канала работали 300 тыс. чел., собранных во всех провинциях Нижнего Египта. Египетская казна затратила 35 тыс. «кошельков» серебра (в одном «кошельке» было 500 пиастров). Во французской валюте расходы оценивались

в 7,5 млн франков. Кроме того, по крайне приблизительно оценкам, на работах погибло до 100 тыс. чел. [6, p. 11].

Судья Апелляционного суда, занимавший эту должность в Каире в 1880-е гг., Чарльз Ройл рассказал любопытный анекдот, относящийся к началу строительства. Французский инженер при подготовке проекта доложил Мухаммеду Али о большом крюке, который придется сделать, чтобы обогнуть возвышенности в пустыне. Француз был встревожен необходимостью увеличения сроков и расходов на строительство. Великий паша воспринял его тревогу с истинным мусульманским фатализмом. Сначала губернатор спросил инженера, текут ли во Франции все реки по прямым линиям? Получив отрицательный ответ, Мухаммед Али задал риторический вопрос: «неужели вы думаете, что вы или я лучше, чем Аллах, знают, как течь воде?». Решительность и непреклонная воля правителя, не считавшегося с затратами денег и труда подневольных феллахов, позволили успешно завершить строительство в 1820 г. Всего в период правления Мухаммеда Али было построено 686 новых каналов общей протяженностью 1200 миль. Вместе с расчисткой и углублением старых каналов это позволило увеличить площадь орошаемых земель на 18 % [8, p. 118; 9, p. 152].

Стабилизация политической и экономической ситуации в Египте в 1810-е гг. позволила Мухаммеду Али в следующее десятилетие перейти к модернизации аппарата государственного управления. Исследователь из университета Питтсбурга (США) Ф. Роберт Хантер выделил 4 типа традиционных элит эпохи египетского государства-«домовладения» первой половины XIX в. Это кровные родственники, связанные с Мухаммедом Али до его прихода к власти; кровные родственники, получившие посты после его прихода к власти; мамлюки («черкесы»), уцелевшие в ходе репрессий и перешедшие на службу к новому правителю; аффилированные клиенты, поступившие на службу по частным соглашениям и сделавшие карьеру за счет личных достоинств [3, p. 23].

В начале своего правления Мухаммед Али ограничился копированием архаичной османской системы государственного управления. Базовым органом его системы стал Государственный совет (Маджлис аль-Машвара аль-Малякийя), члены которого произвольно назначались всемогущим правителем Египта. Руководство вооруженными силами осуществляли Совет по военным делам (Маджлис аль-Машварийя аль-Аскарыйя) и Совет по делам флота (Тарсхана). Совет купцов (Дива ат-Туггар) и Казначейство (Рузна-

ма) контролировали положение дел в экономике. Султан в Константинополе назначал на один год главного судью (кади), который принадлежал к ханифитскому мазхабу и руководил судами в Египте. Но фактически судопроизводство осуществляли его заместитель (наиб), муфтии маликитского и шафиитского мазхабов и главный судебный пристав (баш-расуль). Мухаммед Али назначал губернаторов провинций (назиров) и их заместителей (кашифов), которые управляли сельским населением с помощью деревенских шейхов-старейшин (шейх аль-балад) [10, с. 125—126].

В 1824 г. Мухаммед Али, используя французские образцы, начал комплексную административную реформу. Формально он оставался оттоманским губернатором с титулом паши (вали или в европейском дискурсе — вице-королем), одновременно (в оттоманском дискурсе) получив статус генерального инспектора в диване (муфаттиш умум). Государственный аппарат из архаичного «домовладения», совмещавшего двор и гарем, постепенно начал трансформироваться в упорядоченную систему бюрократических учреждений. В то же время двор и гарем насчитывали около 1500 человек и по-прежнему играли значительную роль в государственном управлении.

Мухаммед Али лично руководил кабинетом, состоявшим из приближенных лиц и заседавшим в его дворце. «Ближний круг» координировал деятельность государственных учреждений, выполнял посредническую роль в отношениях губернатора и чиновников, собирал информацию о положении в столице и провинциях. На заседаниях кабинета под руководством Мухаммеда Али принимались стратегические решения, которые выполнялись без дальнейшего обсуждения. В состав личного кабинета входили главный директор (башмуавин), главный переводчик (башмутарджим), главный казначей (хазнадар), первый лейтенант (катхуда), гранд-мастер церемоний (ташрифати), хранитель печати (мухурдар), хранитель сабли (суахдар), главный врач (хакем баша), а также главный евнух, хранители письменного прибора, ключей и трубки повелителя.

Исполнительная государственная власть концентрировалась в департаментах (диванах) и советах (меджлисах). Департамент гражданских дел (аль-Диван аль-мульки/аль-Диван аль-хидиви) руководил всеми внутренними делами, кроме финансов, определял жалование государственных служащих, составлял приказы для провинциальной администрации, получал и проверял финансовую

документацию из провинций. В компетенцию этого государственного органа входили дела казначейства, коммерческих советов, госпиталей, религиозных фондов-эндоументов (вакфов), карантинная и почтовая служба, выдача паспортов, переписи населения, а также строительство наиболее важных объектов — канала Махмудийя, Монетного двора, Арсенала в Булаке и т. д. Кроме того, на Департамент гражданских дел возлагались наиболее важные судебные функции — вынесение приговоров по делам о государственной измене, шпионаже и об убийствах.

Провинции были разделены на области (мамурийя), которыми руководили мамуры, районы-дистрикты (кисмы) во главе с назирами и суб-дистрикты (хатты) с начальниками-хакимами. Хатты одновременно являлись судебными департаментами. Следует отметить, что статус мамуров во многом напоминал французских префектов, а хакимов, руководивших хаттами — глав кантонов. Во главе деревенской администрации оставались шейхи аль-балад, в помощь которым назначались сборщики налогов (саррафы) и надсмотрщики за сельскохозяйственными землями (хаули).

Мудирь и мамуры несли ответственность за выполнение указов Мухаммеда Али, контролируя их выполнение местной администрацией и регулярно отправляя рапорты в Каир. Они контролировали ход сельскохозяйственных работ, проверяли состояние земель, инспектировали фабрики, ирригационные сооружения и т. д. Кроме того, мамуры разбирали жалобы населения на низших чиновников, определяя виноватых и назначая наказания. Назиры и хакимы непосредственно контролировали ситуацию на местах, деятельность деревенских шейхов, ведение счетов и сбор налогов [4, ч. 1, с. 145—146; 3, р. 17—20, 23].

Финансовый кризис 1837 г. и сокращение бюджетных доходов заставили Мухаммеда Али начать второй этап административной реформы с целью повышения уровня централизации и эффективности государственного управления. Всемогущий вали подписал Органический закон, который выдвинул Египет в лидеры среди провинций Османской империи в движении к формализованной упорядоченной бюрократии. В системе государственных органов вводились функциональные департаменты: Военный (Диван аль-джихадийя), Финансовый (Диван аль-малийя), Морской (Диван аль-бахр), иностранных дел и торговли (Диван ал-умур аль-Ифранджийя ва аль-тиджара аль-Мисрийя), индустрии (Диван аль-фабрикат), инспекций (Диван умум аль-тафлиш) и обществен-

ного образования (Диван аль-мадарис). При Военном департаменте функционировал Совет военных дел (Маджлис аль-джихадийя). Параллельно с департаментами учреждались Верховный суд справедливости (Джамият аль-Хакканийя), офис первого лейтенанта и Совещательный меджлис (Маджлис аль-шура) [3, р. 22, 27—32].

Мухаммед Али использовал два основных метода модернизации правящего сословия в новом Египте. Самым быстрым было привлечение наемных европейских специалистов. Великий паша привлекал нужных ему людей высокими окладами, создавая для них комфортабельные условия проживания и гарантируя полную безопасность. Вторым, более медленным способом было отправление египетских студентов на учебу в Европу [4, ч. 1, с. 147—152; ч. 2, с. 125, 135].

Мухаммед Али не только отправлял молодых египтян на учебу в европейские колледжи, но и проводил последовательную политику создания светских учебных заведений в Египте. Приоритетом для бывшего албанского офицера было военное образование, но создавались и гражданские учебные заведения европейского типа: в 1827 г. медицинское и ветеринарное, в 1828 г. политехническое, в 1833 г. сельскохозяйственное, а в 1836 г. училище переводчиков. Государственное бесплатное обучение, питание, выдача формы и стипендии позволяли получать специальное профессиональное образование арабам — выходцам из средних и низших сословий [4, ч. 2, с. 262—263; 11, с. 12—27; 9, р. 170—171].

Из обучавшихся в 1826—1868 гг. в Европе 1 тыс. египтян 61% учился во Франции, 16% — в Великобритании, а 23% — в остальных европейских странах. 60% студентов, получивших европейское образование, были турки, черкесы, курды, 30% — египтяне-арабы и 10% — представители христианского населения Египта. Их социальный статус был максимально широк — от родственников Мухаммеда Али и высокопоставленных беев до крестьян [11, с. 30—45].

В 1839—1849 гг. Мухаммед Али назначил Ибрахима Адхама Генеральным инспектором, ответственным за все фабрики, арсеналы и школы. В 1843 г. он поехал в Англию для изучения ланкастерской педагогической системы. Вернувшись в Каир, он организовал по английскому образцу «модельную школу», которая принципиально отличалась от куттабов, медресе и ал-Азхара. В 1847 г. в ланкастерской школе в Каире под руководством Абд ал-Рахмана Рушди, который также прошел обучение в Англии, было 59 учени-

ков. Мухаммед Али посчитал эксперимент успешным, и подобные школы были созданы в 8 районах Каира [12, р. 69—71].

В современной историографии до сих пор продолжаются споры о противоречивой личности Мухаммеда Али и о его реформах. Лорд Кромер и другие британские авторы заложили основу критической традиции, считая его заурядным восточным деспотом, «Ровоамом», который растрачивал богатства Египта на бессмысленные стройки и проигранные войны. Но для самих египтян, начиная от хедивов Албанской династии и заканчивая Г.А. Насером и его последователями, он навсегда останется Великим пашой и благодетелем, заложившим основы современного Египта.

Список источников и литературы:

1. *Богомолов С.А.* Хедивы, паши и лорды: взаимодействие британской и арабо-мусульманской элит в Египте во второй половине XIX века. Riga, 2018.
2. *Dicey E.* The History of the Khedivate. L., 1902.
3. *Robert Hunter F.* Egypt under the Khedives. 1805—1879: From Household Government to Modern Bureaucracy. Cairo, 1999.
4. *Клот-бей А.-Б.* Египет в прошлом и нынешнем своем состоянии: в 2 ч. СПб., 1843.
5. *Аль-Барави Р., Улейш М.Х.* Экономическое развитие Египта в Новое время. М., 1954.
6. *Fahmy K.* All the Pasha's Men. Mehmed Ali, his Army and the Making of Modern Egypt. Cairo, N.Y., 2002.
7. *Кириллина С.А.* Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — нач. XX в.). М., 1989.
8. *Royle C.* The Egyptians Campaigns 1882 to 1885. L., 1900.
9. The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt, from 1517 to the end of twentieth century / ed. by M.W. Daly. Cambridge, 2008.
10. *Лэйн Э.У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М., 1982.
11. *Черновская В.В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой половине XX веков. М., 1979.
12. *Mitchell T.* Colonizing Egypt. L.; Berkeley; Los Angeles, 1988.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И ОБРАЗЫ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Ф. М. Мустафин (Актобе)

ОТКОЧЕВКА ОЙРАТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы откочевки ойратов из Центральной Азии в пределы Западной Сибири, где они начинают играть заметную роль в региональных международных отношениях. Данный сюжет во многом остается малоизученным из-за недостатка источников. Автор выделяет четыре причины откочевки — экологическую, торгово-экономическую, внутреннюю и внешнюю. Внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии в конце XVI—XVII в. была крайне неблагоприятной для ойратов, находившихся в состоянии раздробленности и разобщенности. Им противостояли сильные кочевые и оседлые государства, с которыми ойратам приходилось вести постоянную борьбу. Чаще всего в этой борьбе ойраты терпели военные поражения и с трудом сохраняли свою независимость. В последнее десятилетие XVI в. и в начале XVII в. ойраты становятся постоянными обитателями Западной Сибири. Автор приходит к выводу, что четкое понимание причин откочевки калмыков из Центральной Азии в Сибирь позволит раскрыть весь комплекс проблем политической истории калмыков в первой половине XVII в.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, монголы, казахи, XVII век, Сибирь, кочевники.

F. M. Mustafin (Aktobe)

OIRATES' MOVEMENT FROM CENTRAL ASIA TO WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 17th CENTURY

Abstract: The article is devoted to the history of the Oirat migration process from Central Asia to the South-Western Siberia, where they started to play an important role in local international relations. Due to the lack of sources this subject has not been sufficiently studied in many aspects in historiography. The author identifies four main reasons for migration: environmental, economic, internal political situation and foreign policy. The main assumption is that revealing the reasons of the Oirat migration from Central Asia to Siberia will allow to resolve all the issues of political history of the Oirats in the 17th century. The mass migration of the nomads from Central Asia to the west has long been seen in history. Nomads being

pastoralists, hunters, and warriors due to the dominant mode of production were forced to search for vast areas. Population growth, increase in the livestock, unsuccessful wars, decrease of pasture areas and others forced them to embark on long wanderings. One of which was made by the Oirats in the 17th century. Kalmyk uluses, which had migrated from Western Mongolia, located in the upper reaches of the rivers Irtysh, Ishim, near Kamyshlov town, Omi and Salt lakes. Kalmyks became nearest neighbors of Siberian uyezds (districts) of Muscovy.

Keywords: Oirats, Kalmyks, Mongols, Kazakhs, XVII century, Siberia, nomads.

Начало миграции ойратов в начале XVII в. занимает особое место в истории международных отношений на Евразийском континенте, поскольку этот исторический период коренным образом повлиял на дальнейшую судьбу калмыцкого народа. Именно с этого времени начинается активная фаза перемещения западно-монгольских племен в западном направлении, и ойраты начинают играть заметную роль в международных отношениях.

В исторической литературе существуют различные точки зрения на причины откочевки ойратов из Центральной Азии в конце XVI — начале XVII в. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение всех причин начала перекочевки ойратов в начале XVII в. из Центральной Азии в пределы Западной Сибири.

На территории современной Западной Монголии и Джунгарии в XV—XVI вв. существовал так называемый политический союз ойратских объединений, именовавшийся «дербэн ойрат». В него входили наиболее крупные этнические группы: торгуты, хошуты, дербеты, хойты и чоросы. К началу XVII в. этот союз трансформировался в отдельные политические группировки, каждая из которых в зависимости от конкретной внешнеполитической ситуации действовала совместно с другими или автономно. Но угроза потери самостоятельности в борьбе с внешними силами побуждала ойратских правителей координировать свои действия перед лицом общей опасности. В этих условиях возрастала роль такого политического института, как съезды князей («чулганы» или «хуралы»), и лиц, возглавлявших работу этого совещательного органа [1].

Опираясь на различные источники, можно сделать вывод, что у миграции ойратов из Центральной Азии в Сибирь были четыре главные причины.

1. Экологическая. Природно-климатические явления играли огромную роль в жизни доиндустриальных обществ. Ухудшение климата, например, аридизация (иссушение) или значительное по-

холодание, вызывающее сокращение кормовой базы скота, вели к угрозе джута и вынуждали кочевников мигрировать в более благоприятные районы, где происходили вооруженные столкновения с местным населением. Если в такой исторический момент в степи оказывался сильный и удачливый лидер, способный сплотить кочевников и направить их на путь завоевания, начиналась глубокая военная экспансия [2]. Русские и ойратские источники неоднократно свидетельствуют о периодах резкого похолодания в Центральной Азии в начале XVII в., что, скорее всего, и приводило к массовому падежу скота (джут), а также поиску кочевниками новых пастбищных угодий с более подходящими климатическими условиями для кочевого скотоводства.

2. Торгово-экономическая. Открытое вооруженное противостояние с восточно-монгольскими и казахскими правителями лишало ойраты свободных выходов к китайским и среднеазиатским рынкам. Торговля играло большую роль в хозяйственной жизни кочевников, особенно в период роста поголовья скота. Поэтому в дальнейшем, когда ойраты откочевали в пределы Западной Сибири, они сразу вступили в непосредственные сношения с царскими властями, добиваясь права продавать скот и продукты скотоводства на русских рынках [4].

3. Внутренние причины. По мнению И.Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратские улусы под главенством именно чоросов, как это было в XV в., во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая подчиняться власти чоросов, со своими улусами откочевали в Западную Сибирь [4]. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри ойратов были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошоуты, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского государства. Объективно территория Джунгарии не в состоянии была вместить многочисленных ойратских беженцев с имуществом и скотом из Восточного Алтая. Небольшие группы ойратов были подчинены Алтын-ханом, другая их часть впоследствии направилась в западном направле-

нии и заняла территорию Жетысу. Позднее хойты мигрировали в южном направлении, войдя в контакт с мусульманским населением Восточного Туркестана (Кашгара). Но основная масса ойратов, представленная преимущественно дербетами и торгутами, двинулась на северо-запад, вниз по реке Иртыш в пределы Западной Сибири. В определении путей миграции действия ойратских тайшей носили согласованный характер.

4. Внешние причины. В рассматриваемый период причиной откочевки была и внешняя угроза. На рубеже столетий ойратские кочевья простирались на востоке до окрестностей озера Барколь, на западе — до Жетысу, гранича с Казахским ханством, на юге хошутские кочевья граничили с Восточным Туркестаном, а на севере, в районе Черного Иртыша и озера Зайсан, располагались кочевья дербетов. Рядом с ними, у южных и западных отрогов Тарбагатая, кочевали торгуты [1]. Существует мнение, что Алтын-хан стремился оттеснить ойратские кочевья как можно дальше на запад, за линию Алтайских гор [3]. Но главной целью Алтын-хана все-таки было подчинение всех ойратских племен и улусов, включение их в состав собственного ханства. В результате военных поражений, нанесенных ойратам войсками Алтын-хана и казахами во второй половине XVI — начале XVII в., они были вынуждены откочевать из восточных районов Алтая современной Западной Монголии. Хотогойтское княжество Алтын-ханов занимало территорию в северо-западной части современной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На рубеже XVI—XVII вв. первым Алтын-ханом и основателем этого кочевого государства был Шолой Убаши-хунтайджи, который одновременно претендовал и на роль всеойратского правителя [1]. Растянувшаяся почти на столетие вооруженная борьба Алтын-ханов против ойратов вышла за рамки пограничных инцидентов и превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские группировки [4].

Массовые переселения номадов из Центральной Азии на запад отмечались издавна, поскольку, будучи скотоводами, охотниками и воинами, они нуждались в обширных пространствах. Демографический рост, увеличение численности поголовья скота, закончившиеся неудачей войны и сокращение пастбищных территорий вынуждали кочевое население пускаться в дальние странствия, одно из которых ойраты и совершили в XVII в.

Еще до времени своего появления у сибирских границ Московского государства на рубеже XVI—XVII вв. ойраты в русских доку-

ментах именуется «калмыками». В 50-х гг. XVI в. об этом свидетельствует Р. Джонсон, спутник английского посла Дженкинсона, узнавший от русских купцов о неких «желтых» и «черных» калмыках [5]. В.Л. Котвич обратил внимание на то, что в русских документах 1574, 1583 и последующих годов встречаются упоминания о калмыках [6]. К этому можно добавить и то, что в посольских делах России с европейскими государствами за 80—90-е гг. XVI в. также имеются прямые указания на калмыков, «колмацкую орду», «пегих калмыков». На рубеже XVI—XVII вв. отдельные группы калмыков входили в состав Казахской орды [7]. Впоследствии в русских документах появляется термин «чакарские калмыки» как название группировки ойратов, кочевавших в степях Западной Сибири.

Калмыцкие улусы, откочевавшие из Западной Монголии, расположились в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. После разгрома Сибирского ханства Кучума эти районы были малонаселенными и почти никем не обороняемыми степными пространствами Западной Сибири. Калмыки стали ближайшими соседями Тарского, Тобольского и Томского уездов Московского государства. В дальнейшем этот регион становится местом постоянного присутствия ойратских улусов, примерно, до конца XVII в., а с 1620-х гг. здесь формируется наиболее крупная по численности группировка ойратских улусов, включавшая в себя массы номадов, в основном дербетских, хошутских и торгутских политических группировок.

Таким образом, стоит отметить, что при всей малочисленности источников четкое понимание причин откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь позволяет раскрыть весь комплекс вопросов политической истории ойратов в начале XVII в. Это дает возможность понять причины складывания ойратских государств в этот переломный исторический период.

После смерти Эсэн-хана политическая раздробленность всей Монголии еще более усилилась. Авторитет и реальная сила верховной ханской власти пришли в совершенный упадок, поскольку восточно-монгольские и ойратские владельцы снова стали проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику в своих кочевых государствах, не считаясь с властью всемонгольского хана. Ойраты до XVII в. номинально входили в состав единого монгольского государства, хотя в отдельные периоды пользовались полной самостоятельностью. Начиная со второй половины XVI в., ойратские владельцы принимают средневековый монгольский титул знатно-

сти тайджи, который прежде могли иметь только восточномонгольские князья — прямые потомки Чингис-хана. Это связано, по видимому, с ростом могущества и экономической мощи правителей ойратских владений.

Попытку возродить былое единство страны, хотя и на короткое время, предпринял один из преемников Даяна — Тумэн (1558—1593). Ему удалось образовать центральное правительство Монголии, куда вошли представители монгольских княжеств левого и правого крыльев. Монгольские источники не сообщают, признавали ли над собой власть Тумэна ойраты. Однако многим монгольским владельцам удалось высвободиться из-под власти Тумэна. В это время усилились князья правого крыла, предводитель которых Алтын-хан Тумэтский (1507—1582) прославился тем, что способствовал введению буддизма в своих владениях, установив политические связи с Тибетом и главой желтошапочной школы Гелукпа тибетского буддизма Далай-ламой III. Алтын-хан еще во время правления своего отца получил титул хана и соперничал с верховным ханом Тумэном в борьбе за господство над всей Монголией [1].

С целью освободить от ойратов район Каракорума и Кобдоскую равнину в 1552 г. Алтын-хан во главе своих войск отправился в поход против ойратов и нанес им поражение в бассейне рек Хунгуй и Дзабхан. В сражении погиб Мани-Мингату, нойон «восьмитысячных хойтов», а его улус достался Алтын-хану. Удерживая за собой Кобдоскую равнину, ойраты группировки продолжали сохранять политическое независимое положение. В 1562 г. разгрому подверглись уже кочевья торгутов, когда на них совершил поход правитель Ордоса Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи, убив их предводителя Хара-Буру [1].

Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи преследовал разгромленных торгутов до берегов реки Иртыш, после чего вернулся обратно. В 1574 г. он снова совершил поход против ойратов и уже ограбил улусы баатутов и дербетов. Теперь он действовал совместно с другим монгольским правителем Буян-Батуром-хунтайджи, приходившимся ему родственником. Тот вместе со своими братьями воевал с хойтами, нанес им поражение и взял в плен их предводителя Эсэльбэйка. Хойты вынуждены были признать над собой власть монгольского хана. Однако вскоре хойтский князь освободился из плена, собрал силы и, напав на войска Буян-Батура при р. Хирцабагынгол, разгромил их, а его самого убил [1].

Восточномонгольские князья не оставляли надежды полностью подчинить своей власти всех ойратов. Военные конфликты ойратов с восточномонгольскими правителями продолжались на протяжении всей второй половины XVI столетия, а ойратские правители терпели в них поражения. Победа Алтын-хана над хойтами позволила халха-монголам занять территории к западу от Карако-рума, которые раньше находились во владении ойратских владетелей.

Таким образом, ойраты лишились своих кочевий в Хангайских горах, богатых пастбищами, и в долине р. Селенги. Абатай разгромил ойратов в местности Кубкэр-гэрийн и, подчинив их своей власти, посадил своего сына Субагата ханом в их владениях [8].

После смерти Абатая в 1586 г. ойраты подняли восстание, умертвили навязанного им в правители Субагата и вернули себе независимость. Управление Северной Монголией перешло к сыну одного из двоюродных братьев Абатая — Сайн-Лайхур-хану, основателю династии еще одной ветви владетельных князей Халхи — Дзасагту. Их владения на западе граничили с кочевьями ойратских улусов. Ему также пришлось воевать с ойратами, пока он не одержал решающей победы. В заключении мира в 1606 г. между западными и восточными монголами роль миротворца сыграл хошутский князь Торубайху (1582—1654), за что получил почетный титул Дай-Гууши (буквально «Великий наставник») и в дальнейшем вошел в историю под именем Гуши [9].

К концу XVI в. вся Монголия состояла из больших и малых государственных образований, которые пользовались полной самостоятельностью в проведении внутренней и внешней политики. Особое место среди них занимали ойратские политические группировки, правители которых хотя и враждовали с восточномонгольскими правителями, но пока еще не могли окончательно отделиться от Восточной Монголии. В результате разделения страны на Восточную и Западную части на всей территории Монголии в XVI—XVII вв. сложились две близкородственные монголоязычные народности — собственно халха-монголы и ойраты (западные монголы), обладавшие определенной общностью происхождения, хозяйственной деятельности, традиционной культуры, языка, религии. При этом каждая из народностей осознавала себя отдельным этносом [1].

Для ойратского общества, как и для всей Монголии, была характерна политическая раздробленность, вызванная экстенсив-

ным, натуральным характером кочевого скотоводческого хозяйства. Отсутствие внутренних рынков и прочных экономических связей как между отдельными владениями, так и между отдельными частями страны благоприятствовало усилению сепаратистских устремлений монгольской и ойратской знати и способствовало ослаблению центральной власти. В этих условиях попытки преодолеть раздробленность и создать объединенное государство независимо от субъективных намерений их инициаторов носили прогрессивный характер. Однако все углублявшаяся раздробленность страны и измельчание улусов, внутренние усобицы и войны между монгольскими и ойратскими князьями создали непреодолимое препятствие объединению Монголии в рамках единого государства [9].

На территории Монголии к началу XVII в. выделились три крупных владения, что привело процесс раздробленности некогда единой страны к наивысшей точке. Их правители, носившие ханские титулы Тушету-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан, подчинили себе других владетельных князей и стали играть ведущую роль в последующей истории этой части Монголии. Северная Монголия (Халха) делилась в соответствии со старинной монгольской традицией на правое и левое крылья. Территория правого крыла располагалась по Хангайским горам и граничила на западе с ойратскими улусами. Поэтому организаторами военных кампаний монгольских правителей против них сделались именно правители правого крыла Халхи, которые не оставляли своих попыток путем войны и насилия включить ойратов в сферу своего влияния [9].

В конце XVI — начале XVII в. во главе князей правого крыла находился родоначальник династии Дзасагтуханов Сайн-Лайхур-хан, внук старшего сына Гэрэсэндзэ Ашихая. Он был известен тем, что совершал успешные походы на улусы ойратов, которые восстали в 1586 г. после смерти другого халхаского правителя — Абатая. Ойратам на какое-то время удалось освободиться от зависимости от восточных монголов. Однако в войнах с Лайхур-ханом ойраты, наследственные правители которых были еще несовершеннолетними, терпели поражение. Поэтому они не сумели сохранить независимость и, признав над собой власть монгольского хана, платили ему дань [9].

Поскольку большинство ойратских владельцев откочевало к западу от Алтая, Лайхур-хану так и не удалось окончательно подчинить их своей власти. Заключив с ойратами мир, он, по-

видимому, вынужден был поставить управлять ими в качестве наместника своего двоюродного брата Шолоя Убаши-хунтайджи (1567—1623), крупного и влиятельного владельца северо-западной части Монголии, присвоившего себе громкий титул Алтын-хана, хотя в действительности он имел младший по отношению к хану титул хунтайджи. В исторической литературе его иногда называют «хотогойтским князем». В соответствии с восходящей к шаманским верованиям средневековой традицией не называть собственными именами знатных лиц на имя этого монгольского князя при его жизни был наложен запрет [10]. Поэтому в русских архивных документах XVII в. вслед за енисейскими киргизами и ойратами его называют «Алтын-царем», а его княжество «царством Алтын-хана». Шолой Убаши-хунтайджи был первым Алтын-ханом и основателем кочевого государства, который, по мнению японской исследовательницы Джунко Мияваки, являлся и «ойратским ханом» [9].

Княжество Алтын-ханов в начале XVII в. играло заметную роль в истории Южной Сибири. Возникнув примерно в 90-х гг. XVI в. в Монголии, оно первоначально являлось одним из частей владения Дзасагту-ханов. Большинство его населения составляли хотогойты и урянхайцы. По мнению Б.Я. Владимирцова, племя хотогойтов относилось к западным монголам (ойратам), но потом халхаизировалось и вошло в состав халха-монголов [11]. Монголоязычные хотогойты, будучи неоднородными по своему этническому составу, являлись родоплеменным подразделением хойтов [9].

В результате поражения ойратов в междоусобных войнах с восточными монголами к концу XVI в. часть их оказалась в подчинении у халха-монгольских правителей.

Государство Алтын-ханов занимало обширную территорию в северо-западной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На севере оно простиралось до Саянских гор, на востоке — до озер Хубсугул и Сангин-Далай-Нур. На южном направлении владение доходило до предгорий монгольского Алтая, а на западе соприкасалось с кочевьями ойратских улусов. Ставка Алтын-хана находилась на берегу озера Убсу-Нур или в долине реки Тес.

Под натиском войск Алтын-хана некоторые ойратские улусы, в основной массе представленные дербетами и торгутами, вынуждены были откочевать на северо-запад. Однако Алтын-хану удалось подчинить своей власти ряд мелких племенных групп и народностей, которые обитали в сопредельных районах Южной Сибири. С

них его отряды собирали ясак (дань). Алтын-хан предъявлял свои владельческие права и на ойратов, стремясь превратить их в своих подданных. С начала XVII в. Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи стал организатором военных кампаний против ойратов. Однако эта борьба шла с переменным успехом, поэтому не все ойратские владетели в рассматриваемое время признавали его власть над собой.

Ойратская правящая верхушка во второй половине XVI в. была вынуждена вести изнурительную борьбу за пастбищные территории одновременно на юге против моголистанских правителей, на западе против Казахского ханства и на востоке против владельцев Халхи и южномонгольских правителей, терпя поражения. Ойратские князья не могли оказать должный отпор набегам своих соседей, которые стремились расширить пастбищные территории и поживиться военной добычей за счет ойратов. Например, сын и преемник моголистанского хана Мансура Шах-хан (1542—1570) успешно совершил ряд набегов и походов против ойратов, пока не погиб в одном из сражений с ними [9].

Напряженная обстановка сложилась на границе с владениями Казахского ханства. В основе борьбы между ойратскими и казахскими правителями лежало стремление расширить свои пастбищные территории за счет соседа и желание ойратских владельцев пробиться к среднеазиатским городам и завладеть подходами к ним. Долгие годы ойратско-казахское противостояние продолжалось с переменным успехом. Особенно ойратские набеги на территорию Казахстана участились в 50-е годы XVI в. Отступая под натиском восточномонгольского правителя Алтын-хана, ойраты откатывались на запад и стремились расширить свои кочевья на западе за счет владений Казахского ханства. Во второй половине XVI в. ойраты, ослабленные внутренними раздорами и поражениями, понесенными ими моголистанскими правителями и восточномонгольскими князьями, стали терпеть поражение и от казахских ханов [13]. К югу от ойратских владений находились государства Восточного Туркестана, где в этот период наблюдается обострение междоусобиц и падение авторитета и влияния центральной ханской власти. Это позволяло ойратам совершать набеги на города и селения Восточного Туркестана и активно вмешиваться во внутренние дела государства Моголитсан.

Продвижение части ойратов на рубеже XVI—XVII вв. в западном и северо-западном направлении через южные районы Западной Сибири и северные пределы Северного Казахстана лишило не-

которые казахские рода части их исконных пастбищных территорий, что придало вооруженной борьбе между ойратскими и казахскими правителями особую остроту и ожесточенность, в которой ойратские войска терпели поражения [13].

Анализ событий, происходивших в регионе в рассматриваемый период, позволил В.А. Моисееву сделать вывод о том, что «по существу это был первый в XVII веке серьезный поход ойратских войск на территорию Казахстана и Средней Азии», его неудача показала ойратским правителям, что путь в этом направлении для них закрыт» [13].

В последнее десятилетие XVI и в начале XVII в. ойраты становятся постоянными обитателями степей Западной Сибири. И на новой территории они сразу же оказались вовлечены в происходившие здесь события. Основанная в 1594 г. крепость Тара представляла собой важнейший военный опорный пункт для защиты русских владений в Западной Сибири от набегов хана Кучума и его потомков, а затем и ойратов. Разбитый в 1598 г. высланным против него из Тары русским отрядом, Кучум бежал на юг к верховьям реки Иртыш. Однако, когда он угнал большое количество лошадей, «калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отьяша» [4].

Появление у южных границ Западной Сибири значительной массы воинственных номадов оживило враждебную деятельность «кучюмлян», хотя ни Кучум, ни его многочисленные потомки не представляли особой опасности для Московского государства. Судя по документам, сибирские воеводы были хорошо информированы о событиях, происходивших близ южных границ сибирских владений. Так, из русских архивных материалов известно о том, что ойратские тайши, переселившиеся сюда из Джунгарии вместе со своими улусами, на новых местах то объединялись с потомками Кучума для совместной борьбы против общих врагов и даже роднились с ними, то вели военные действия против них [4].

Таким образом, внешнеполитическая обстановка в Центральной Азии в конце XVI—XVII в. была крайне неблагоприятной для ойратов, находившихся в состоянии политической раздробленности и разобщенности. Им противостояли сильные государства, с которыми ойратам приходилось вести постоянную борьбу. Чаще всего в этой борьбе ойраты терпели военные неудачи и с трудом сохраняли свою независимость, вынуждены были мигрировать в се-

веро-западном направлении в пределы Западной Сибири. В последнее десятилетие XVI и в начале XVII в. ойраты становятся постоянными обитателями Западной Сибири.

Список источников и литературы:

1. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста, 2009. Т. 1.
2. Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. — XVI в. н. э.). М., 2014.
3. Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве (XIII — 60-е гг. XVII века). Элиста, 2007.
4. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635—1758. М., 1964.
5. Кашин В.Н. Крестьянская железодельная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934. № 7—8.
6. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII—XVIII веках // Известия Российской академии наук. СПб., 1919. № 12. С. 1082—1083.
7. Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48—102.
8. Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
9. Тепкеев В.Т. Ойраты в XVII веке. Элиста, 2015.
10. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. М.;Л., 1949. Т. VI.
11. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
12. Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана / пер. и пред. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.
13. Мусеев В.А. Джунгарское ханство и казахи (XVII—XVIII вв.). Алма-Ата, 1991.

Я. Н. Рабинович (Саратов)

**ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ САРАТОВ В 1640-е ГОДЫ:
НАЧАЛЬНЫЕ ЛИЦА ГОРОДА, ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ**

Аннотация: В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова в 1641—1650 гг. Особое внимание уделено начальным лицам (воеводам) города. Впервые представлен наиболее полный список воевод Саратова за 1640-е годы и уточнено время их пребывания в этом городе. Также впервые приведены имена всех известных русских послов в Персию и персидских послов в Россию за указанный период. Все они делали остановку в Саратове.

Ключевые слова: Левобережный Саратов, Аверкий Болтин, стольник Василий Чоглоков, воевода, Персия, посольство, Крестовоздвиженский монастырь, Печатный приказ, А. А. Голомбиевский, А. А. Гераклитов.

Ya. N. Rabinovich (Saratov)

**LEFT-BANK SARATOV IN THE 1640S:
MAIN PERSONS OF THE CITY, MAJOR EVENTS**

Abstract: The article considers the unknown pages of the left-bank Saratov history in 1641—1650. Particular attention is paid to the main persons (voivodes) of the city. For the first time, the most complete list of Saratov voivodes for the 1640s is presented and the time of their stay in this city is made clear. Also for the first time the names of all known Russian ambassadors to Persia and the Persian ambassadors in Russia during this period are given. They all made a stop in Saratov.

Keywords: Left-bank Saratov, Averky Boltin, stolnik Vasily Choglokov, voivode, Persia, embassy, Holy Cross Monastery, Printing Order, A.A. Golombievsky, A.A. Heraklitov.

История левобережного Саратова (1616—1674) и биографии начальных людей (воевод) этого города к настоящему времени изучены крайне неравномерно. Автор этих строк в книге о воеводах левобережного Саратова [1] и в ряде дополнительных статей [2; 3; 4] рассмотрел биографии только 9 воевод, которые находились в этом городе в период 1616—1641 гг. Начиная с 1650 г. много сведений о воеводах как левобережного, так и современного Саратова, перенесенного около 1674 г. на Нагорную сторону, приведены в ряде трудов А.А. Голомбиевского и А.А. Гераклитова [5; 6].

Менее всего мы знаем о воеводах Саратова, которые были здесь в 1640-е гг. Биографии этих людей еще не стали объектом исследования, прежде всего, из-за отсутствия опубликованных источников. А уж о событиях, которые происходили в этом городе за указанный период, исследователи вообще стараются ничего не писать. «Виновником» всему этому оказался, сам того не ведая, известный историк-архивист А.А. Голомбиевский, который ограничил свои поиски источников о Саратове хронологическими рамками 1650—1675 гг. Всеми своими находками он щедро делился с саратовскими краеведами и публиковал найденные материалы в трудах СУАК. Не случайно, многие продолжатели его дела, начиная с А.А. Гераклитова, подробно изучают историю левобережного Саратова именно с 1650 г.

Подчеркнем, что 1640-е гг. — это самое темное время в истории Саратова из-за того, что источники пока не найдены, несмотря на то, что жизнь в городе в это время не замирала. В течение нескольких лет неизвестно вообще, кто был воеводой в Саратове, а имена других воевод нуждаются в уточнении, так же, как и время пребывания их в этом городе. К примеру, исследователи, вслед за А.А. Гераклитовым, приводят имя воеводы Саратова Ивана Меньшого Юрьевича Тургенева (около 1648 г.), который почти одновременно с Саратовом оказывается воеводой в далекой Тюмени (1647—1649), в том же 1649 г. он еще успел проводить иерусалимского патриарха Паисия из Москвы в Путивль. Эти сведения не выдерживают никакой критики. Саратов находится далеко от Тюмени, одна дорога в одну сторону занимает несколько месяцев. Сам А.А. Гераклитов тоже не был уверен в этой хронологии, поэтому осторожно в начале записи о новом воеводе И.Ю. Тургенева указал, что тот был в Саратове «около 1648 г.» [6, с. 66]. При этом А.А. Гераклитов ссылается в качестве источника информации на родословный сборник В.В. Руммеля [7].

Неизвестно, откуда В.В. Руммель взял эти сведения о воеводе Саратова И.Ю. Тургенева. Можно предположить, что все приведенные В.В. Руммелем сведения об этом Иване Тургенева относятся к двум братьям (Иван Большой и Иван Меньшой Юрьевичи), хотя у Руммеля, когда он пишет про Ивана Юрьевича Большого, никаких данных о нем не приводится (сказано только, что умер бездетным).

Еще один воевода Саратова князь Федор Борятинский (1649—1650) в качестве воеводы отмечен только в одном источнике, введенном в научный оборот А.А. Голомбиевским, при этом отчество

воеводы в источнике не указано. А ведь в те годы было довольно много князей Борятинских, носящих имя Федор. Одни исследователи склоняются к тому, что воеводой Саратова был Федор Никитич, другие — что Федор Петрович Борятинский. Известен в те годы еще Федор Якимович Борятинский. В частности, А.А. Гераклитов, сомневаясь в отчестве воеводы, указал с вопросительным знаком, что это мог быть Федор Никитич, и далее привел информацию о том, что в 1656 г. в Смоленске был товарищ воеводы князь Федор Никитич Борятинский. Естественно, что биографию таких воевод писать очень сложно, особенно, когда выясняется, что упомянутый Федор Никитич не имеет ничего общего с воеводой Саратова Федором Борятинским. Как то не хочется брать в качестве образца известный справочник С.Б. Веселовского о дьяках, в котором исследователь приводит многочисленные сведения о каком-либо дьяке с распространенной фамилией и при этом заранее предупреждает, что это относится к нескольким лицам, носящим данные фамилию и имя. Также не очень приятно будет осознавать, что, несмотря на приведенные А.А. Гераклитовым (а вслед за ним и другими исследователями) многочисленные сведения о И.Ю. Тургеневе, в итоге выясняется, что тот никогда не был на воеводском посту в Саратове.

Первые списки воевод Саратова (весьма неполные) были составлены местными краеведами А.И. Шахматовым [8], Ф.Ф. Чекалиным [9], составителями Саратовской летописи Ф.В. Духовниковым и Н.Ф. Хованским [10] еще в начале 1890-х гг. Нас будут интересовать, в первую очередь, имена воевод, которые находились в Саратове в 1640-е гг. Среди этих воевод отметим Аверкия Федоровича Болтина, о биографии которого сохранилось немало источников, в том числе — о назначении его в Саратов.

Ф.Ф. Чекалин после воеводы Г.И. ФеофилаТЬева (указан в 1635 и 1636 гг.) следующим воеводой Саратова отметил в 1650 г. князя Ф. Борятинского (получается, что ни одного воеводы за 14 лет не указано) [9, с. 80].

В Саратовской летописи в череде событий, связанных с Саратовом, также имеется лакуна между 1636 и 1647 гг. (свыше 10 лет!), и тоже новым воеводой после Г.И. ФеофилаТЬева указан князь Ф. Борятинский. В этом тексте вначале упоминается о проезде в 1636 г. мимо Саратова Адама Олеария. Далее приводится весьма ценное указание о том, что *«воевода Григорий Иванович ФеофилаТЬев храбро сражался с сыном Василием против крымских*

татар на речке Нойло» (подразумевается при этом, что данное событие имело место где-то в 1635 или 1636 г.). Упомянутый сын воеводы Василий Григорьевич Феофилаьев через 15 лет после этих событий тоже будет воеводой в Саратове.

Следующая запись в Саратовской летописи под 1647 г. сообщает о разрешении яицким казакам приезжать на Саратов «со всякими языки и с вестьми и с полоном», а также покупать всякие товары (осуществлять «платяную покупку») «безпенно», т. е. без пошлин (авторы при этом ссылаются на А.А. Голомбиевского). Стоит добавить, что сведения о бое на речке Нойло сохранились только в Саратовской летописи, так как протокол V общего собрания СУАК от 28 октября 1887 г., на который ссылаются составители Саратовской летописи, в ЗНБ СГУ обнаружить не удалось. Далее сообщается о нарушении в 1649 г. калмыками шерти (присяги) и набегах их на окрестности Саратова [10, с. 26].

В справочнике А.П. Барсукова, вышедшем через 10 лет после Саратовской летописи, в 1902 г., приведены имена других воевод Саратова с конца 1630-х до начала 1650-х гг. [11]. В отличие от предыдущих публикаций здесь указаны новые воеводы Саратова после Г.И. Феофилаьева. Это были кн. И.Ф. Шаховской (Большой) в 1638 г., Г.Н. Орлов (вторично) в 1639—1640 гг. и затем А.Ф. Болтин («1644, февраль — 1646—47»). Потом идет уже известный нам князь Ф. Борятинский (1649) [11, с. 202]. А.П. Барсуков также привел сведения о том, что А.Ф. Болтин после Саратова был воеводой в Томске (1652—1656) и в Корсуни (1658) [11, с. 441].

Видим, что у А.П. Барсукова вообще не указаны воеводы Саратова в 1647—48 гг., и среди воевод не упоминается И.Ю. Тургенев. Дальнейшие поиски новых источников покажут, кто был прав: А.П. Барсуков или А.А. Гераклитов, который, критикуя А.П. Барсукова за неполноту сведений, добавил к списку воевод Саратова имя И.Ю. Тургенева.

Вскоре после выхода труда А.П. Барсукова, в третьем томе Русского биографического словаря (РБС) под редакцией А.А. Половцова (в 1905 г.) была опубликована статья неизвестного автора. В этой статье приведены многие подробности биографии воеводы А.Ф. Болтина, в том числе — его первые служебные назначения, затем — воеводство в Саратове и награждение за эту саратовскую службу, а также дальнейшая служба в Москве, Сибири (Томск), на Украине (Корсунь, Киев) и в Белоруссии (Старый Быхов). Данная

статья к настоящему времени является наиболее полной подборкой сведений об Аверкии Болтине [12, с. 184—185].

А.А. Гераклитов, не будучи знаком с данной статьей, в своем списке воевод Саратова не указал отдельные этапы биографии А.Ф. Болтина, отмеченные в РБС, однако привел новые сведения, касающиеся неблагоприятных действий этого воеводы в Старом Быхове, а также уточнил его годы жизни [6, с. 66].

Автор этих строк в книге о воеводах левобережного Саратова посвятил отдельный очерк биографии Г.Н. Орлова и выяснил, что тот был в Саратове еще в конце августа 1641 г., когда встречал караван с посольством в Грузию кн. Е.Ф. Мышецкого (24—26 августа). Из Саратова Г.Н. Орлов мог уехать в Москву, передав дела своему сменщику (имя которого неизвестно), как осенью 1641 г., так и весной 1642 г. В источниках приводятся сведения о том, что осенью 1642 г. Г. Н. Орлов, будучи уже в Москве, хлопотал о приобретении новой вотчины. Тогда же он был назначен одним из 7 московских дворян в качестве приставов при колодниках. Все это свидетельствует о том, что летом 1642 г. Г.Н. Орлова уже не было в Саратове, и что смена воевод в этом городе произошла либо осенью 1641 г., либо весной 1642 г.

Следующий известный воевода Саратова А.Ф. Болтин был отправлен в этот город в феврале 1644 г. Кто был воеводой в Саратове в 1642 и 1643 гг. к настоящему времени так и не установлено. Неизвестно, кого сменил Аверкий Болтин в Саратове. Скорее всего, это мог быть тот самый неизвестный воевода, который сменил Григория Орлова.

Встает вопрос: а происходила ли официальная смена в 1644 г. воевод в Саратове с передачей всех дел и имущества? А может быть, прежний воевода умер на воеводском посту в Саратове в конце декабря 1643 г.? В таком случае, как только сведения об этом гонцы из Саратова привезли в Москву, то сразу же были приняты экстренные меры по назначению нового воеводы. Очень уж непривычная запись для воевод Понизовых городов: «...послан в 152 году, в феврале». Такая срочность отправки нового воеводы в Саратов в неурочное время, в те годы, когда сухопутная прямая дорога использовалась очень редко, в основном — гонцами, может быть связана кроме гибели прежнего воеводы также с калмыцкими и ногайскими делами, с организацией объединенного похода воевод Самары, Саратова, Уфы, Астрахани против калмыков и действовавших в союзе с ними в это время ногайских мурз.

В записной книге Московского стола 7155 (1646/1647) г. отмечено: «*На Саратове Оверкей Федоров сын Болтин, послан в 152 году, в феврале*» [13, с. 311]. Самое главное в данной записи — здесь указано точное время отправки А.Ф. Болтина из Москвы в Саратов (февраль 1644 г.). Также здесь констатируется факт пребывания по-прежнему Аверкия Болтина в Саратове в 1646/47 г. Этот источник был известен А.А. Гераклитову, который сослался на него в своей публикации о воеводах Саратова [6, с. 66]. В одном из боярских списков за 1643/44 г. также говорится, что московский дворянин А.Ф. Болтин был в это время воеводой в Саратове [14, с. 390].

А.Ф. Болтин в марте 1644 г. прибыл в Казань, а в апреле с первым караваном — в Саратов. Возможен вариант, что он добирался до Саратова по зимнему санному пути в связи с «калмыцкими делами», а не дожидался в Казани весеннего каравана. В таком случае он ехал в Саратов напрямую из Москвы или из Нижнего Новгорода и в конце марта 1644 г. уже прибыл в Саратов. В это же время (в феврале 1644 г.) из Нижнего Новгорода к Самаре напрямую степью по зимнему санному пути двинулся отряд служилых людей под командованием Льва Афанасьевича Плещеева для участия в походе против калмыков. По пути к этому отряду присоединялись служилые люди из Курмыша, Алатыря и других городов.

Приведем текст родословной сказки Болтиных, составленной в третьей четверти XVII в. Этот источник обнаружил Борис Моисеевич Пудалов в нижегородском архиве. Две родословные записи сходны между собой. Разночтения приведены в квадратных скобках: «А Оверкей [Аверкей] во 152-м и треьям [третьем] годех был на Саратове [Соратове] воеводаю [воеводою] и татар [тотар] побил, и за ту службу прислана государева грамота к нему с похвалою [пахвалою], и пожалован государьским [государским] жалованьем — помесною и денежною [денежным] придачею» [15, с. 104, 108].

Вполне возможно, что все это звенья одной цепи — операция Льва и Андрея Плещеевых из Самары и Уфы против калмыков и поход А.Ф. Болтина из Саратова против татар, учитывая, что калмыки в то время присоединили ногайцев к себе, и все набеги они совершали вместе.

Этот сюжет не был известен саратовским краеведам. Ничего об этих событиях не знал А.А. Гераклитов, когда составлял список саратовских и царицынских воевод, иначе он бы обязательно упомянул об этом. Однако следует отметить, что за 8 лет до публикации списка А.А. Гераклитова об этих событиях сообщал неизвестный

автор статьи об Аверкии Болтине в РБС. В этой статье читаем: «В 1644 г. он был послан в Саратов воеводою, где избиением буйных татарских отрядов успокоил южное Заволжье; за что получил прибавку к окладу» [12, с. 184].

Видим, что эта запись имеет ряд совпадений с родословной сказкой. Возможно, что автору этой статьи в РБС была известна родословная сказка. Автор пишет о награде за этот поход в виде прибавки к окладу, и в источнике также говорится о поместной и денежной придаче к окладу.

Обычно воеводы в Саратове находились здесь не менее двух лет, как и многие другие воеводы отдаленных от столицы городов. Следовательно, Аверкий Болтин, посланный в феврале 1644 г., вполне мог находиться в Саратове до 1646 г.

Судя по записи в Записной книге 7155 г., в начале 7155 г., т. е. осенью 1646 г., Аверкий Болтин продолжал оставаться в Саратове воеводой. Хотя в родословной Болтиных указано, что он был воеводой в Саратове только в 7152 и 7153 гг. Судя по этой родословной в 7154 г. (1645/1646 г.) в Саратове был уже другой воевода.

К сожалению, пока не установлено, когда и при каких обстоятельствах произошла смена воевод, и кто стал сменщиком А.Ф. Болтина в Саратове. Попытаемся это установить, используя, как ни странно, другой труд А.А. Гераклитова.

Уже отмечалось, что А.А. Гераклитов следующим воеводой в Саратове после Аверкия Болтина указал Ивана Юрьевича Меньшого Тургенева, и что имя этого воеводы вызывает ряд сомнений. Сам А.А. Гераклитов в дальнейшем не уточнял этот список воевод (опубликованный, напомним, в 1613 г.) и тем более не указывал на свои неточности в этом списке. Однако в опубликованной в 1923 г. книге об истории Саратовского края А.А. Гераклитов привел сведения о существовании в 1646 г. в Саратове женского Воздвиженского монастыря. Правильно критикуя историка этого монастыря В.П. Юрьева, который считал, что монастырь был основан лишь в 1661 г. к тому же на Нагорной стороне (1661 г. — это первое упоминание о монастыре, которое нашел В.П. Юрьев), А.А. Гераклитов указал, что еще в 1651 г. в левобережном Саратове существовала подгородная Воздвиженская слободка. Данная слободка могла получить свое название лишь от одноименного храма, который был в женском Воздвиженском монастыре. Следовательно, еще до 1651 г. в левобережном Саратове существовал Воздвиженский женский монастырь. Эта информация вроде бы не имеет никакого отноше-

ния к нашей теме и ее временным рамкам. Однако в сноске к данному тексту А.А. Гераклитов привел очень важные сведения, относящиеся к воеводам левобережного Саратова (правда, никак их не комментируя и в дальнейших своих трудах об этом не упоминая). Приведем этот текст из сноски полностью: *«В Книгах Печатного приказа я нашел запись о запечатании 22 июня 1646 г. грамоты на Саратов к стольнику и воеводе Василью Чоглокову по челобитью с Саратова Воздвиженского девичья монастыря старицы Соломониды с сестрами — велено попу Воздвиженского монастыря государево жалованье денежное и хлебное ругу давать. (Беспошл. кн. 20. Л. 365)»* [16, с. 235].

Прежде, чем мы будем разбирать личность этого Василия Чоглокова, следует выяснить, какому источнику следует отдать предпочтение при определении окончания срока службы Аверкия Болтина в Саратове: Записной книге или родословной сказке? В данном случае, думается, следует больше доверять родословной сказке. Запись в Записной книге под 7155 г. о воеводе Саратова Аверкии Болтине приведена по состоянию за прошлый 7154 год (такие записи в источниках были довольно частыми). Следовательно, в Родословной сказке верно указано, что А.Ф. Болтин был воеводой в 7152 и 7153 г., а в 7154 г. (1645/46 г.) произошла смена воевод. Скорее всего, эта смена воевод произошла весной 1646 г. (вариант — осенью 1645 г.), поэтому именно новому воеводе стольнику Василию Чеглокову 22 июня 1646 г. была отправлена из Москвы царская грамота с указанием удовлетворить просьбу монахинь саратовского Воздвиженского женского монастыря во главе со старицей Соломонидой. Эта просьба монахинь могла быть отправлена из Саратова в Москву не позднее весны 1646 г., учитывая месяц на доставку документа в Москву, а также время на принятие решения. Так что к весне 1646 г. этот женский монастырь, настоятельницей которого была старица Соломонида, уже существовал. Этот монастырь был бедным, за эту челобитную пошлину разрешили не платить (челобитная записана в беспошлинную книгу). В штате этого Воздвиженского (или Крестовоздвиженского) женского монастыря состоял свой поп (а не приглашенный из соседнего мужского Богородицкого монастыря). По-видимому, женский монастырь был основан незадолго до этих событий, первое время службу в нем нес поп из соседнего мужского монастыря. Но старицам хотелось иметь своего собственного священника.

Воевода Саратова Василий Чоглоков по другим источникам неизвестен. Сам А.А. Гераклитов о нем больше никогда не упоминал. Автор этих строк обнаружил данную запись в сноске книги А.А. Гераклитова совершенно случайно, причем — не при первом прочтении книги (такова судьба многих сносок). Краеведы Саратова об этом человеке ничего не писали.

В те годы известен только один стольник Василий Александрович Чоглоков, а также дворянин московский Василий Федорович Чоглоков.

Василий Александрович Чоглоков 25 мая 1637 г. указан в числе стольников. Он вместе с братом Петром дневал и ночевал на царском дворе с окольниковым Степаном Проестовым. Царь в это время уезжал на несколько дней в село Покровское. На следующий год, 25 декабря 1638 г., послана память в Казанский приказ об отправке воевод в Сибирь (указано 14 городов, включая Тобольск). Назначение и отпуск сибирских воевод произошло в феврале 1639 г. На Тару отправлен Василий Александрович Чоглоков (чин не указан) [13, с. 93, 133]. В 1643 г. его сменил на Таре кн. П.А. Щетинин. Так что в конце 1643 г. В.А. Чоглоков уже был в Москве.

Однако в конце 1649 г. В.А. Чоглоков указан не стольником, а дворянином московским, причем, находящимся в Москве. В те годы это было нормальным явлением — неоднократно служивых людей переводили из стольников в московские дворяне. 25 декабря 1649 г. на Рождество Христово царь пожаловал Василия Александровича Чоглокова из московских дворян в окольниковичие, а сказывал окольниковичество думный дьяк Семен Заборовский. В тот же день В.А. Чоглоков был на торжественном обеде у царя [17, стб. 145]. Вскоре после этих событий он был отправлен на север в Олонец. Во всяком случае, уже в апреле 1650 г. он упоминается в качестве окольниковичего и воеводы на Олонце вместе с помощником Степаном Парфеньевичем Елагиным [18, с. 128, 129]. Рассмотрение его дальнейшей успешной карьеры не входит в рамки данной статьи.

Что касается другого возможного воеводы Саратова, то Василий Федорович Чоглоков в качестве дворянина московского упоминается в источниках 1 декабря 1646 г., когда он дневал и ночевал на царском дворе с боярином М.М. Салтыковым [13, с. 339]. Так что вряд ли он в том же году, летом 1646 г., мог находиться в Саратове, учитывая, что в 1644 и 1645 г. здесь служил А.Ф. Болтин. Такое кратковременное пребывание на воеводстве в отдаленном городе не характерно для того времени.

Следовательно, можно с большой вероятностью утверждать, что воевода Саратова, получивший в июле — августе 1646 г. царскую грамоту об удовлетворении просьбы стариц Воздвиженского монастыря, был Василий Александрович Чоглоков.

Маловероятно, но не исключено, что этим воеводой Саратова мог быть Василий Степанович Чоглоков, сын Степана Серого Семеновича Чоглокова. Судя по-всему, В.С. Чоглокову в 1646 г. было примерно 30 лет, по своему возрасту он вполне мог быть назначен воеводой Саратова. Сын этого В.С. Чоглокова, Филофей Васильевич, начал службу при дворе в 1650-е гг., сделал хорошую карьеру, с 1658 г. стал стяпчим, затем стольником, а в 1693 г. пожалован окольным.

Четвертый из претендентов, Василий Андреевич Меньшой Чоглоков, в те годы был еще слишком молод, чтобы быть назначенным воеводой в Саратов.

В документах Печатного приказа под 1650 г. указаны два воеводы Саратова. За этот год первая грамота адресована Федору Борятинскому (о котором других источников пока не обнаружено), а вторая грамота в той же книге примерно через 180 листов — новому воеводе — стольнику Василию Феофилаьеву [5, с. 2]. Следовательно, смена воевод произошла в том же 1650 г. Прежний воевода Федор Борятинский, судя по всему, приехал в Саратов около 1648 г. и сменил здесь Василия Александровича Чоглокова.

В таком случае службу воевод в Саратове в 1640-е гг. можно приблизительно представить в следующей хронологической последовательности:

до 1642 г. — Григорий Никитич Орлов
1642—1644 — неизвестный воевода
1644—1646 — Аверкий Федорович Болтин
1646—1648 — Василий Александрович Чоглоков
1648—1650 — Федор Борятинский
с 1650 г. — Василий Григорьевич Феофилаьев.

В заключение стоит сказать, что в РГАДА в фонде № 77 (Персидские дела) вполне могут находиться источники по данному периоду истории Саратова (1641—1650). Это, прежде всего, документы о посольстве в Персию Семена Васильевича Волынского и дьяка Сергея Матвеева (1642—1644), кн. Савелия Ивановича Козловского и дьяка Ивана Зиновьева (1646—1648). В Персию были также отправлены гонцы Яков Родионов (1645—1646), Григорий Булгаков (1647—1648), Матвей Спиридонов (1650—1651). Дважды (в 1646 и

1650 г.) побывал в Персии Анисим Грибов (его оба статейных списка сохранились). Стоит назвать также имена персидских послов, побывавших в эти годы в Москве. Это Асан-Ага (1644—1645), персидские купцы, выступавшие в роли посланников (1646—1647), которых торжественно встречал во дворце царь Алексей Михайлович, а также посол Магмет Кулы-бек и «купчина» Бежим-бек (1649—1650). В этих делах содержатся, к примеру, «отписки из понизовых городов и посылаемые туда грамоты о содержании посла в дороге». К сожалению, до настоящего времени исследователи недостаточно занимались изучением русско-персидских отношений второй и третьей четверти XVII в.

В качестве примера в приложении приведено название одного следственного дела, материалы которого содержат интересные сведения по левобережному Саратову, правда, следующего десятилетия, второй половины 1650-х гг.

Список источников и литературы:

1. *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616—1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014.
2. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова князь Шаховской Иван Федорович Большой (1637—1638 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 90—98.
3. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова Федор Иванович Чемоданов (1624—1627 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 97—104.
4. *Рабинович Я. Н.* Воевода Саратова Андрей Федорович Наумов (1632—1634 гг.): неизвестные страницы биографии // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 5—12.
5. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650—1675 гг.). М., 1892.
6. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 61—82.
7. *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. СПб., 1887. Т. 2 (М—Я).
8. *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891.
9. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892.
10. *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1.
11. *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.

12. Болтин, Аверкий Федорович // Русский биографический словарь / изд. А. А. Половцева. Т. 3. Бетанкур—Бякстер. М., 1995. С. 184—185.
13. Записные книги Московского стола 1636—1663 г. // РИБ: в 39 т. СПб., 1886. Т. 10.
14. *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8.
15. *Пудалов Б. М.* Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: Сборник статей к юбилею доктора исторических наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск, 2017.
16. *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923
17. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1852. Т. 3.
18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. СПб., 1842. Т. 4 (1645—1676).

С. А. Мезин (Саратов)

**ПЁТР I. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА
(КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Аннотация: В статье рассматривается эволюция образа Петра I в историографии, отразившая изменения научных, культурных и политических ценностей. Выделены следующие этапы развития образа: XVIII век; первая половина XIX века; вторая половина XIX — начало XX века; 1917 — конец 1980-х годов; конец XX — начало XXI века. Автор приходит к выводу, что раньше создавалась галерея полярных по смыслу портретов царя, и каждый автор в конечном счете высказывался «за» или «против» Петра, сегодня крайности часто сходятся в одном сложном портрете.

Ключевые слова: Петр I, образ, историография, И.И. Голиков, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.Н. Покровский, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимов, Л. Хьюз, Э. Зицер.

S. A. Mezin (Saratov)

**PETER I. IMAGE EVOLUTION (THE END OF THE 17th –
THE BEGINNING OF THE 21st CENTURIES)**

Abstract: The article considers an image evolution of Peter I in the historiography, reflected a change of scientific, cultural and political values. The following stages of the image development are offered: the XVIII century; the first half of the XIX century; the second half of the XIX — the beginning of the XX century; 1917 — the end of of the 1980s; the end of the XX — the beginning of the XXI century. The author comes to the conclusion that earlier a gallery of tsar portraits was created and their meanings were opposite. Each author offered his or her opinion “for” or “against” Peter. However, nowadays the opposed opinions are united in one complicated portrait.

Keywords: Peter I, image, historiography, I.I. Golikov, M.P. Pogodin, S.M. Soloviev, V.O. Kluchevsky, M.N. Pokrovsky, N.I. Pavlenko, E.V. Anisimov, L. Hughes, E. Zitser.

Уже три века образ Петра I занимает особое место в общественно-политической мысли, литературе, историографии и искусстве, демонстрируя феноменальную непреходящую актуальность и поразительное разнообразие суждений и оценок. Эволюция образа царя-реформатора давно стала предметом специального исследования [1; 2; 3; 4; 5]. В канун 350-летнего юбилея Петра I представляется целесообразным определить основные этапы этой эволюции

и отметить особенности современного видения выдающегося исторического деятеля. Речь пойдет главным образом о развитии образа Петра I в историографии.

С чего все начиналось? В 1698 г. в Париже вышла книга дипломата Ф. де ла Невилля «Любопытное и новое известие о Московии». Здесь содержался первый словесный портрет молодого царя, у которого глаза «такие блуждающие, что тяжело в них смотреть; голова все время трясется», который «развлекается, стравливая своих фаворитов; часто они убивают друг друга, боясь потерять его милости. Зимой он приказывает рубить большие проруби во льду и заставляет самых знатных вельмож ездить по нему в санях, где они проваливаются и тонут...» [6, с. 169]. Этот негативный образ дожил до наших дней и, в частности, нашел современную интерпретацию в книге П. Бушковича о политической истории петровского времени [7; 8, р. 392].

В ответ на враждебное французское издание в 1699 г. в Амстердаме была опубликована книга А. Бранда о путешествии из Москвы в Китай; к описанию путешествия было приложено письмо «о современном состоянии Московии» [9, р. 193—249.]. Написанное другом Петра I бургомистром Амстердама Н. Витсенем, оно содержало первую печатную апологию Петра Алексеевича. По словам автора, Пётр с детства демонстрировал величие души и благородство, обладал проницательностью, страстью к образованию и интересом к европейским обычаям. Молодой царь завоевал Азов и совершил «три великих» дела: построил порт на море (Таганрог), соединил Дон и Волгу каналом, создал флот. Так было создано (на века!) ядро образа царя-созидателя, открывшего России путь к морю.

В XVIII в. (на первом этапе своего развития) господствовал образ Петра I — «творца новой нации». Он создавался современниками реформатора при участии самого царя, нередко представлявшего себя мудрым и умелым учителем, а народ — необученными, но вполне способными детьми. Его сподвижники рассматривали петровское царствование как полное обновление страны, которым Россия обязана только гению царя. «Россия есть статуя твоя» [10, с. 126], — проповедовал Феофан. Гавриил Бужинский заявлял, что благодаря Петру Россия «аки в новое бытие возрожденная сотворися» [11, с. 4]. Как некий «метаморфозис» представлял перемены, произошедшие в России П.П. Шафиров, объясняя их «единым... от бога дарованным талантом, охотою, высоким разумом и неуспынными трудами и стараниями» Петра [12, с. 2]. Широко известны

слова канцлера Г.И. Головкина при поднесении Петру титула императора: «...токмо едиными Вашими неусыпными трудами и руковождением... мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и тако реци, из *небытия в бытие* произведены и во общество политических народов присовокуплены...» [13, с. 445].

Эту панегирическую традицию продолжили русские авторы середины и второй половины XVIII в., дополнив ее ярко выраженными патриотическими мотивами. В духе барочной поэзии М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков в своих стихах сравнивали Петра I с Богом. Вслед за ними Г.Р. Державин поэтически вопрошал: «Не Бог ли в нем сходил с небес?» [14, с. 19]. Хотя во второй половине XVIII столетия в рамках высокой культуры стало проявляться критическое отношение к реформатору с точки зрения моральных, социальных и национальных ценностей, господствующим в образованном русском обществе XVIII в. был образ творца истинной России, просветителя и героя. В историографии XVIII в. этот образ был с наибольшей полнотой представлен в трудах И.И. Голикова. На другом полюсе — в среде народных масс — звучали крайние отрицательные оценки реформатора, что отразилось в легендах о «подменном царе» и «царе-антихристе», которые, впрочем, не исчерпывали народного отношения к Петру I [15; 16].

Русский царь был героем и для многих европейских авторов века Просвещения [17, р. 11—76; 18, р. 9—127; 19; 20, с. 153—164]. Ядро «мифа Петра Великого» создал французский академик Б. де Фонтенель: «Все необходимо был делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы создать новую нацию... действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов» [21, р. 343]. Отказ от традиций, реформа церкви и «полная свобода совести», покровительство наукам и искусствам — из этих элементов начал складываться образ героя Просвещения, почти «просвещенного монарха». Завершенный вид этот образ приобрел в сочинениях Вольтера. «Один-единственный человек изменил величайшую империю в мире» [22, р. 193], — заявлял Вольтер в «Истории Карла XII» (1730—1731). В «Анекдотах о Петре Великом» (1748) философ особенно подчеркивал случайный, чудесный характер творения Петра, этого русского Прометея, преодолевшего «дух своей нации». В «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759—1763) деятельность царя представлена как яркий образец быстрого приобщения к цивилизации целого

народа: «Наконец родился Пётр, и Россия образовалась» [23, р. 510]. Оппонентом Вольтера выступил Ж.-Ж. Руссо, полагавший, что русские еще не созрели для преобразований, и предрекавший скорое падение созданной царем империи [24, с. 183].

На втором этапе (первая половина XIX в.) образ «творца» *России и новой нации* утратил свою привлекательность. Французская революция заслонила петровские реформы в сознании европейского общества и охладила энтузиазм по поводу крутых перемен. В это время в русский язык входит слово «реформа». Новый реформатор М.М. Сперанский, хотя и считал себя продолжателем дела Петра, однако отрицал «самовластие» как орудие преобразований, осуждал «крутые превращения» и настаивал на «постепенном», естественном «созревании» перемен в противовес заимствованиям готовых форм из Европы [25]. Оппонентом Сперанского выступил Н.М. Карамзин, который не только осудил преобразовательские планы правительства, но и критически высказался о Петре I в «Записке о древней и новой России» (1811). В своей «Истории государства Российского» Карамзин убедительно показал, что история России начинается не с Петра I, и не Петр является творцом государственного величия России, а также напомнил русским о многовековых национальных традициях.

Если образ божественного демиурга и творца России уже не казался приемлемым, то представление о Петре — *строителе современной России*, положившем начало многим неотъемлемым явлениям русской жизни, продолжал господствовать в образованном русском обществе. Свое яркое воплощение он нашел под пером М.П. Погодина: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? 1 января 1841 года. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января... Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летосчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения» [1, с. 124—125.].

В общественной мысли споры о Петре приобрели бóльшую, чем в XVIII в., остроту, сходясь на вопросе об историческом пути и перспективах развития России. Сложность и противоречивость

личности Петра I гениально раскрыл А.С. Пушкин [1, с. 9—21]. Он едва ли не первым назвал Петра «революционером», имея в виду политику царя в отношении дворянства и духовенства.

В спорах славянофилов и западников впервые крайние точки зрения на Петра I столкнулись уже в рамках высокой культуры. Славянофилы осуждали царя за насильственный разрыв с национальной традицией. Они обвиняли его в отрыве власти от народа и в установлении крепостного права. Иные из них (П.В. Киреевский, К.С. Аксаков) доходили до личной ненависти и проклятий в адрес первого императора: «Вся Русь, вся жизнь ее доселе Тобою презрена была, И на твоём великом деле Печать проклятия легла» [1, с. 458]. Западники высоко оценивали роль Петра I в русской истории, иногда, как В.Г. Белинский, возвращаясь к идее божественного творца новой России: «Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России» [26, с. 93].

Однако идейные баталии сами по себе мало давали для исторического познания эпохи петровских реформ и формирования научного образа Петра I. Эту важнейшую задачу впервые решил С.М. Соловьев, обосновавший органический взгляд на реформы Петра I как на закономерное явление русской истории и положивший начало новому этапу в осмыслении этого важнейшего исторического явления (вторая половина XIX — начало XX в.). Шесть томов (13—18) своей «Истории России с древнейших времен» Соловьев посвятил петровскому времени. Историк основывал свои выводы на критическом изучении огромного массива оригинальных архивных источников.

Отдав вначале некоторую дань трактовке петровских реформ как «революции» (в значении насильственного переворота), Соловьев отошел от этой идеи и рассматривал деятельность Петра I как образец последовательных и прогрессивных реформ, что звучало особенно актуально в период вызывавших критику реформ Александра II. Царь Петр показан историком как герой и выразитель чаяний русского народа. В итоговых «Публичных чтениях о Петре Великом» Соловьев писал: «Необходимость движения на новый путь была признана... народ поднялся и собрался в дорогу, но кого-то ждали; ждали вождя: вождь явился» [27, с. 38]. «Низы» не всегда сознают правоты «вождя», полагал историк, поэтому реформы

приходилось осуществлять силой, преодолевая сопротивление традиционалистов. Согласно Соловьеву, вся эпоха Петра стала «великой народной школой». Сам же Петр, не получивший в детстве «правильного школьного воспитания», сумел стать «великим народным учителем» [3, с. 120—157; 5, р. 153—165].

Общественная обстановка пореформенной России позволила демократически настроенным историкам (Н.И. Костомаров, М.И. Семевский, Г.В. Есипов) осветить «темные углы» деятельности и личности Петра I. В целом вырисовывался далеко не однозначный образ Петра I — труженика и угнетателя, народолюбца и деспота, учителя и палача [28]. Н.В. Рязановский отметил нарастание критического начала в историографии петровских реформ второй половины XIX в.: «на смену спорадическим и слабо обоснованным нападениям на первого императора в эпоху российского Просвещения и энергичной, но узко сектантской критике со стороны славянофилов пришел гораздо более широко распространенный и детальный критицизм... Вновь были поставлены проблемы жестокости, издержек, негативных или, по меньшей мере, сомнительных результатов реформ, совершенных ценой невероятного напряжения сил — но теперь они были более тщательно обоснованы, и к ним присоединились многочисленные новые обвинения» [5, р. 153].

В.О. Ключевский создал сложный и реалистический психологический портрет преобразователя. Пожалуй, главный смысл и оправдание преобразований Петра I Ключевский видел в деятельности по развитию просвещения и наук. Царь был груб и деспотичен, но «вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Петр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабских умах искру просвещения, постоянно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, т. е. к свободе» [29, с. 203]. Признавая, что в Петре «впервые блеснула идея народного блага», в конечном счете, Ключевский отказывался дать Петру I однозначную оценку, прибегнув к образу «бурной весенней грозы, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева» [29, с. 204]. Выводы, сделанные в трудах П.Н. Милюкова («реформы без реформатора», разорение страны и двадцатипроцентная убыль населения в результате реформ), влекли за собой значительное снижение образа реформатора. В то время как Милюков стремился развенчать тезис Соловьева о Петре как о мудром учителе своего народа, другой ученик Ключевского М.М. Богословский в своих трудах вернулся к этой идее. Самый ра-

дикальный историк из школы Ключевского М.Н. Покровский уже в своих дореволюционных работах представлял петровские реформы как «пир во время чумы». Как видим, значительные успехи русской исторической науки не устранили полярности представленных историками ликов царя.

Революция 1917 г. кардинально повлияла на развитие исторической мысли и на оценку царя-реформатора, положив начало новому этапу в развитии образа Петра I (1917 — конец 1980-х гг.). Советские авторы лишили царя титула «Великий», а Петербург–Петроград был переименован в Ленинград. В 1920-е гг. еще давали себя знать глубокие различия в понимании реформатора: одни разглядели в Петре «первого большевика»; другие с сожалением видели в революции крушение того государственного и общественного порядка, который заложил Петр; третьи видели в нем лишь жестокого монарха, в принципе не заслуживающего доброго слова. В небольшой книге «Петр Великий. Личность и деятельность» (Л., 1926) С.Ф. Платонов выступил против злобных беллетристических карикатур на Петра, созданных в рассказах А. Толстого и Б. Пильняка. Известный историк считал Петра I образцом самоотверженного служения государству, проникнутым верой в правду и просвещение, воплощением подлинной государственной силы.

В «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, которая стала в 1920-е гг. официальным марксистским учебником, о личности Петра I, «прозванного льстивыми историками “великим”», сообщалось лишь то, что он «запер жену в монастырь», собственноручно пытал и велел казнить сына, жестоко усмирлял мятежи и «умер от последствий сифилиса, заразив предварительно и свою вторую жену» [30, с. 87]. Жесткий антимонархический настрой последователей Покровского сохранялся до середины 1930-х гг., когда в историографии наряду с догматическим марксизмом восторжествовали идеи государственности, патриотизма и культ героев.

В советской историографии, развивавшейся в рамках марксистской парадигмы, господствовал взгляд на петровские реформы как на закономерное и прогрессивное историческое явление, издержки которого были обусловлены обстоятельствами «феодальной» эпохи и классовым характером самодержавия. Советские историки, несомненно, продвинулись в исследовании экономики и экономической политики петровского времени, социальных движений и внешней политики. Однако рассмотрение петровской эпо-

хи через призму формационной теории и жесткий классовый анализ оказались в целом малоэффективными для понимания сущности реформ и деятельности царя-реформатора. Изучение биографии Петра I, а значит и создание его образа, не относилось к числу приоритетных направлений советской историографии. Эту задачу взяли на себя писатели и кинематографисты. Талантливый, но конъюнктурный роман А.Н. Толстого «Петр Первый» и снятый по его сценарию фильм Владимира Петрова с Николаем Симоновым в главной роли (1937—1938, 1965) в бóльшей степени определяли массовое представление о царе-преобразователе, чем труды советских историков. Здесь Петр представлен олицетворением прогресса, неутомимым тружеником, веселым победителем в окружении талантливых сподвижников.

Пожалуй, единственным советским историком, кому удалось создать собственный образ Петра I, был Н.И. Павленко [31], чья книга в серии «Жизнь замечательных людей» с 1975 г. выдержала 8 изданий. Историк, продолжая традицию С.М. Соловьева, развил образ великого государственного деятеля, патриота, служившего «общему благу». Царь действовал как жестокий крепостник, но его жестокость была направлена против реальных врагов, а альтернатива крепостной экономике в России начала XVIII в. отсутствовала, — полагал Павленко.

Современный этап историографии Петра I (с конца 1980-х гг. до наших дней) характеризуется отказом от монополии марксизма, стремлением к интеграции с мировой исторической наукой, поисками новых подходов и в то же время возвращением к традиционным оценкам классиков русской историографии. К изучению феномена петровских реформ применяются теория модернизации, идеи европеизации и догоняющего развития, историко-антропологический подход. Иностранцы перестали считаться идейными противниками, их труды переводятся на русский язык и становятся доступными массовому читателю.

После единогласно-положительной оценки реформ как прогрессивного исторического явления уже во второй половине 1980-х гг. стали раздаваться голоса критиков Петра I, главным образом из среды публицистов, что побудило Н.И. Павленко выступить «в защиту Петра Великого» [32]. Впрочем, не заставила себя ждать и критика со стороны профессиональных историков. Ревизию научных основ советского петроведения предпринял Е.В. Анисимов. Его научно-популярная книга «Время петровских реформ» (1989) вы-

шла в самый разгар идеологических споров накануне распада Советского Союза. Найденная историком формула «прогресс через насилие» побуждала вновь задуматься о цене и нравственном содержании реформ, а звучащее как оксюморон словосочетание «консервативная модернизация» и вовсе ставила под сомнение их результаты. Стремлением к десакрализации и критическому переосмыслению образа царя отмечены работы Д.О. Серова, Я.Е. Водарского, А.Б. Каменского, Я.А. Гордина.

Давно отмеченное тяготение западных историков к созданию «ярких контрастных картин с резкой светотенью» в полной мере проявилось в новейших трудах о Петре I. Крупнейшее англоязычное исследование, посвященное петровской эпохе в целом, принадлежит перу британского профессора Л. Хьюз. Рядом с последовательным изложением главных сюжетов в жизни Петра в ее книгах [33; 34; 35] столь же последовательно представлена «игровая» сторона биографии царя, который всегда «смешивал в одну кучу дела, игры и розыгрыши». Автор много внимания уделяет символическому значению шутовских действий Всешутейшего собора. В них она видит не только отрицание прежних традиций, обычаев и одежды, но и стремление к усилению собственной власти и желание дать полную волю своему «дикому энтузиазму».

Уже известная своими работами по истории России XVIII в. профессор Сорбонны Ф.-Д. Лиштенан недавно предложила свою версию научной биографии Петра I [36]. По ее мнению, лучшим символом правления Петра I может служить триумфальное шествие с участием царя и членов Всешутейшего собора, в котором проявлялись варварская грубость, европейская театральность и провокационное богохульство.

Широкую известность получила книга Э. Зицера «Царство Преображения» [37], посвященная описанию и осмыслению деятельности «Всешутейшего и всепьянейшего собора» Петра I. Сам автор рассматривает свой труд как опыт альтернативной истории культуры петровского двора. До некоторой степени продолжая традицию, заложенную Л. Хьюз, Зицер считает деятельность «собора» важной стороной реформ Петра и исследует ее с характерным для постмодернизма интересом к аномальным и нетипичным историческим явлениям. Вопреки устоявшемуся мнению игровая практика царя Петра характеризуется автором не в плане его политики секуляризации, а как утверждение новой веры, основанной на царской харизме, в частности, на сакрализации его сексуальной

мощи. Выводы автора основываются на смелых предположениях, на подчинении довольно скудного материала источников авторской идее. Зицер выражает удовлетворение по тому поводу, что современными историками создается постмодернистский образ Петра I, напоминающий статую М. Шемякина [8, р. 392], отразившую темные стороны натуры царя и подчеркивающую его физическое и моральное уродство.

Подводя итог современным попыткам выстроить образ Петра I, следует констатировать, что если раньше создавалась галерея полярных по смыслу портретов царя, и каждый автор, в конечном счете, высказывался «за» или «против» Петра, то сегодня крайности часто сходятся в одном сложном портрете. Наиболее наглядно это проявилось в новой книге Е.В. Анисимова «Петр Первый: благо или зло для России?» (М., 2017), заканчивающейся провокационным ответом автора на поставленный в названии вопрос: «Слушатель-читатель требует конкретного ответа. Не знаю я его». Впрочем, в этом «незнании» крупнейшего знатока петровской эпохи легко усмотреть выражение той мозаичной сложности, несводимости к однозначным оценкам образа Петра, которую гениально обозначили А.С. Пушкин и В.О. Ключевский.

Список источников и литературы:

1. Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ / сост., вст. статья, прим И.Н. Сухих. СПб., 2009.
2. Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / предисл. Д.К. Бурлаки, Л.В. Полякова, А.А. Кара-Мурзы, послесл. А.А. Кара-Мурзы, коммент. С.Н. Казакова, К.Е. Нетужилова. СПб., 2003.
3. Соловьев Е.А. Петр Первый: Метаморфозы образа (конец XVIII — начало XX века). М., 2009.
4. Шмурло Е.Ф. Пётр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.
5. Riasanovsky N.V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. N.Y., 1985.
6. Де ла Невиль. Записки о Московии / отв. ред. В.Д. Назаров, Ю.П. Калинин. Предисл., подг. текста, пер. и коммент. А.С. Лаврова. М., 1996.
7. Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008.
8. Zitser E.A. Post Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 6 no. 2 (Spring). 2005. P. 375—392.
9. Relation du voyage de Mr Evert Isbrand envoyé de Sa Majesté Czarienne à l'empereur de la Chine, en 1692, 93 & 94. Par le sieur Adam Brand. Amsterdam, 1699.
10. Феофан Прокопович. Сочинения. М., 1961.

11. *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина. СПб., 1726.
12. *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины... СПб., 1717.
13. Полное собрание законов российской империи Собрание I. СПб., 1830. Т. 6.
14. *Державин Г.Р.* Сочинения. СПб., 1868. Т. 1.
15. *Чистов К.В.* Русские народные социально-политические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.
16. *Успенский Б.А.* *Historia sub specie semioticae* // Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 298—319.
17. *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. P., 1951. P. 11—76.
18. *Wilberger C. H.* Peter the Great: an eighteenth-century hero of our times? // *Studies on Voltaire and the eighteenth century.* 1972. Vol. XCVI. P. 9—127.
19. *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.
20. *Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. М., 2018.
21. *Fontenelle.* *Oeuvres complètes.* Genève, 1968. Т. 1. P. 338—356.
22. *Voltaire.* *Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz* // *Voltaire. Oeuvres complètes.* Oxford, 1996. Т. 4.
23. *Voltaire.* *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand. Edition critique par Michel Mervaud avec la collaboration d'Andrew Brown, Ulla Koelving et Christiane Mervaud* // *Oeuvres complètes de Voltaire. Vols. 46—47.* Oxford, 1999.
24. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. 703 с.
25. *Мезин С.А.* Петр I, Лейбниц и Сперанский // *Российская история.* 2011. № 1. С. 115—120.
26. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1954. Т. 5.
27. *Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.
28. *Леонтьева О.Б.* «Страшен царь Петр»: образ Петра Великого в культуре пореформенной России (1860—1880-е гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2008. Т. 10, № 1. С. 36—47.
29. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989. Ч. 4.
30. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932.
31. *Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1990. 32. *Павленко Н.И.* В защиту Петра Великого // *Политическое образование.* 1989. № 15. С. 92—95.
33. *Хьюз Л.* Пётр Первый: у истоков Великой Империи. М., 2008.
34. *Lindsey Hughes.* *Peter the Great: A Biography.* New Haven; L., 2000.
35. *Lindsey Hughes.* *Russia in the Age of Peter the Great.* New Haven; L., 2000.
36. *Liechtenhan F.-D.* *Pierre le Grand: le premier empereur de toutes les Russies.* P., 2015.
37. *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / авторизованный пер. с англ. Д. Хитровой и К. Осповата. М., 2008.

Е. Н. Морозова (Саратов)

**РАННИЙ ЗЕМСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ПРОВИНЦИИ:
В. А. ФЕДОРОВСКИЙ**

Аннотация: Статья посвящена особенностям раннего земского либерализма в провинции на примере взглядов председателя Саратовской земской губернской управы В.А. Федоровского. Особое внимание уделяется анализу его политических и экономических воззрений в контексте становления земского либерализма в России.

Ключевые слова: ранний земский либерализм, В.А. Федоровский, политические и экономические взгляды.

E. N. Morozova (Saratov)

**EARLY ZEMSTVO LIBERALISM IN THE PROVINCE:
V. A. FEDOROVSKY**

Abstract: The paper focuses on the specifics of the early zemstvo liberalism in the province basing on the views of V.A. Fedorovsky, a chairperson of the zemstvo gubernial council. A special attention is paid to the analysis of his political and economic views in the context of zemstvo liberalism development in Russia.

Keywords: early zemstvo liberalism, V.A. Fedorovsky, political and economic views.

Появление земского либерализма в России исследователи относят к 1870 — началу 1880-х годов [1, с. 71—72]. Саратовское земство в данном случае не являлось исключением. В первые годы существования органов земского самоуправления земские гласные не выходили за рамки обсуждения практических вопросов. Однако эти дискуссии способствовали размежеванию в их среде.

К ядру либеральных земцев можно отнести несколько персоналий: Ф.С. Иконникова, предводителя дворянства Кузнецкого уезда, председателя уездной земской управы, крупного землевладельца; В.А. Лятошинского, саратовского адвоката, известного своей защитой в суде группы народников(1878); М.С. Кропотова, председателя Петровской земской управы (1878—1882), занявшего пост главы губернской земской управы (1882—1889) после отставки В.А. Федоровского. Кропотков являлся одним из основателей Саратовской ученой архивной комиссии.

В среде земских либералов особое место занимал В.А. Федоровский. С его именем связано начало формирования земского либерализма в Саратовской губернии. В.А. Федоровский окончил Петербургский университет, дослужился до чина действительного статского советника. Он баллотировался в гласные сразу от двух уездов — Саратовского и Хвалынского — и являлся бесменным председателем губернской земской управы в 1873—1881 гг. При нем исполнительный орган ставил и решал важнейшие вопросы в сфере развития земской культурно-просветительской деятельности, здравоохранения, оказания продовольственной помощи населению в период голода 1879—1881 гг. и др.

Выявление требований раннего земского либерализма и, в частности, взглядов В.А. Федоровского, представляет весьма сложную задачу. «Крамольные выступления» редко фиксировались даже в рукописных журналах заседаний органов земского самоуправления. Сведения о политических и экономических взглядах земских либералов можно почерпнуть из речей, посвященных практическим задачам, стоящим перед земствами губернии. Речи В.А. Лятошинского [2, с. 7—15] и Ф.С. Иконникова [3, с. 21—30] нашли свое отражение в соответствующей земской документации. Однако выступление В.А. Федоровского на Хвалынском уездном земском собрании в декабре 1880 г. не могло быть опубликовано в силу резкой критики бюрократически-полицейских порядков, царящих в России. Существуют два варианта этой речи: первый появился в нелегальном издании «Народной воли» (1881) [4]; второй — напечатан в «Саратовской земской неделе» (1904) [5]. Но в последнем варианте существуют купюры. Даже в предреволюционном 1904 г. либеральное издание не могло полностью опубликовать речь В.А. Федоровского, произнесенную почти четверть века назад. Это выступление стоило ему карьеры. По требованию губернатора Федоровского не утвердили в должностях председателя губернской земской управы и мирового судьи. Репрессии коснулись и Хвалынского уездного предводителя дворянства, который был отстранен от занимаемого поста «за неуместное обсуждение уездным земским собранием некомпетентных сему учреждению вопросов» [6, с. 3].

Выступление В.А. Федоровского начинается с резкой критики пороков управления в центре и на местах. Он отмечал «общее разложение, царящее в стране», и «всеобщее неудовольствие на правительство» [4, с. 150]. Подобная характеристика положения в

стране имела свои истоки в предреформенной эпохе, когда внутреннее состояние России подвергалось резкой критике в бесцензурной печати. Вспомним валуевскую «Думу русского...», которая начинается словами «Грустно...». Те же слова звучали в записке «О внутреннем состоянии России» П.В. Долгорукова: «Грустно сжимается сердце русского при взгляде на внутреннее состояние России: преступное равнодушие ко благу общему... почти все в ней основано на обмане и плутнях... почти везде мошенничество и грабеж, почти все продается, почти все покупается... Ужасно внутреннее положение России» [7, л. 8].

В.А. Федоровский приводил вопиющие факты коррумпированности высших эшелонов власти: «Вся Россия знает и громко говорит, как продавались концессии на железные дороги, как разбирались и обменивались казенные земли [4, с. 166]. В варианте речи Федоровского, напечатанной в СЗН, цитата звучит так: «Бюрократически-полицейская партия, так щедро разобравшая по рукам государственное достояние...» [5, с. 10]. Здесь акцент несколько смещается от простого перечисления фактов к их обобщению.

Ярким примером коррупции В.А. Федоровский считает действия правительства в период голода конца 1870 — начала 1880-х гг.: «в настоящем году крупным солеторговцам были подарены 9 млн рублей, собранных с народа, а голодающим губерниям в то же время отпускалось по недостатку денег пособия в обрез настолько, чтобы не умереть с голода» [4, с. 167]. Губернское земское собрание определило необходимую сумму для помощи голодающему населению в размере 3,2 млн рублей, а правительство отпустило из казны только 1,4 млн. [5, с. 10] В то же время «саратовский солеторговец Аносов получает из казны более 1 млн руб., собранных им с голодающего народа соляного акциза, да и другие саратовские солеторговцы получают же такие подарки, более, чем на 600000 руб... Такие подарки даром не делаются [5, с. 10].

В том же ключе, что и В.А. Федоровский, характеризовал положение в России Ф.С. Иконников. По его мнению, держава представляла собой «океан распущенности, взяточничества, лени, воровства, бездны пьянства» [3, с. 19]. В.А. Лятошинский в своей обобщающей характеристике подчеркнул «низкое экономическое и духовное развитие страны» [2, с. 30].

Основная причина негативных явлений в стране, по мнению В.А. Федоровского, заключалась в «бесконтрольности» и «произво-

ле», виновником которых являлась «полицейско-бюрократическая партия, управляющая Россией» [4, с. 19].

Критика «своеволия бюрократии» и «чиновничьего угнетения» звучала и в программах либерального меньшинства дворянских губернских комитетов накануне крестьянской реформы [8, с. 45].

По прошествии почти четверти века в выступлениях земских либералов обличалось всевластие бюрократии, порождающей беззаконие и произвол. Так, И.И. Петрункевич, известный тверской земский деятель, высказывался о «безответственном властвовании бездарной и развращенной бюрократии» [9, с. 99, 102—103].

Для В.А. Федоровского «бюрократически-полицейская партия, управляющая Россией», замешанная в преступных деяниях, не должна пользоваться доверием общества. Задавая риторический вопрос «Кто же во всем этом потребует, наконец, у правящей партии отчета?» Федоровский прямо отвечал на него: «Мы не властны потребовать отчет, но зато нет и власти, которая бы заставила доверять этой партии» [4, с. 166].

Однако, несмотря на сохранившуюся лексику дореформенного дворянского либерализма, можно отметить существенные различия в критике «злонамеренной» российской бюрократии. В предреформенный период критика и обличение «диктатуры бюрократии» имели большой положительный потенциал. Вместе с тем обсуждение реформаторских проектов в печати и дворянских комитетах привели к тому, что горизонт общественных ожиданий был завышен, и, прежде всего, в среде либерального дворянства. Вследствие этого в постреформенный период обличение являлось выражением недовольства дворянства итогами как всей реформаторской политики правительства, так и крестьянской реформой.

В речи В.А. Федоровского очевидны призывы «к коренному преобразованию государственного строя» [4, с. 166—167]. Необходимость коренного преобразования, по мнению земского гласного, лежала в незавершенности крестьянской реформы, что могло привести «к самой ужасной форме революции — “пугачевщине”». Осуждая последнюю, В.А. Федоровский произнес похвальное слово революции буржуазной, направленной лишь к «изменению форм правления», которая не затрагивает прав и привилегий дворянства. Впрочем, он отмечал, что подобная революция в России невозможна [4, с. 167—168]. В этих сентенциях В.А. Федоровского можно

услышать отзвуки той дискуссии, которая велась в 1850-е гг. в России по поводу книг А. де Токвиля.

Общие рассуждения о «коренных преобразованиях» сверху звучали в выступлениях и других саратовских либералов. В.А. Лятошинский в 1879 г. заявлял, что «настало время при полной преданности престолу выразить правительству необходимость в коренных преобразованиях [2, с. 6—8].

Судя по высказываниям либеральных земцев, «коренные преобразования» они видели в расширении компетенции земств, которые, по их мнению, представляли интересы всего местного населения. Но земские учреждения, считали они, бессильны даже в тесных рамках «местного благоустройства» [5, с. 12]. Саратовские земские либералы выражали свое недовольство существующим статусом земских учреждений. Саратовская губернская управа подчеркивала, что «та самостоятельность действий земства в кругу вверенных им дел, какая возведена в Положении о земских учреждениях, превращается в пустой звук» [10, с. 92—100].

Это недовольство статусом земств было характерно для всего земского либерализма. Общеизвестно, что во второй половине XIX в. шла борьба между сторонниками общественной и государственной теориями самоуправления. Отсюда и принципиально различное видение статуса органов местного самоуправления.

Ст. 7 Положения 1864 г. запрещала земству вмешиваться в круг дел правительственных и сословных учреждений. Созданная реформой 1864 г. двухуровневая структура земских учреждений (губернских и уездных) представляла собой «отдельное тело», не имеющее высшего и низшего звена, с компетенцией, которая в законе определялась как заведование «местными хозяйственными пользами и нуждами каждой губернии и уезда» (ст. 7). По закону отнесение дела к государственному или местному определялось тем, какой интерес являлся преобладающим, а в сомнительных случаях исходили из практических соображений и исторических данных. Двусмысленность последнего утверждения не нуждается в комментариях, ибо оно не поддается юридическому анализу. Но именно эта часть статьи закона и определяла компетенцию земских учреждений. Неудивительно, что «опыт разделения всех дел по преимущественному значению для местности и для государства не удался» [8, с. 195—196].

Саратовские либеральные земцы не имели какой-либо четкой программы конкретных изменений в структуре и компетенции ор-

ганов земского самоуправления. В их речах можно выявить отзвуки дискуссии 1870—1880-х гг. о характере земств.

В.А. Федоровский был ближе к идеологам государственной школы. Он являлся сторонником включения органов местного самоуправления в структуру государственного управления, утверждая, что необходимо дать «земству соответствующее в государственном строе положение» [4, с. 167].

Четкого представления об «увенчании здания» В.А. Федоровский не имел. Он предлагал созвать общеземское совещание в Москве, состоящее из представителей земств от каждого уезда для решения аграрного вопроса [4, с. 151]. Однако из его выступления неясно, должно ли это собрание стать постоянным представительным органом, или его цель — лишь обсуждение новой аграрной реформы. Вместе с тем в конце 1870 — начале 1880-х гг. такая позиция была характерна для всего земского либерализма. Даже газета «Земство», исходя из государственной теории местного самоуправления, в 1880 г. в своей политической программе не смогла подняться выше требований «включения земских учреждений в систему государственного управления как органической составной части» [11, с. 8].

Политические требования В.А. Федоровского имели умеренный характер и сводились, прежде всего, к расширению компетенции земств. Но, как подчеркивают исследователи, крайняя умеренность была свойственна всему земскому либеральному движению 1870—1880-х гг. Лишь незначительная часть земских либералов выступала с конституционными требованиями. В этот период с подобными заявлениями выступили лишь 9 земств (Черниговское, Самарское, Харьковское и ряд других) [1, с. 128—135].

Обсуждение политических вопросов в земских учреждениях занимало подчиненное место по отношению к экономическим проблемам. Ключевым вопросом экономической программы земского либерализма являлся вопрос о замене подушной подати подоходным налогом. Он рассматривался Саратовским земством в связи с передачей на обсуждение земским учреждениям правительственного проекта об отмене подушной подати. Избранная губернским земским собранием комиссия (В.А. Федоровский, М.С. Ермолаев, Н.Д. Давыдов, Н.А. Шабловский) признала его «непригодным», указывая, что «это только перемена одной формы налога на другую» [12, л. 123—125]. Так же как и земские гласные других губерний, саратовские земские либералы высказывались за

введение всесословного подоходного налога: «Заменить подушную подать личным и имущественным налогом с лиц всех сословий» [15, с. 14—15].

С одной стороны, можно говорить об обсуждении Саратовским земством одного из важных положений экономической программы земского либерализма, направленного против протекционистской политики правительства, стремящегося переложить все подати на земли. С другой — это обращение правительства к земствам породило надежду на расширение прав органов местного самоуправления, ибо правительство «решило черпать мудрость и из земских источников» [15, с. 13].

Анализ земской документации показывает, что интенсивная постановка экономических проблем начинается в конце 1870-х гг., что было, прежде всего, связано с голодом, поразившем многие губернии России, в том числе и Саратовскую. Попытки объяснить причины голода неизбежно ставили земских гласных перед анализом состояния сельского хозяйства в губернии и России в целом.

Земские либералы пришли к выводу, что причина голода заключается не столько в недороде хлеба, сколько в бедственном состоянии самого сельского хозяйства России. Кризисное положение в аграрной сфере В.А. Федоровский, как и многие представители дворянства, объяснял тем, что реформа 1861 г. противоречила «воле покойного императора», являясь плодом «заговора бюрократии» [5, с. 4—7].

В.А. Федоровский утверждал, что истоки кризиса нужно искать в самой крестьянской реформе, которая стала «экономическим потрясением», сохранив «зависимое положение крестьян» [5, с. 5—6]. Оно выражалось, по мнению либерального земца, в огромных выкупных суммах, усугубленных «взысканием казенных податей» «без всякого соображения с наличными средствами крестьян», «произвольной власти исправников» в деревне, что, в конечном итоге, «внесло расстройство в крестьянский быт» [5, с. 8—9].

В.А. Федоровский разработал целую программу решения аграрного вопроса, которая должна была предотвратить крестьянские бунты и сохранить помещичью собственность на землю. Он предупреждал правительство о возможной новой «пугачевщине» в том случае, если проблемы в аграрной сфере не будут решены [5, с. 8—9].

В.А. Федоровский поставил на повестку дня тот вопрос, который станет широко обсуждаться земскими либералами в первой

половине 1890-х гг.: вопрос о малоземелье крестьян. В 1870—1880-е гг. он был вынесен на повестку дня лишь в немногих земствах России (Харьковском, Полтавском, Тамбовском) [1, с. 144—146]. Федоровский предлагал наделить крестьян, имевших менее 4,5 десятин, казенной землей [5, с. 9—10]. Это было радикальное предложение. Даже на земских съездах 1894 г. в качестве главных мер по подъему сельского хозяйства предлагалось усовершенствовать систему мелкого сельского кредита, развивать деятельность Крестьянского банка, расширить аренду казенных и удельных земель крестьянами [1, с. 145]. В.А. Федоровский рекомендовал сократить сроки выкупа и привести последний в соответствие с ценой земли, ввести подоходный налог [5, с. 10].

Из речи В.А. Федоровского неясно, как он относился к идее введения мелкой земской единицы. Лишь в высказываниях Ф.С. Иконникова можно найти сведения о тормозящих факторах развития сельского хозяйства, которые, по его мнению, заключались в недостатках крестьянского самоуправления. Он предлагал создать нечто вроде мелкой земской единицы: уезды должны делиться на земские участки в составе 3—4 волостей во главе с земским начальником [3, с. 31—35].

В данном случае саратовские земские либералы шли в русле требований всего раннего земского либерализма. Вопрос о мелкой земской единице обсуждался в 1880-х гг. целым рядом земств и прессой («Земством» и «Вестником Европы»). К.К. Арсеньев писал в «Вестнике Европы»: «Либералы стояли за всеобщую волость, самоуправляющуюся и самооблагающуюся, с волостным старшиной, ею же избираемым» [13, с. 895].

В числе важнейших дискуссионных вопросов, ставившихся земским либерализмом в 1870—1880-е гг., был вопрос о крестьянской общине. Часть земских либералов выступала за разрушение общины, другая — за ее сохранение. Судя по земской документации, губернская земская управа во главе с В.А. Федоровским выступала в поддержку общинного землевладения, которое, по их мнению, являлось гарантией против обезземеливания основной массы крестьянства. «Распадение общин, — отмечалось в докладах губернской земской управы, — влечет за собой появление пролетариата, людей... вредных и опасных для общества» [14, с. 44—45]. Подобные взгляды высказывались и представителями других земств. В частности, земские либералы Тверской губернии заявляли о необходимости усиления государственного контроля над общиной

в целях предупреждения появления пролетариата, который может подавить хозяйственную жизнь крестьян [16, с. 254].

В экономической программе саратовских земских либералов важное место занимал вопрос об аренде. Губернская земская управа во главе с В.А. Федоровским обратила внимание на три аспекта этой проблемы: кабальные условия аренды, постоянно растущую арендную плату и передачу казенных земель с торгов. В земской документации приводились примеры кабальных условий аренды земли: «До полной уплаты денег на арендованную землю крестьяне не имели права свозить хлеб в свой амбар. А если этот хлеб пропадет, то арендатор ответственности не несет» [14, с. 128—129]. Вместе с тем плата за аренду постоянно возрастала, и «от аренды землевладельцы получали больше чистого дохода, чем от собственной обработки земли» [5, с. 4, 9]. Рента, взимаемая землевладельцами с арендаторов, включала не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Управа предлагала увеличить сроки аренды, понизить арендную плату, изменить условия аренды казенных земель.

Показательным примером стали существовавшие арендные отношения в Царицынском уезде. Здесь практически отсутствовали плодородные земли, что привело к широкому развитию внеадресной аренды, источниками которой являлись казенные угодья. Основным их съемщиком стало кулачество, получавшее большие прибыли от передачи казенных земель. Первоначально уездное земство ходатайствовало перед правительством о сдаче казенных земель не с торгов, а сразу в аренду крестьянским обществам. Но, получив отказ, органы уездного самоуправления обратились с более радикальным требованием. Губернская земская управа во главе с В.А. Федоровским поддержала ходатайство Царицынского уездного земства о «передаче в хозяйственное управление земства всех казенных земель в Царицынском уезде» [5, с. 9]. Безусловно, подобное ходатайство было отклонено, так же как и ходатайство о передаче питейного дела под полный контроль органов земского самоуправления. Ведь речь шла о важнейшем источнике доходов государственной казны.

В Саратовском земстве к концу 1870-х гг. сложилось либеральное ядро земских гласных во главе с председателем губернской земской управы В.А. Федоровским. Его взгляды можно отнести к умеренно либеральным, которые были характерны для большинства представителей раннего земского либерализма. В.А. Федоров-

ский надеялся на продолжение и углубление тех реформ, которые были проведены в царствование Александра II. Он ратовал за создание таких условий, которые позволили бы развивать экономику губернии и России в целом в рамках цивилизованного общества с широким развитием местного самоуправления.

Список источников и литературы:

1. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
2. Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1879. Саратов, 1879.
3. Отчетность по Кузнецкому уезду за 1881 год. Саратов, 1881.
4. Народная воля. Социально-революционное обозрение. Год третий. 1881. № 7—9 // Литература партии «Народная воля» / под ред. А.В. Акимовой-Диковской и др. М., 1930. С. 150—168.
5. Саратовская земская неделя. 1904. №8—9. С. 5—19.
6. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 19.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 647. Оп. 1. Д. 50.
8. *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000.
9. Памяти В.А. Гольцева статьи, воспоминания, письма / под ред. [и с предисл.] А. А. Кизеветтера. М., 1910.
10. Доклады Саратовской губернской земской управы чрезвычайному губернскому земскому собранию 1882 года. Саратов, 1882.
11. Земство. 1880. №1.
12. ГАСО. Ф. 5. Оп.1. Д. 130.
13. Вестник Европы. 1882. Кн. 4. С. 890—897.
14. Доклады Саратовской губернской управы очередному губернскому земскому собранию 1880 года. Саратов, 1880.
15. Журналы заседаний чрезвычайного Саратовского земского губернского земского собрания 1871 года. Саратов, 1871.
16. *Веселовский Б.Б.* История земства. за сорок лет: в 4 т. СПб., 1911. Т. 3.

Н. Е. Есетов (Актобе)

**ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ХОЗЯЙСТВЕ КАЗАХОВ
УРАЛЬСКО–ТУРГАЙСКОГО РЕГИОНА КАЗАХСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Аннотация: В статье рассматривается земельный вопрос в хозяйстве казахов Уральско-Тургайского региона Казахстана во второй половине XIX — начале XX в. Предлагается исторический обзор административных мер по переходу казахского населения к земледельческому хозяйству. Автор анализирует архивные документы и опубликованные исторические источники по вопросу землепользования и земледельческого хозяйства обедневшей части казахов Уральской и Тургайской областей.

Ключевые слова: земельный вопрос, землепользование, земледельческое хозяйство, крестьяне-переселенцы, Уральско-Тургайский регион.

N. E. Esetov (Aktobe)

**THE LAND ISSUE IN THE KAZAKH ECONOMY OF THE
URAL-TURGAI REGION OF KAZAKHSTAN
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY**

Abstract: The article deals with the land issue in the economy of the Kazakhs in the Ural-Turgay region of Kazakhstan in the second half of the 19th — early 20th century. A historical review of the administrative measures for the transition to the agricultural sector of the Kazakh population is offered. The author analyzes archival documents and historical sources on land use and agriculture among the impoverished part of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions.

Keywords: land issue, land management, agricultural economy, migrant peasants, Ural-Turgay region.

«Временное положение», принятое в 1860-х гг., внесло свои коррективы в систему землепользования. По мнению ряда исследователей, его введение царским правительством неминуемо привело к окончательному упадку кочевого скотоводческого хозяйства казахов и понижению экономического благосостояния народа [1, л. 144]. Также в главе 4, § 210 Временного положения 1868 г. казахские земли были объявлены государственной собственностью. В связи с этим специальная комиссия, не считаясь с интересами местных жителей, занималась организацией переселенческих селений методом экспроприации пастбищных угодий скотоводов и

формирования земледельческого хозяйства среди обедневшей части казахов.

Административные меры царского правительства целенаправленно поддерживали оседлых казахов с целью «облегчения административного надзора за киргизами, приучая их к земледельческому труду» [2, с. 8—10]. По словам исследователя казахского быта А.Н. Букейханова, «... былое, чисто пастушеское хозяйство киргиза постепенно уступает место смешанному земледельческо-пастушескому типу; это наблюдается, по крайней мере, в тех местностях, где естественно-исторические условия и экономическая конъюнктура оказались благоприятными для развития земледелия... В Актюбинском уезде почти все киргизы (94,4%) являются заправскими земледельцами (на одно хозяйство приходится 6,16 десятин посева)» [3, с. 177].

По поводу перехода к земледелию исследователь казахского края О. Шкапский писал, «что переходным идеалом нашей [царского правительства — *Н. Е.*] киргизской политики должно быть создание таких условий, которые, способствуя улучшению быта киргиз-кочевников, в то же время облегчали бы им переход не к земледельческому исключительно хозяйству, а к земледельческо-скотоводческому» [4, с. 87]. Существовал произвол чиновников, который характеризовался тем, что некоторые местные государственные чины были против выделения земельных участков казахам под земледелие и не поощряли их занятия хлебопашеством. Местное население не решалось на переход к полной оседлой жизни, так как не было уверено в том, что постоянно сможет жить и обустраивать отведенные для него места, что не придется перекочевывать на другие территории.

Царская администрация своими действиями вынуждала казахов оставлять свои земли и переходить «в оседло-земледельческие районы, занятые казачеством и крестьянами» [2, с. 12]. В данной ситуации к занятию земледелием казахи относились по-разному. В земледельческом хозяйстве основной целью казахов, переходивших к оседлости, являлся заработок, так как «земледелие дает киргизскому хозяйству менее 13,69% дохода своего ежедневного заработка» [5, с. 102].

В отчете пограничной комиссии за 1855 г. сказано, что земледелием в западной части степи занималось — 2019 кибиток [6, с. 80]. Исследователь Степного края А.А. Тилло, анализируя результаты первой переписи населения Казахстана, проведенной в

конце XIX в., отмечает, что после скотоводства у казахов на втором месте стоит земледелие. По его мнению, диханство довольно хорошо было развито у бедных слоев местного населения, расположившихся вдоль русских линий. В подготовленной им таблице приводятся данные о количестве посевных площадей, массе и видах зерновых культур по восьми волостям Николаевского уезда за 1869 г. [7, л. 164].

«Число казахов, обратившихся к земледелию, возрастало с каждым годом в волостях, прилегающих к пределам Оренбургской губернии и преимущественно в Актюбинском, Уральском и других уездах, хлебопашество начинает входить в круг занятий большинства местных жителей» [8, л. 24]. Прилинейные киргизы среднего достатка могли засеять от 5 до 10 десятин земли. Сеяли в основном просо, пшеницу, овес, горох. В источниках также встречаются сведения о занятии казахами рода Жетиру бахчевыми, арбузами и дынями [9, л. 5].

Важно подчеркнуть, что основная масса населения Уральской и Тургайской областей, занимаясь земледелием, не оставляла кочевой вид скотоводства. Казахи круглый год держались около своих зимовок, откочевывая на лето не больше, чем на 5—6 верст, и все они занимаются земледелием [4, с. 87].

Тенденция модернизации сельского хозяйства привела к формированию нового базиса оседлой формы жизни. В конце XIX в. выделяется группа казахов, находившаяся в переходном от скотоводства к оседлому хозяйству состоянии, поскольку скудное поголовье скота не обеспечивало их экономические потребности, что приводило к необходимости изыскивать разные формы дополнительного заработка, такие как извоз, покос сена, наем в рабочие и многое другое [3, с. 178].

Занятие земледелием казахов в Уральско-Тургайском регионе Западного Казахстана во второй половине XIX — начале XX в. характеризовалось в основном пахотно-посевным его видом с орошением и ирригацией в некоторых южных районах, расположенных по берегам рек Эмба, Иргиз и Тургай. «Орошение Киргизской степи — вот самое главное средство борьбы с природой-мачехой, — пишет О. Шкапский, — средство, давно уже известное среднеазиатскому населению, настолько известное, что в законоположениях той части мусульманского права, которая разработана среднеазиатскими юристами, орошение земель называется оживлением их» [10, л. 6 об].

Казахи Иргизского уезда при хлебопахотных работах использовали старые оросительные каналы, с помощью которых орошались засеянные поля. Казахи уезда хорошо знали специфику почвы для посева зерновых культур, а также умело рассчитывали время и количество орошений. К примеру, как свидетельствуют архивные данные, первое орошение хлебопахотных мест производится тотчас же после засеивания, в апреле и мае, а последнее производится за неделю до жатвы. Для орошения каждой засеянной десятины потребуется воды до 5 тыс. ведер, пшеница орошается от трех до пяти раз, просо — от трех до четырех, ячмень — не более трех раз [10, л. 7]. Ирригационная система Иргизского уезда характеризовалась тем, что оросительные каналы использовались казаками, занимающихся только хлебопашеством. Правил по содержанию каналов у них не существовало, так как посевные земли были в ведении частных владельцев, и даже «две десятины орошаемой земли достаточны одной семье для посева хлеба» [10, л. 9 об.]. Как уже отмечалось, одна десятина при хорошем поливе, могла в итоге дать 150 пудов пшеницы. «По уверению самих хлебопашцев вполне достаточно на одно семейство 5 мешков пшеницы (примерно 25 пудов)» [11, с. 10].

В бассейнах рек Урала и Тобола, где выпадало достаточное количество осадков, казахи распахивали степь сабанами (примитивными плугами), не прибегая к искусственному орошению. Другим орудием труда для обработки земли была соха. «Разрыхляющим орудием у егінші был так называемый тіс — это род сохи с длинной, сверху приделанной палкою, которая служила дышлом для запряжки волов, лошадей. И роль бороны у егінші исполнял пучок хвороста, привязанный к хвосту лошади, а впоследствии эта борона была заменена особого рода лопатою — кетпень» [10, л. 7 об.]. Это орудие и применялось в искусственном орошении посевных полей. По сообщению начальника Тургайского уезда, «она походит на соху с одним сошником и едва выворачивает землю не глубже одного вершка» [10, л. 9 об., 10].

Интересен тот факт, что в 1861 г. на территории г. Тургай был сформирован огород для гарнизонного укрепления с целью обеспечения его овощами [10, л. 9 об., 10]. Огород был поделен на участки, которые принадлежали военным служащим гарнизона, и по структуре организации участков напоминал современные садоводческие коллективы. Сажали на этом огороде картофель, лук, капусту, огурцы, салаты, редьку и другие виды овощей. Кроме того, в

Тургайской области действовал Оренбургский отдел Императорского Российского общества садоводства [12, л. 6].

Как мы уже отмечали, в 70-х гг. XIX в. земледелие получило широкое развитие и адаптировалось в среде казахов после переселения крестьян из России [13, с. 14]. Исследователи истории хозяйственно-экономического развития казахского народа в конце XIX — начале XX в. отмечают, что «... в Кустанайском, Актюбинском и Уральском уездах киргизы ведут в широких размерах земледельческое хозяйство по тому же типу, какой наблюдается в соседних казахских и переселенческих поселках. Они охотно приобретают косилки, жнейки, железные плуги и даже молотилки и настолько вошли во вкус этой новой жизни, что уже с гордостью заявляют: «Чему еще могут научить нас русские в хозяйстве? Теперь мы их сами можем учить!». Сказать какому-либо киргизу-северянину, что он ведет свое хозяйство как русский — значит польстить ему самым приятным образом» [14, т. 5, с. 32].

Под влиянием развития капиталистических отношений, а также многовекового опыта возделывания и посева земли у крестьян-переселенцев увеличились площади посевных земель у казахского населения указанного региона. Так, к примеру, с 1879 по 1899 гг. площадь посевных земель увеличилась в три раза — с 37434 до 118176 десятин [15, с. 2, 3]. Лишь в 1895 г. было засеяно в области 136101 дес. земли, что по сравнению с 1894 г. больше на 27535 дес., а общая посевная площадь в Тургайской области увеличилась на 20,2% [14, т. 7, с. 21].

Самый высокий процент занятия земледелием в Тургайской области был в Актюбинском уезде. Источники показывают, что в 1899 г. казахские хозяйства производили 95,4% посевов [16, л. 132]. Следует привести и такой факт: если в 1888 г. посевная площадь в уездах области составляла 4436 дес., то к 1905 г. она возросла до 323390 дес., т. е. за 17 лет она увеличилась более чем в 72 раза [17, с. 482]. По данным переписи 1897 г. количество занятых земледелием в Тургайской области составило 11%, а в период 1897—1901 гг. в Кустанайском уезде в пользовании казахов находилось 84490 дес., Актюбинском — 51 836 десятин. Число земледельческих хозяйств соответственно составляло 1777 и 12474 [18, л. 31, 32]. Конечно, как такового земледелия в полном смысле в Тургайской и Уральской областях не существовало, оно было сформировано в виде хлебопашества, также нельзя судить о бурном развитии земледелия только по размерам посевных площадей.

Таким образом, казахские земледельцы, расширяя и увеличивая посевные поля, обогащали свой опыт обработки земель. Этому способствовали крестьяне-переселенцы. Казахи, переняв земледельческие орудия у переселенцев, могли использовать новую сельскохозяйственную технику. Окружающая среда, уровень развития производительных сил общества, залежная система земледельческого хозяйства являлись основой ведения земледелия.

Список источников и литературы:

1. Центральный государственный архив (далее — ЦГА). Ф. 345. Оп. 1. Д. 4895.
2. *Букейханов А.* Казахи: историко-этнографические труды. Библиотека Казахской этнографии. Астана, 2007. Т. 40.
3. *Абенова Б.С., Абенов Д.К.* История Западного Казахстана в трудах русских исследователей. Актобе, 2006.
4. *Мусабекова Н.* Землепользование и землевладение во второй половине XIX века // Мысль. 2003. № 8. С. 87—91.
5. *Мейер Л.* Казахская степь Оренбургского ведомства. Библиотека Казахской этнографии. Астана, 2007. Т. 17.
6. *Тилло А. А.* Первая народная перепись в Киргизской степи // Известия Российского географического общества. Географические известия. 1873. №1. С. 77—92.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 3578.
8. Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8457.
9. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1496.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8506.
11. *Полферов Я.Я.* Земледелие в Тургайской области: очерк. Оренбург, 1896.
12. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 125.
13. *Седельников Т.И.* Борьба за землю в Киргизской степи. Библиотека Казахской этнографии. Т. 31. Астана, 2006.
14. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область: в 13 т. Воронеж, 1903.
15. Обзор Тургайской области за 1894—1895 гг. Оренбург, 1871—1916.
16. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2127.
17. История Казахстана. С древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алматы, 2000. Т. 3.
18. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2781.

А. А. Фортун (Саратов)

**ИНСТИТУТ КОМИССАРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: В статье анализируется процесс становления института губернского и уездных комиссаров Временного правительства в Саратовской губернии в марте-апреле 1917 года. Автор приходит к выводу, согласно которому комиссары не смогли занять центрального места в отношениях правительства с провинцией потому, что не имели реальной власти и находились в зависимом положении от общественных организаций.

Ключевые слова: Великая Русская революция, Временное правительство, Саратовская губерния, земство, комиссар.

A. A. Fortun (Saratov)

**INSTITUTE OF PROVISIONAL GOVERNMENT COMMISSARS
(BASED ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV PROVINCE)**

Abstract: This article analyzes the process of the institute of provincial and district commissars of the Provisional Government's formation in the Saratov province in March-April 1917. The author comes to the conclusion that the commissars could not occupy a central place in relations between the government and the province due to the fact that they did not have real power and were dependent on public organizations.

Keywords: The Great Russian Revolution, Provisional Government, the Saratov province, zemstvo, commissar.

События Великой Русской революции 1917 г. по сей день вызывают нескончаемые споры в среде научного сообщества. Несмотря на богатую историографическую традицию, многие вопросы ее истории остаются малоизученными. К числу таковых следует отнести введение института комиссаров Временного правительства. Можно назвать лишь небольшое количество работ, затрагивающих указанный сюжет в общероссийском контексте [1]. Вопрос о формировании корпуса губернского и уездных комиссаров в Саратовской губернии не получил подробного анализа в историографии. Лишь отдельные сюжеты нашли свое отражение в ряде региональных трудов [2]. В связи с этим заявленная тема представляется актуальной для исследования.

Накануне Февральской революции 1917 г. органами центральной власти на местах были губернаторы, которым подчинялись градоначальники, местная полиция, жандармерия. Они контролировали деятельность органов городского и земского самоуправления [3, с. 8]. Как отмечает Н.Н. Кабытова, творцы послефевральских преобразований не планировали изначально коренных изменений в организации власти в провинции [5, с. 40]. На вечернем заседании Временного правительства (4 марта 1917 г.) признавалось приоритетным сохранить, в пределах возможного, весь существующий административный механизм [4, с. 29]. Однако аресты представителей имперской администрации и силовых ведомств, как подчеркивается в большинстве региональных исследований, поставили вопрос о власти на местах.

В этой ситуации правительство попыталось опереться на председателей губернских и уездных земских управ, возведя их в ранг своих комиссаров. 5 марта 1917 г. министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов направил на места свой знаменитый «телеграфный циркуляр», в котором излагалась суть подписанного им 4 марта 1917 г. указа «О возложении обязанностей губернаторов и вице-губернаторов на председателей губернских и уездных земских управ» [6, с. 8]. Эти документы обосновывали легальность передачи власти в провинции земскому самоуправлению. Из этого следовало, что Временное правительство рассматривало земские учреждения в качестве будущего фундамента административной власти на местах [7, с. 39].

Компетенции и круг полномочий комиссаров регулировались правительственными инструкциями, которые, подчас без всякой конкретизации, Временное правительство сообщало на места. Так, согласно циркуляру МВД от 1 апреля 1917 г., губернский комиссар являлся носителем власти Временного правительства в губернии, и ему предоставлялись все права, возложенные законом на губернатора. Однако необходимо подчеркнуть, что в отличие от губернатора комиссар не имел административных функций. Он мог издавать постановления и «надзирать за законностью деятельности всех лиц и мест». К его ведению также относилось «землеустройство, общий надзор за милицией и право вызова войск» [8, с. 2]. «Временное положение о губернских и уездных комиссарах» было обнародовано лишь 26 апреля 1917 г., но механизм реализации положения не был отрегулирован даже к осени [9, с. 148]. Однако революционное творчество масс опережало деятельность правительства.

Ряд авторов, исследующих положение в провинции, совершенно справедливо отмечает, что здесь двоевластия не существовало, о чем свидетельствует огромное количество различных организаций, боровшихся за власть. В частности, в Саратове наиболее деятельным органом являлся общественный городской исполнительный комитет (ОГИК), представлявший широкую коалицию из представителей социалистических партий, либералов, президиума местного Совета, представителей офицерства из военного комитета [7, с. 40]. Создание его было инициировано 3 марта 1917 г. Возглавил комитет народный социалист А.А. Токарский. Среди вновь созданных после февральских событий институтов управления ОГИК стал самым авторитетным и влиятельным в губернии. Этот орган, считая себя законным правопреемником имперской власти, возложил обязанности губернского комиссара на своего ставленника социалиста Н.И. Семенова, не дожидаясь назначения на этот пост председателя губернской земской управы К.Н. Гримма [10, с. 73—74]. Однако ряд авторов, анализирующих ситуацию в Саратовской губернии к моменту получения циркуляра князя Г.Е. Львова, не совсем верно трактовали степень участия К.Н. Гримма в происходящих событиях. В частности, Г.А. Герасименко проводил мысль о противостоянии председателя губернской земской управы и членов ОГИК, что маловероятно. Он отмечал, что «новоиспеченный губернатор продержался на должности всего несколько часов; у комитета оказалось больше и авторитета, и влияния на ход политических событий, чем у первого» [11, с. 98].

В соответствии с телеграммой князя Г.Е. Львова председатель губернской земской управы назначался на пост правительственного комиссара «без дополнительных процедур оформления нового состояния», и формально К.Н. Гримм таковым являлся уже 5 марта. Однако из немногочисленных и отрывистых биографических сведений о Константине Николаевиче известно, что он и вовсе отказался сотрудничать с новой властью. Авторы монографии «Саратов дворянский» считают, что причина отказа К.Н. Гримма происходила из его дворянского происхождения [12, с. 156—157]. Приведенная версия имеет право на существование, но при этом остается не ясным: были ли это личные побуждения, или председатель губернской земской управы попал под прессинг общественного мнения?

Во-первых, к марту 1917 г. бессменный председатель губернской земской управы был уже в преклонном возрасте (60 лет). С

началом Первой мировой войны он одновременно занимал несколько важнейших постов в губернии: председатель губернской земской управы, уполномоченный ГУЗиЗ (с 1914 г.) и уполномоченный Особого совещания по заготовке продовольствия для действующей армии (с 1915 г.). В своем интервью корреспонденту «Саратовского листка» К.Н. Grimm отмечал: «... работа по двум линиям — и по закупке для армии, и по Особому совещанию — колоссальна и совершенно непосильна для одного человека. Ежедневно нужно ответить на 70—80 телеграмм. Работаю я с 11 ч. дня до 1 ч. ночи. При таких условиях можно справиться лишь при снисходительном отношении к делу, но я другой человек» [13, с. 4]. Подобные условия работы и ответственное отношение к делу не могли не подорвать здоровья общественного деятеля. Поэтому уже с конца 1916 г. К.Н. Grimm отправил на имя министра земледелия А.А. Риттиха три ходатайства следующего содержания: «Еще раз убедительно Вас прошу освободить меня с занимаемых должностей и указать лицо, которому я должен передать дела» [14, с. 3].

Во-вторых, несмотря на свои заслуги и богатый опыт общественной деятельности, К.Н. Grimm столкнулся с недоверием со стороны широких крестьянских масс. Материалы периодической печати и архивные источники свидетельствуют, что вызвано это было не столько его социальным происхождением, сколько политикой имперской администрации, проводником которой он являлся в губернии в годы войны. Особенно сильно это проявилось с введением в 1916 г. политики разверстки, более всего ненавистной крестьянам. Поэтому в марте 1917 г., когда проходили выборы председателя Губернского продовольственного комитета, против кандидатуры К.Н. Grimma высказалось большинство его членов. Один из его участников, А.В. Рождественский, так передавал настроение крестьян: «если хотите получить хлеб, выберите вместо него (К.Н. Grimma. — А.Ф.) другое лицо» [15, л. 46].

С учетом сложившихся обстоятельств К.Н. Grimm почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара и председателя губернской земской управы. Временное правительство согласилось с кандидатурой выдвинутой ОГИК — Н.И. Семеновым [10, с. 90—91]. Аналогичная ситуация сложилась в большинстве уездов Саратовской губернии. Так, в первых числах марта 1917 г. в пяти уездах Саратовской губернии (Балашовском, Вольском, Хвалынском, Камышинском и Саратовском) под давлением местных исполнительных комитетов председатели уездных земских управ бы-

ли либо смещены с постов уездных комиссаров, либо арестованы [11, с. 66—67]. Н.Н. Кабытова приходит к выводу, что назначение губернских и уездных комиссаров [в Поволжских губерниях — А.Ф.] проходило в точном соответствии с указаниями из центра лишь в тех случаях, где исполкомы не имели решающего преимущества [5, с. 44].

Временное правительство для того, чтобы сохранить губернии в сфере правительственного контроля, было вынуждено вносить коррективы в указ от 5 марта 1917 г. Их суть сводилась к тому, что комиссары назначались Временным правительством по соглашению с губернским комитетом общественных организаций [16, с. 16]. По мнению Ф.А. Гайды, власть самоустранялась от участия в местном управлении, что грозило ей в недалеком будущем катастрофой [17, с. 38].

Катастрофичное положение власти усугублялось нарастанием анархических тенденций по всей стране. Расстановка политических сил менялась не в пользу Временного правительства. В Саратове уже в апреле политическая власть стала сосредотачиваться в руках Советов [7, с. 40]. Март-апрель 1917 г. был периодом развития и углубления революции на местах, в движение пришла деревня [18, с. 42]. В первый месяц революции районы крестьянских выступлений разрастались, составив почти 20% по отношению к 1916 г. В апреле 1917 г. их число увеличивается в 7,5 раз [17, с. 39]. Саратовский губернский комиссар Д.А. Топуридзе в докладе МВД о крестьянском движении отмечал: «в дни переворота крестьянство стало разбирать частновладельческие земли, начались запашки, потом наблюдалась борьба за обладание землей внутри самого крестьянства и наконец, разразилось чисто хищническое разграбление частновладельческих хозяйств» [19, л. 1]. Самый массовый и радикальный характер крестьянское движение приняло осенью в Сердобском уезде. Из 280 экономий уезда подверглись разгрому 8 крупных; до 120 дес. — 32; отрубных хуторов — 27 [19, л. 2 об].

Неутешительная статистика не могла остаться без внимания правительства, которое настаивало на пресечении подобных беспорядков, направленных на захват частной собственности. Вопрос о перераспределении земли, как известно, откладывался до созыва Учредительного собрания, а самочинная ее экспроприация являлась уголовным преступлением. Однако губернские комиссары не имели реальной силы, с помощью которой можно было бы остановить «черный передел». Начальник саратовской губернской мили-

ции Д.Н. Чегодаев в своем докладе губернскому комиссару о попытках остановить аграрные беспорядки среди крестьян Петровского уезда констатировал: «со мною было 50 казаков и столько же солдат; в деревне казаков пугались только в начале, а потом крестьяне вполне доверчиво относились к ним и даже изъявляли желание оставить их на постой; солдаты менее дисциплинированные, чем казаки и был момент, когда я не знал, кого уговаривать население или солдат» [19, л. 2].

Вновь переизбранные уездные комиссары либо бездействовали, либо сами становились инициаторами крестьянского хаоса. Показательными в этом отношении являются события, произошедшие в Сердобском уезде. После того, как местный исполком возложил обязанности уездного комиссара на фронтовика Ф.И. Сержникова, крестьянские волнения, по словам губернского комиссара милиции, лишь усилились, так как «комиссар сам поощрял захват земли местным крестьянством» [19, л. 3].

Приведенный пример очень ярко характеризует проблему эффективности власти в России в постфевральский период. Современники событий критиковали институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства за неспособность противостоять революционной стихии в провинции. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях писал: «Власть на местах вообще исчезла, как исчезли жандармы и полицейские в Петрограде» [20, с. 479]. Причину всего происходящего Милюков усматривал в том, что князь Г.Е. Львов «объявил правительствующих комиссаров не высшей инстанцией, а лишь посредствующим звеном между центральной властью и самочинными организациями; такая санкция власти, разумеется, еще усилила и оправдала продукты революционного правотворчества» [20, с. 479].

Последующая плеяда отечественных историков, обращаясь к описываемому сюжету, высказывала полярные точки зрения. Н.Н. Кабытова полагает, что это проблема не формы, а содержания власти. Автор подчеркивает, что ни земские служащие, ни представители общественных комитетов не могли справиться с функцией государственного и муниципального управления. Они могли выражать общественное мнение, но не осуществлять властные полномочия [5, с. 213]. О.В. Чудаков акцентирует внимание на том, что губернские и уездные комиссары не имели реальной власти в силу отсутствия четкой юридической основы, что и обуславливало неэффективность правового регулирования в сфере их деятельности

[16, с. 16—17]. С этим сложно не согласиться. В результате, как отмечал В.И. Старцев, власть комиссаров Временного правительства оказалась чисто номинальной [3, с. 203]. Подтверждается это и попыткой Временного правительства (через комиссаров) взять под контроль волостные исполкомы. Однако ожидаемого результата эта мера не принесла. Волостные комитеты не стали опорой правительства в волостях. Опираясь на решения исполкомов, крестьяне нередко занимали соседние поместья. Например, 3 апреля 1917 г. в Балашовском уезде Ивановский волостной комитет производил самочинные распоряжения в отношении собственности частных землевладельцев и снял с их полей военнопленных [21, с. 16]. В Камышинском уезде члены Ахматского комитета совместно с крестьянами произвели незаконные обыски на Ахматском хуторе графа Орлова-Давыдова [21, с. 16—17].

Таким образом, в результате крушения имперского административного аппарата управления перед Временным правительством встала задача строительства новой вертикали власти, особое значение при этом придавалось новому институту губернских и уездных комиссаров. Однако отсутствие четкого правового и организационного механизма реализации полномочий комиссаров, контроль со стороны самочинных революционных органов (общественных комитетов, Советов) не позволили правительству сформировать эффективную структуру органов власти на местах.

Список источников и литературы:

1. *Баженова Т.М.* Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Государственный аппарат. Историко-правовые исследования. Сборник научных трудов Свердловского юридического института. 1975. Вып. 44. С. 75—82.
2. *Кабытова Н.Н.* Властные парадигмы Российской провинции // Вестник архивиста. 2017. №2. С. 211—220.
3. *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980.
4. Журналы заседаний Временного правительства: март—октябрь 1917 г.: в 4-х т. М., 2001. Т. 1.
5. *Кабытова Н.Н.* Власть и общество Российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.
6. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1, 27 февраля — 5 мая 1917 г. С. 10—11.
7. *Морозова Е.Н.* Великая русская революция 1917 года: от Февральских событий до Октябрьского переворота // Известия Саратовского уни-

верситета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 36—44.

8. Вестник Временного правительства. 1917. № 23. 5 апреля.

9. *Гайда Ф.А.* Механизм власти Временного правительства (март—апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141—153.

10. *Рейли Д.Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.

11. *Герасименко Г.А.* Народ и власть. М., 1995.

12. *Семенов В.Н., Семенов Н.Н.* Саратов дворянский. Саратов, 2004.

13. Саратовский листок. 1916. № 69. 25 марта.

14. Саратовский листок. 1916. № 173. 13 августа.

15. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 66. Л. 46.

16. *Чудаков О.В.* Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. № 1. С. 14—18.

17. *Гайда Ф.А.* Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 31—46.

18. *Андреев А.М.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983.

19. ГАСО. Ф. 334. Оп. 2. Д. 2. Л. 1—3.

20. *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.

21. *Покровский М.Н., Яковлев Я.А.* Крестьянское движение в 1917 году. (1917 год в документах и материалах). М., 1927.

А. А. Гуменюк (Саратов)

**ЖАЛОБЫ И НАКАЗЫ КАК ИНДИКАТОР ДИНАМИКИ
ЖИЗНЕННОГО УРОВНЯ НАСЕЛЕНИЯ СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – СЕРЕДИНЕ 1980-х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Аннотация: Основываясь на историко-антропологических данных (наказы, жалобы и т.д.) в статье анализируется динамика уровня жизни населения Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. Полученный в итоге образ повседневной жизни волжан доказывает, что состояние советского социума накануне «перестройки» больше соответствовало стадии «раннего» или «простого социализма», нежели так называемого «развитого социализма». Статья основана на фактическом материале, извлеченном из фондов центральных и местных архивов, мемуаров, периодической печати.

Ключевые слова: дефицит, жалоба, качество жизни, наказ, социализм, социальная программа, реформа.

A. A. Gumenyuk (Saratov)

**COMPLAINTS AND INSTRUCTIONS AS AN INDICATOR OF THE
USSR POPULATION'S LIVING STANDARDS DYNAMICS IN THE
SECOND HALF OF THE 1950S - MID 1980S (ACCORDING TO THE
MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)**

Abstract: Based on historical and anthropological data (instructions, complaints, etc.), the article analyzes the standard of living dynamics of the Lower Volga region population in the second half of the 1950s — mid 1980s. The resulting daily life image of the Volzhans proves that the condition of Soviet society on the eve of “Perestroika” more closely corresponded to the stage of “early” or “simple socialism” than the so-called “developed socialism”. The article is based on factual material extracted from the funds of central and local archives, memoirs, periodicals.

Keywords: deficiency, complaint, life quality, punishment, socialism, social program, reform.

Смена власти в СССР в марте 1953 г. явилась важной вехой в процессе пересмотра взглядов советского руководства на социализм, сущность которого стала ассоциироваться с удовлетворением разносторонних социальных нужд трудящихся, с повышением качества их жизни. Именно это являлось одной из краеугольных целей социальной стратегии Советского государства во второй поло-

вине 1950-х — середине 1980-х гг. Постепенно в СССР сформировалась модель социальной политики, позволявшая добиться значительных успехов в реализации указанной цели.

Необходимость возникновения такой модели социальной политики остро ощущалась в начале 1950-х гг. населением СССР и, в частности, Нижнего Поволжья. Судить об этом дают возможность такие исторические источники как данные статистики, разнообразная отчетная и протокольная документация, отложившаяся в архивных фондохранилищах. Однако охарактеризовать эффективность реализации тех или иных социальных программ через призму их воздействия на различные показатели качества жизни населения позволяет историко-антропологическая информация, представленная жалобами и наказами, которые направлялись в большом количестве советскими людьми в органы власти.

В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать динамику уровня жизни волжан в 1953—1985 гг. именно исходя из данных о наказах, жалобах, различных высказываниях населения региона о качестве своей жизни. В результате появляется перспектива осуществления значительных корректировок национальной истории.

Последние годы жизни И. В. Сталина в Нижнем Поволжье, как и в стране в целом, были отмечены крайне низким уровнем жизни населения. Кризисом были охвачены практически все сферы социального развития региона: различные сегменты сферы обслуживания, обеспечение населения товарами и продуктами, здравоохранение, досуговые заведения, система органов социального обеспечения, жилищно-коммунальное и городское хозяйство. В редакции областных газет Нижней Волги и местные органы власти поступали многочисленные жалобы от населения по поводу проблем в функционировании указанных сегментов социального развития. В частности, поступление жалоб по жилищным вопросам в Саратовский обком КПСС в период с 1951 г. по 1953 г. возросло в 1,2 раза [2, л. 133]. Действительно, в этой сфере социального развития наблюдалось наиболее сложное положение. Об этом свидетельствует тот факт, что волжане, не находя поддержки у местных властей, обращались в вышестоящие инстанции, в частности, в приемную председателя Президиума Верховного Совета РСФСР (см. табл. 1) [4, л. 16-18; 5, л. 19, 19 об.; 6, л. 34, 34 об.].

Таблица 1.

Жалобы по жилищным и трудовым вопросам, поступившие в приемную председателя Президиума Верховного Совета РСФСР от населения Астраханской, Сталинградской и Саратовской областей в 1953—1955 гг.

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Всего
Астраханская область	1047	445	37	1529
Саратовская область, в том числе г. Саратов	1987 1176	649 218	60 22	2696 1416
Сталинградская область, в том числе г. Сталинград	1230 1328	432 450	72 46	1734 1824

Из таблицы видно, что наиболее сложное положение с обеспечением населения жилой площадью на Нижней Волге сложилось в Саратовской области. В то же время, если принимать во внимание ситуацию с жилищным вопросом только в городах, то наиболее непростой она была в Сталинграде, откуда за 1953—1955 гг. поступило больше (на 406 шт.) писем с указанными жалобами, чем от жителей Саратова. В одной из таких жалоб жительница Сталинграда обращалась с просьбой к тов. Ворошилову: «Спасите 4-х детей, живем мы в бывшем блиндаже, нас уже затапливало, и откачивала пожарная машина, а сейчас грозит обвал, и моих детей может придавить. Терпим мы давно, но есть всему предел. Жизнь детей поставлена под угрозу. Детям не только нельзя учить уроки, но они все время болеют. Настудившая зима готовит еще страшнее мучения. Помогите матери 4-х детей и спасите их. Дайте нам какое-нибудь жилище» [12, л. 71].

В этих же субъектах РСФСР на Нижней Волге сложилась весьма непростая ситуация и с уровнем бытового обслуживания населения. Свои претензии к работникам этого сегмента сферы услуг волжане также направляли и в вышестоящие инстанции (см. табл. 2) [4, л. 15, 16; 5, л. 19, 19 об.; 6, л. 34, 34 об.].

Таблица 2.

Жалобы по социально-бытовым вопросам, поступившие в приемную председателя Президиума Верховного Совета РСФСР от населения Астраханской, Сталинградской и Саратовской областей в 1953—1955 гг.

	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Всего
Астраханская область	887	528	16	1431
Саратовская область	2544	1145	42	3731
Сталинградская область	1883	849	54	2786

Из приведенных в таблице данных видно, что меньше всего изъянов в функционировании этого сегмента сферы услуг имелось в Астраханской области. Тем менее, суммарные данные о поступивших в приемную председателя Президиума Верховного Совета РСФСР жалобах (1431 шт.) от астраханцев и жителей области говорит о том, что и в организации бытового обслуживания населения этого субъекта РСФСР имелись серьезные проблемы.

Социальная раздраженность волжан бытовыми неурядицами постепенно усиливалась в виду того, что население не получало ожидаемого от властей ответа на свои просьбы. Например, количество обратившихся с просьбами об увеличении пенсионного обеспечения в Астраханский облсобес во второй полугодии 1953 г. превысило показатели первого полугодия на 12%. При этом количество удовлетворенных за это время жалоб сократилось на 5,4% [7, л. 9].

Проанализированная динамика и содержание жалоб волжан по различным аспектам социального развития служит наглядной иллюстрацией стремления населения региона к переменам. Основы грядущих изменений были заложены уже в первые годы после смерти Сталина, но широкая программа реформирования советского общества была разработана делегатами XX съезда КПСС (14—25 февраля 1956 г.). Она включала такие аспекты социальной и экономической политики, как уровень доходов и потребления, вопросы пенсионного обеспечения, жилищное строительство, развитие здравоохранения (включая санаторно-курортные учреждения), предприятий торговли и общественного питания, охрана труда, деятельность учреждений материнства и детства, организация досуга учащихся. Соответственно для каждой из указанных сфер социально-экономического развития со второй половине 1950-х гг. стала разрабатываться отдельная социальная программа. Краеугольными принципами, на которых базировалась все эти программы, выступали принципы вседоступности и бесплатности. С реализацией в жизнь этих принципов советское руководство увязывало достижение обществом всеобщего достатка, с которым тогда ассоциировался коммунизм.

Об эффективности реализации социальных программ, разработанных советским руководством в постсталинский и постхрущевский периоды, позволяют судить озвученные участниками различных партийных конференций и сессий Советов критические высказывания, которые нами были подвергнуты количественному анализу. В результате была получена следующая таблица (см. табл. 3).

Таблица 3.

Динамика качества жизни волжан 1953—1985 гг.
(на примере Саратовской области)

Наименование программы	Количество высказанных жалоб, наказов и критических высказываний за			
	1953—1958 гг.	1959—1964 гг.	1965—1974 гг.	1975—1985 гг.
Экономическая программа по обеспечению товарно-продуктовой безопасности	96	133	58	79
Социальная программа реформирования сферы услуг (в частности, общественного питания и бытового обслуживания)	111	89	54	65
Социальная программа «Доступное и комфортное жильё» (в совокупности с реформированием коммунального и городского хозяйства)	259	420	308	329
Социальная программа по реформированию учреждений материнства и детства	77	145	44	30
Социальная программа в области досуга, в том числе молодежного	92	127	66	82
Социальная программа «Спорт»	21	12	28	17

Продолжение табл. 3.

Социальная программа «Здоровье»	В 1969 г. в адрес депутатов областного Совета депутатов было направлено наказов в 7 раз больше, чем в 1961 г. по вопросам медицинского обслуживания	С 1969 г. по 1975 г. число наказов снизилось в 2,4 раза	В адрес депутатов областного совета депутатов поступление таких наказов в течение в 1975—1979 гг. возросло в 1,6 раза, а в адрес депутатов Верховного Совета РСФСР и СССР в период с 1979 г. по 1985 г. — в 1,9 раза
---------------------------------	---	---	--

Анализ представленной в таблице динамики показывает, что эффективность соответствующих социальных программ зависела от экономических возможностей государства выполнять взятые на себя обязательства. Поэтому наибольшие успехи в их реализации были достигнуты в 1953—1958 гг. и 1965—1974 гг., когда в экономике ощущался в наибольшей степени эффект от реформ середины 1950-х гг. и 1965 г. Но даже несмотря на постепенную утрату экономикой интенсивных черт, качество жизни саратовцев (как и в целом всех жителей Нижней Волги) к концу рассматриваемого периода было выше, чем в начале 1950-х гг. Это подтверждают и сами жители региона. Например, жители г. Саратова в начале 1970-х гг. сообщали в редакцию областной газеты «Коммунист» о хорошем медицинском обслуживании во 2-ой областной больнице, в детском отделении глазной клиники и других медицинских учреждениях города и области. [9; 10; 11]. Уроженец г. Камышина Волгоградской области писал в ноябре 1976 г. в газету «Правда»: «Какая хорошая жизнь стала сейчас» [13, л. 52]. Важную роль в достижении такого результата сыграли мероприятия по гидромелиоративному строительству, имевшие место, в том числе и в Поволжье. Одна из пенсионерок г. Саратова в письме, адресованном в редакцию газеты «Коммунист» в 1982 г., в частности, отмечала: «А что касается снабжения овощами, то я лично довольна. Сегодня, когда идешь в овощной магазин, не гадаешь, есть ли там морковь, капуста или огурцы. Уверена, что все сможешь купить» [8].

О позитивных изменениях в жизненном уровне волжан можно судить не только на основе количественного анализа выявленных жалоб и наказов, но и их содержания. Проиллюстрируем эту тенденцию на примере реализации социальной программы «Доступное и комфортное жилье». Хотя из материалов вышеприведенной таблицы видно, что число жалоб по вопросам жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства к концу рассматриваемого периода по сравнению с началом 1953—1958 гг. выросло в 1,3 раза, тем не менее, произошли изменения в содержании этих наказов. Выступая 19 декабря 1978 г. на XIII пленуме Волгоградского обкома КПСС, первый секретарь Центрального райкома КПСС, в частности, отметил: «Если раньше преобладало количество заявлений о предоставлении жилья, то теперь большинство писем — об улучшении жилищных условий» [15, л. 48]. Просьбы от населения о предоставлении благоустроенного жилья, поступившие в Сара-

товский обком КПСС в 1983 г., в 1,4 раза численно преобладали над жалобами по другим аспектам жилищной проблемы [3, л. 19].

Следовательно, можно согласиться с мнением Ч. Айтматова, высказанного им в рассказе «Золотые ворота» о том, что « ... в неимоверном напряжении страна смогла в значительной степени решить проблему добротной крыши над головой трудового человека» [1, с. 233]. При этом возможности для получения бесплатного жилья, прежде всего за счет фондов социально-культурных мероприятий и жилищного строительства предприятий, значительно расширились. Например, в 1960-е — 1970-е гг. на саратовских заводах «Тантал» и «Радон» ежегодно за счет средств этих фондов получали квартиры около 100 заводчан [14, с. 13]. Таким образом, государству все же удалось претворить в жизнь установки III программы партии в отношении значительной части населения региона, занятой главным образом в сфере промышленного производства.

В то же время сохранение к концу рассматриваемого периода значительного количества жалоб населения Саратовской области по ряду направлений социального развития и даже их рост на протяжении 1966—1985 гг. (например, как видно из данных таблицы 3, по поводу развития торговли и общепита их число выросло в 1,2 раза, по поводу обеспеченности товарами и продуктами — в 1,4 раза и т.д.) свидетельствуют о том, что воплотить в жизнь принципы вседоступности и бесплатности товаров и услуг удалось лишь сегментировано из-за сохранявшегося на протяжении всего «советского периода» истории дефицита экономических возможностей, порожденного противоречием между прогрессивно-перспективной моделью социальной политики и сохранявшимся на протяжении всего постсталинского периода приоритетным финансированием ВПК и отраслей, производящих средства производства. Поэтому к концу рассматриваемого периода состояние нижеволжского социума, как и всего советского общества, больше соответствовало стадии «раннего» или «простого социализма», нежели так называемого «развитого социализма». Недостаточность у государства экономических возможностей для завершения перехода от принципа распределения потребительских благ по труду к принципу их распределения по потребностям породила такое явление как социально-психологический кризис советского общества. Проявления социально-психологического кризиса на региональном уровне, выражавшиеся в многочисленных бытовых противоречиях и продо-

вольственных проблемах (их наличие доказывает наличие значительного числа жалоб по различным аспектам социального развития, высказанных саратовцами и жителями области в 1975—1985 гг.), выступали одним из базовых условий подрыва веры у советских людей в социализм и последующего распада СССР.

Список источников и литературы:

1. *Айтматов Ч.* Собрание сочинений: в 3 т. М., 1984. Т. 3. Рассказы. Очерк. Публицистика.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2887.
3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 138.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 25. Д. 149.
5. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 25. Д. 150.
6. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 25. Д. 151.
7. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 25. Д. 191.
8. Заря молодежи. 1982, 20 июля.
9. Коммунист. 1970, 5 августа.
10. Коммунист 1970, 9 сентября.
11. Коммунист 1971, 5 января.
12. Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 31. Д. 18.
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 242.
14. *Семенов А., Сидоренко А.* Родной завод, годы и люди. Саратовская электроника, годы 80-е и 90-е, краткая история и проблемы в воспоминаниях ветеранов. Саратов, 2010. Ч. IV.
15. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 98. Д. 1.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Н. Г. Пфаненштиль (Казань)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ: ПОСТАНОВКА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ И ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРИОД ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 60-х ГГ. XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ)

Аннотация: На основании комплексного анализа материалов педагогических дискуссий в научной периодике 60-х гг. XIX в. в данной статье рассматриваются особенности исторического образования в средней школе в период либеральных преобразований и основные проблемы учебной литературы по истории.

Ключевые слова: Историческое образование, учебники по всеобщей истории, педагогические дискуссии, педагогические и исторические советы и собрания, Министерство народного просвещения.

N. G. Pfanenshtil (Kazan)

AUTHORITIES AND SOCIETY ON THE STUDY OF HISTORY: THE FORMULATION OF HISTORICAL EDUCATION IN SECONDARY SCHOOL AND THE PROBLEM OF EDUCATIONAL LITERATURE DURING THE LIBERAL REFORMS OF THE 60S OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF PEDAGOGICAL DISCUSSIONS)

Abstract: On the basis of a comprehensive analysis of the pedagogical discussions materials in scientific periodicals of the 1860s the article considers the features of historical education in secondary school during the period of liberal reforms and the main problems of history textbooks.

Keyword: historical education, history textbooks, pedagogical discussions, educational and historical councils and meetings, Ministry of public education.

Конец 50-х — 60-е гг. XIX в. вошли в русскую историю как время либеральных преобразований в самых различных сферах жизни общества: социально-экономических отношениях, политической

области, военном деле, культуре и образовании. С освобождением крестьян чрезвычайно усилился запрос на школы: элементарные, средние, высшие, общие, профессиональные, мужские и женские. Дело в том, что «... в это время Россия впервые за все свое существование ощутила сильный образовательный голод. Эпоха освобождения вызвала не только необычайный запрос на образование и школы, но и самому образованию напечатлела свой характер» [1, с. 5—6]. С начала 60-х гг. XIX в. началась подготовка новой школьной реформы, одним из первых документов которой стало «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения», утвержденное 10 мая 1860 г. В 1864 г. была проведена реформа системы начального и среднего образования. Новые распоряжения («Положение о начальных народных училищах», «Устав гимназий и прогимназий», «Положение о земских учреждениях») восстановили некоторые либеральные принципы образования: равенство в среднем образовании людей различных сословий и вероисповеданий; определили возможность открытия частных школ. С другой стороны, реформа 1864 г. впервые в истории России создавала массовую школу для народа, давала возможность проявиться частной и общественной инициативе, способствовала распространению грамотности среди населения. Однако не стоит чрезмерно преувеличивать значение либеральных преобразований. Так, цензура для учебных книг продолжала существовать.

Ярким примером, демонстрирующим положение дел, являлась история с публичными лекциями об общественном положении писателя в средние века, которые М.М. Стасюлевичу не было разрешено прочитать. Как гласила официальная бумага, «по соглашению шефа жандармов с Министерством внутренних дел признано неудобным дать... позволение читать публичные лекции», а «Комитету Литературного Фонда дать секретно знать, что... лекции запрещены». По словам М.М. Стасюлевича (из письма П.А. Плетневу 20 ноября 1864 г.), министр сказал ему, что «в наше время нужно смиряться духом и не искать даже своих прав, потому что ничего не получишь, а приобретешь только репутацию беспокойного человека» [2, с. 173]. Как выяснил потом князь А.А. Суворов, лекции М.М. Стасюлевича были запрещены, потому что он «... был удален от наследника за неблагонамеренность» (Письмо П.А. Плетневу от 27 января 1865 г.) [2, с. 181].

Общегосударственных образовательных программ, обязательных к выполнению, в 1860-е гг. не существовало. Объем преподавания учебных предметов (в том числе и истории) определялся инструкцией Министерства народного просвещения лишь в общих чертах. Эта инструкция широко намечала пределы учебных предметов, очерчивая, хотя и достаточно подробно, лишь основные контуры вопросов, которые учащимся необходимо было усвоить в ходе изучения истории, так что учителям оставалось достаточно свободы в преподавании [3, с. 17—19]. В документах подчеркивалось, что именно в учительских программах должна раскрыться личность преподавателей, «степень... педагогического соображения» [4, с. 52]. Причем считалось, что учебник лишь излагал «план предмета», индивидуальная программа должна была выражать «взгляд учителя на исполнение этого плана», поскольку без нее педагог превращался в «почти бесполезного задавателя и выслушателя уроков по учебнику» [4, с. 52]. Таким образом, предполагалось, что именно учитель-предметник в 60-е гг. XIX в. должен был являться «дирижером» исторического обучения в каждой конкретной школе, а учебник — играть вспомогательную роль и помогать педагогу воплотить его творческий образовательный замысел. Однако на практике эти идеи зачастую не реализовывались: «Новые методы преподавания далеко еще не везде введены, и не только потому, что преподаватели не хотят ввести их, или не владеют ими, но и потому, что во многих заведениях им не позволяют отступать от прежних способов» [5, с. 752].

Выбор учебных руководств и методов обучения Министерство в 1864 г. представило на усмотрение *педагогических советов* гимназий: «Педагогическим советам гимназий и училищ предоставляется выбор того или другого учебника, из числа означенных в каталоге, ежегодно публикуемом в ЖМНП» [6, с. 6], чтобы «...тем положить конец господству привилегированных учебников, державшихся старых методов преподавания, и по которым уроки только диктовались и списывались» [7, с. 501—502].

Более того, педагогические советы получили право утверждать программы (составленные учителями на основе требований министерской инструкции), заслушивать доклады преподавателей об учебниках, определять способы учения и т.д. Таким образом, «педагогические советы, права которых были значительно расширены, становились органами коллективной педагогической мысли учителей» [8, с. 29]. Согласно этим началам и в уставе выбор учебных

книг и пособий был предоставлен педагогическим советам, с утверждением такого выбора попечителем округа и представлением министру народного просвещения [6, с. 5] для итоговой резолюции.

Несомненно, отсутствие постоянной и мелочной опеки, регламентации со стороны центральных учреждений благотворно влияло на творческую деятельность учителей, стимулировало поиск новых идей в отношении целей и методов преподавания как истории, так и других предметов, благоприятствовало появлению и распространению новых учебников по истории. Это осознавали уже современники реформы: «Всеми известно, сколько привилегированные учебники, державшиеся по десяткам лет, приносили вреда учебным заведениям... хорошие учебники и не могли являться, так как никому не хотелось предпринимать такого труда на сбыт которого нельзя было надеяться» [4, с. 46].

На рубеже 50-х — 60-х годов XIX в. возник ряд общественных организаций, которые ставили целью решение насущных проблем педагогической теории и практики.

В 1862 г. в Харьковском учебном округе проводились многочисленные учительские съезды (20 и 25 июля — в Лебедине, 20 и 31 июля — в Изюме, 7 и 14 августа — в Усть-Медведевской станице, 7 и 13 августа — в Новочеркасске и др.), на которых обсуждались и вопросы исторического образования в окружных училищах. Говорилось о «всеобщем признании неудовлетворительности и отсталости существующих руководств», необходимости «заменить существующие руководства новыми» [9, с. 21]. Педагоги сетовали, что «преподавание всеобщей и русской истории не достигает своей цели», и предлагали «предоставить учителю быть самому для себя программой» [9, с. 20]. В «Обзоре деятельности Министерства за 1862—1864 гг.», как и в других отчетных документах того времени, МНП признало, что на регулярных съездах учителей «...благодаря свободному обмену мнений, выясняются правильные взгляды на способы преподавания, дисциплинарные и административные меры и другие вопросы педагогики и дидактики» [10, с. 431—432]. Более того, руководящая элита осознала, что «педагогические съезды производят благотворное, оживляющее влияние на учителей» [10, с. 431—432]. Сочувственные отзывы о съездах неоднократно находили себе место даже во всеподданнейших отчетах министра, а в 1866 г. был издан особый циркуляр, которым обращалось внимание на пользу съездов и предлагалось начать их устройство и в тех

округах, где их еще не было, «...вообще же, просматривая за это время «циркуляры» учебных округов, сплошь и рядом наталкиваясь на журналы всевозможных учительских съездов» [11, с. 112—113].

Важной составной частью общественного движения было мощное *педагогическое движение* времени либеральных преобразований, в ходе которого осуществлялась критика традиционного воспитания, велась борьба против сословной школы за общее светское образование, дающее широкий кругозор, за воспитание человека и гражданина, борьба против зубрежки и муштры, за основательность и прочность усвоения знаний, уважение к личности ребенка и первостепенность духовного развития, необходимость качественной подготовки учителей. Таковы были важнейшие проблемы, выдвинутые русской педагогикой 60-х гг. XIX в. Обозначились новые мнения, касающиеся области теоретической педагогики (новые научные подходы к построению содержания образования, новые дидактические принципы К.Д. Ушинского, В.П. Вахтерова, П.Ф. Каптерева, Л.М. Рубинштейна, Н.И. Пирогова и др. [12]).

В период конца 50-х — 60-е гг. XIX в. возник ряд общественных организаций, которые ставили себе целью решение насущных проблем педагогической теории и практики. «В 1859 г. при 2-ой Санкт-Петербургской гимназии по предложению гг. Редкина, Чумикова и Паульсона... были устроены педагогические собрания» [13, с. 60]. Членами этих собраний являлись учителя, инспектора гимназий и прогимназий, преподаватели училищ.

Протоколы заседаний Санкт-Петербургских педагогических собраний, особенно часто собиравшихся в 1862—1863 гг., опубликованные в ЖМНП, содержат ценную информацию о деятельности этой организации, о прениях, происходивших на собраниях по самым различным педагогическим вопросам, среди которых особенно подробно обсуждались, по свидетельству В. Водовозова, «единство преподавания», «самостоятельное значение народных училищ», «необходимость в учебных заведениях не знаний, а развития», «преподавание различных предметов: истории, географии, русского языка, латинского языка... » [13, с. 60—61]. Проблемы школьной учебной литературы также не остались без внимания, в частности, плохая обеспеченность учителей и учеников «хорошими учебниками». В ходе обсуждений выявились различные взгляды педагогов на задачи исторического обучения в средней школе.

В статьях 1860-х гг. отмечалось, что учителя, то есть «люди, ближе других знакомые с тем, что и как должно быть изложено в учебнике... для гимназии» [14, с. 82], «которые одни могли бы заняться составлением учебников, пригодных для классного руководства» [15, с. 27], не могут приняться за эту работу из-за сложного материального положения, так как издать книгу за свой счет преподаватель не в состоянии, и «без малейшей надежды найти себе издателя» [15, с. 27]. Авторы публикаций предлагали расходы издания принять на казенный счет, возможно, хотя бы частично. Педагогическое собрание даже приняло конкретные меры по решению этой проблемы, а именно предложило издавать учебные руководства «на счет собраний, попредварительном рассмотрении их и одобрении в заседаниях собрания, и по соглашению с автором» [16, с. 36]. Причем предполагалось оказывать содействие не только авторам — членам собрания, но и всем другим. Эта помощь была вызвана реальной потребностью.

Несколько заседаний Педагогического собрания в 1863 г. было посвящено проблемам преподавания истории, вокруг которых развернулись весьма оживленные дискуссии, ставшие отражением первой реакции педагогической общественности на появление первого тома «Хрестоматии...» М.М. Стасюлевича и предложенного им принципиально нового, «реального» метода преподавания истории в школе. В связи с этим подняты были такие вопросы, как: «является ли школьная история научной?», «нужны ли школьные учебники в процессе преподавания истории?», «какова роль учителя в учебном процессе?».

Так, докладчиком Беллярминовым был выдвинут тезис, что «История, как наука не устоявшаяся, не выработавшая своих определенных законов и, следовательно, не подлежащая сокращению, не может быть предметом гимназического курса» [16, с. 24]. Паульсон высказал похожую идею: «Наука школьная и наука в строгом смысле слова не одно и то же» [16, с. 104], подчеркивая необходимость психологического соответствия научного материала пониманию школьников: «Наука в ученом мире — цель, а в школе — средство... Система строгой науки — логическая, а система школьной науки должна быть психологическая, то есть сообразная со степенью умственного развития учеников» [16, с. 105]. Водовозов считал, что «школа не нуждается в особой школьной науке; ей нужна наука вообще, очищенная добытыми фактами» и «нельзя различать

науку в школе и науку в ученном мире; и там, и тут она одна и та же, хотя способы ее усвоения бесконечно различны» [16, с. 104].

Беллярминов доказывал, что «обучение истории должно начинаться с биографии и потом переходить к внимательному изучению избранных мест из источников и чтению пособий» [16, с. 27]. При этом, по его мнению, «лучший преподаватель в истории — это книга, и лучшее обучение по истории — чтение книги» [16, с. 101], при этом речь не идет о школьном учебнике, ибо «Всякое историческое руководство, в большей или меньше степени, есть нечто иное, как сборник общих исторических понятий, схоластических определений, календарь одиноко стоящих фактов, указатель чужих мнений, справочная книга для пышных фраз» [16, с. 96]. Паульсон считал, что «при преподавании истории можно одинаково пользоваться как источниками, так и хорошо составленными пособиями» [16, с. 28]. Ведров не видел «... возможности обойтись без стройного систематического преподавания истории в гимназии», настаивал на необходимости «пройти в гимназии курс истории по известным началам политическим, религиозным и бытовым, без особенных подробностей о походах разных завоевателей и с предложением для чтения исторической хрестоматии», отвергая «преподавание истории по какой бы то ни было исторической хрестоматии с одним предварительным познанием биографий» [16, с. 92]. А хрестоматия Стасюлевича, по мнению Ведрова, «будет прекрасным дополнением и объяснением того курса, который потрудится передать преподаватель своим слушателям» [16, с. 89]. Шакеев особенно важную роль в историческом образовании отводил личности учителя — «лучший учебник — сам учитель», и считал, что знакомство с историческими источниками оправданно в том только случае, если «они составляют приложение к устному преподаванию учителя» [16, с. 92—93].

Обнаружилась пестрая разноголосица мнений. Единственное, в чем обнаружилась точка соприкосновения — это убежденность в неудовлетворительности всех существовавших учебников истории отечественных авторов. Так, Паульсон скептически заметил, что «наши учебники» нельзя назвать «хорошо составленными пособиями» [16, с. 28]. Беллярминов также высказал мнение о «неудовлетворительности всех исторических учебников» [16, с. 96] и возможности «сложить в архив наши исторические учебники» [16, с. 102].

Однако взгляды отдельных педагогов на требования к «хорошему школьному учебнику по истории» весьма различались. Бел-

лярминов высказывал серьезные сомнения относительно возможности составления такого учебника, поскольку само предназначение руководства обуславливает, что «в историческом учебнике собрано все необходимое, чтобы подавить способности учащихся, сократить их умственный кругозор и недостаток многого, что необходимо для развития» [16, с. 96]. Любой учебник, уже по методической форме своей, по мнению Беллярминова, лишает ученика «всякой свободы — в мысли, в знаниях и даже в оборотах речи» и развивает лишь «умение повторять чужие мысли, повиноваться, поддакивать», а это есть «дрессировка памяти, и то неискусная, и более ничего» [16, с. 97]. Педагог считал, что школе необходимо не руководство по истории, а хорошая учебная книга, которая не должна содержать главного недостатка учебников — «общих мест» [16, с. 102]. Шакеев среди недостатков «настоящих учебников» указал на «длинноты», «сухости» и «массу фактов и рассуждений, обязательных для памяти ученика» [16, с. 98]. Паульсон предлагал ориентироваться на исторический учебник для народных училищ Гаупта, в котором автор «группирует события не по хронологическому порядку, а по категориям, наиболее соответствующим детскому пониманию», и историю в школьном руководстве «не разделять вовсе на древнюю, среднюю и новую» [16, с. 107].

Показательно, что учителя были знакомы с иностранными историческими учебными руководствами. Так, Ведров рекомендовал к гимназическому употреблению переведенное и изданное «для девиц» «*Revue de l'histoire universelle Prevost-Parardol'я (Paris 1854)*», в котором, по его мнению, «соединено стройное изложение истории с выписками из источников» [16, с. 91]. Однако Беллярминов и Шакеев считали этот учебник «неудовлетворяющим дидактическим требованиям» [16, с. 97].

Важно, что в ходе обсуждений выявились различные взгляды педагогов на задачи исторического обучения в средней школе. Так, по мнению референта Беллярминова, преподавание истории, с одной стороны, должно «развивать ум, мышление и приучать к сознательному труду», а с другой — «развивать сердце»: «Вы смотрите на историю в гимназиях как на образовательницу в учащихся известного политического понимания и смысла, я же считаю ее, как и всякий другой предмет, средством для развития способностей» [5, с. 25].

Однако, по свидетельству В. Водовозова, в первые годы существования Санкт-Петербургские педагогические собрания, «как де-

ло новое... еще не были замечены нашею публикой и очень мало оказали влияния даже в том кругу преподавателей, для которых преимущественно предназначались» [13, с. 60].

Таким образом, в ходе оживленных дискуссий членов собраний не только обсуждались важные педагогические вопросы, высказывались самые различные взгляды на историческое образование в средней школе, но и «вырабатывались» общие мнения. Например, было единогласно решено, что «история в строго научной форме и по характеру своего материала... не может быть предметом гимназического курса» [5, с. 27]. Все педагоги поддержали мысль Паульсона о необходимости учета психологических возрастных особенностей учащихся при преподавании истории: «Для построения школьной науки необходимо иметь в виду детей и степень их понимания, и из научного материала выбирать только то, что доступно детям» [5, с. 107]. Неоднократно подчеркивалось, что образование должно развить в детях способности и приучить к самостоятельному труду [5, с. 267]. Кроме того, протоколы заседаний собраний публиковались в Журнале Министерства народного просвещения. Это означало, что широкая педагогическая общественность имела возможность ознакомиться с материалами обсуждений, вынести из них определенные уроки, а значит, быть в курсе последних тенденций развития столичной педагогической мысли, и — в перспективе — даже присоединиться к педагогическому движению.

В 60-е гг. XIX в. быстро развивалась *педагогическая журналистика*. Издавались «Журнал для воспитания», «Русский педагогический вестник», «Учитель», «Педагогический сборник», «Ясная Поляна». Вопрос об улучшении преподавания истории широко обсуждался на страницах печати. В статьях подчеркивалось, что «почти все употребляемые до сих пор в гимназиях учебники, несмотря на то, что многие из них составлены людьми очень известными в ученом мире, в отношении учебном оказываются... неудовлетворительными» [14, с. 81].

Развернулась дискуссия между сторонниками линейного и концентрического преподавания истории в школе (разделение курса истории на элементарный (в III и IV классах) и систематический (в остальных классах) [17]).

В некоторых статьях были концентрированно изложены взгляды отдельных педагогов, высказывавшиеся на различных заседаниях педагогических собраний. Например, в своей статье

«Настоящее преподавание всеобщей истории в гимназиях и план изменения его» И. Беллярминов высказал свое мнение о цели и методах исторического образования, но назвал недостатки существующих учебных руководств по истории: «... руководство, тоже выкроенное по программе, по необходимости бывает сухо, переполнено так называемыми положительными историческими знаниями, то есть именами, фактами, цифрами» [18, с. 385], «... характером произвола и случайности отличаются многие исторические руководства, употребляемые в гимназиях. Во всех этих руководствах необходимая преемственность исторических явлений поддерживается только цифрами, а общая идея заменяется часто произвольной и натянутой системой» [18, с. 390], «ложность содержания книги» [18, с. 391], «... наряду с политической судьбой народов, что прежде составляло главный предмет исторических исследований, ученые стали обращать внимание на религиозный, нравственный, юридический и художественный быт всех государств. Учебники, с усилением этой школы, чтобы остаться верными науке, тоже должны расширяться по содержанию. Но с увеличением содержания объем их должен оставаться тот же, и по тому они по необходимости должны избегать фактов, сырых материалов и заменять все это общими обзорами, характеристиками и голословными выводами» [18, с. 392].

Беллярминов также очень полно охарактеризовал свои представления о том, какой должна быть хорошая историческая книга. По его мнению, создать «безвредный для учащихся» учебник истории, в котором «факты» и «суждения» «будут умеренно соединены между собой», «при необъятности содержания предмета и при ограниченности времени, трудно, чтобы не сказать, невозможно» [18, с. 393]. Поэтому педагог считал, что изучение истории в школе необходимо организовать через чтение исторических сочинений, то есть хрестоматии.

В «Обзрении учебников по всеобщей истории», опубликованном в ЖМНП в 1868 г., фактически отразились официальные требования к историческому обучению в средней школе, составлению «хорошего» школьного учебного руководства, а именно: соответствие возрастным особенностям учащихся и педагогическим требованиям, реализация воспитательного потенциала («история должна служить и национальным интересам, как предмет нравственный»), «ровное, спокойное, серьезное изложение», содержание курса, способствующее активной умственной деятельности, разви-

тию памяти понимания исторических взаимосвязей [19, с. 290—293, 953—956,]. Впервые специально подчеркивалось влияние развития педагогической мысли на преподавание истории, кроме того, рецензент настоятельно рекомендовал авторам учебных руководств опираться на опыт их предшественников: «...каждому составителю необходимо теперь знать, какого рода учебниками владеем мы, каковы их достоинства и недостатки, для того, чтобы он мог точнее определить требования для своего учебника», поскольку «только приятном условии и возможно усовершенствование нашей учебной литературы» [19, с. 954]. Однако в целом официальные требования к содержанию исторического образования и к школьному учебнику были достаточно традиционны, если не сказать консервативны. Так, рецензент ЖМНП хотя и указывал неоднократно, что учебник всегда должен соответствовать педагогическим требованиям, предъявляемым к нему, вместе с тем характеризовал эти самые педагогические требования как «... строгий прагматизм, и то лишь в главных частях курса — вот программа, далее которой не может идти преподавание истории в гимназии. Критическое же изложение истории, как высший момент при историческом обучении, должно всецело принадлежать университету» [19, с. 974]. Это мнение, изложенное на страницах ЖМНП, фактически отражало официальную реакцию на появление первых новых, оригинальных, авторских, «нестандартизированных» учебников В.Я. Шульгина и Н. Овсянникова. Таким образом, МНП на страницах ЖМНП хотя и не в директивной форме, но достаточно четко и определенно высказывало собственные представления о том, каким должен быть учебник и преподавание истории в средней школе.

По мнению М.М. Стасюлевича, издававшего «Вестник Европы», каждый из журналов периода либеральных преобразований стремился монополизировать и подчинить общественное мнение, «провести известную идею в обществе, на основании определенного, но проходящего интереса дня... ищет покорить себе ум читателя» [2, с. 128].

После Крымской войны 1853—1856 гг., в период общественного оживления, связанного с реформами 1860-х гг., и для развития русской исторической науки создалась более благоприятная обстановка: «Восстановились и сделались даже более тесными связи с западноевропейской исторической наукой, грубо оборванные николаевским правительством в годы крайней реакции 1848—1855 гг.,

когда были запрещены даже научные командировки и сильно затруднено получение книг из-за границы...» [20, с. 302—303].

Таким образом, исторические условия рассматриваемого периода: либеральные преобразования в школьном деле, отсутствие жесткого государственного «давления» на процесс обучения и всестороннего контроля за учебной литературой, появившаяся у исследователей возможность выезда за границу и работы в иностранных архивах и библиотеках — способствовали появлению новых учебных материалов и учебников, которые в 60-е гг. XIX в. имели особое значение в ряду исторических сочинений. Как свидетельствовал современник, «... можно решительно сказать, что вся наша литература по всемирной истории, в ее полном объеме... жизни всего исторического человечества, в разнообразных ее проявлениях, в... причинном развитии исторических событий с древнейших времен до настоящей эпохи... заключается пока в руководствах для преподавания этой науки в учебных заведениях» [21, с. 65].

Список источников и литературы:

1. *Каптерев П.Ф.* Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели. Изд. 2-е. СПб., 1914.
2. М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. / под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911—1913.
3. Программы предметов гимназического курса // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1865. Ч. 125. Прил. С. 6—23.
4. [Б.а.] По поводу нового устава гимназий и прогимназий // ЖМНП. 1864. Ч. 216. Отд. 1. С. 43—52.
5. Протоколы заседаний Санкт-Петербургских педагогических собраний // ЖМНП. 1863. Ч. 117. Отд. VI. Известия и смесь. Внутреннее обозрение. С. 200—231; Ч. 118. Известия и смесь. Внутреннее обозрение. С. 24—29, 89—108; Ч. 126. Отд. II. С. 263—272, 751—759.
6. Высочайше одобренные временные правила о порядке рассмотрения, одобрения и введение в употребление учебных руководств и пособий для средних и низших учебных заведений ведомства МНП // ЖМНП. 1865. Ч. 126. Отд. 1. С. 4—6.
7. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. Пг., 1915.
8. *Буцик Л.П.* Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961.
9. *Лавровский Н.* Обозрение учительских съездов в 1862 г. В Харьковском учебном округе // ЖМНП. 1863. Ч. 118. Отд. III. Педагогика и дидактика. С. 15—60.
10. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902.

11. [Б.а.] По поводу предстоящего в Москве съезда по народному образованию. Об учительских съездах и совещаниях // Вестник воспитания. 1900. № 8. Отд. IV. Хроника: школа, литература и жизнь. С. 105—113.
12. Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX в. М., 1990.
13. *Водовозов В.* Санкт-Петербургские педагогические собрания // ЖМНП. 1863. Ч. 118. Отд. III. Педаг. и дидак. С. 48—65.
14. [N.] О составлении руководств // ЖМНП. 1863. Ч. 118. Отд. VI. Известия и смесь. С. 79—83.
15. *Стасюлевич М.М.* [Рец.:] О «Записке» и «Программе учебника всеобщей истории», составленных в 1850 г. Т.Н. Грановским // Вестник Европы. 1866. Т. 3. Сентябрь. Педагогическая хроника. С. 13—29.
16. Протоколы собраний исторического общества за 1889—1890 г. // Историческое обозрение. 1890. Т. 1. Отд. 2. С. 16—49.
17. Циркуляры по учебным округам за 1868 год. I. Методика предметов гимназического курса // ЖМНП. 1869. Ч. 142. Отдел педаг. С. 131—151.
18. *Беллярминов И.* Настоящее преподавание всеобщей истории в гимназиях и план изменения его // ЖМНП. 1863. Ч. 117. Отд. III. Педагогика и дидактика. С. 384—408.
19. Наша учебная литература. Обозрение учебников по всеобщей истории // ЖМНП. 1868. Ч. 137. Отд. педагогики и наук. Критика и библиография. С. 952—999; Ч. 138. Отд. пед. и наук. Кр. и библиография. С. 289—326.
20. *Вайнштейн О.Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940.
21. Наши исторические пособия для преподавателей и учеников // ЖМНП. 1862. Ч. 113. Февраль—март. С. 42—74, 182—222.
22. *Федорова Н.Г.* Учебники по истории средних веков конца XIX — начала XX вв.: от «коммерческого издания» к «научной книге» // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории. Мат. Междунар. научного круглого стола / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань, 2019. С. 230—239.

Н. Ю. Николаев (Волжский)

АНТИВОЕННЫЕ ИДЕИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье выявлены содержание, особенности и эволюция отношения российской общественно-политической мысли конца XIX в. к проблемам войны и мира. Раскрыта предыстория отечественного миротворчества, определены основные подходы в восприятии войны и мира известными российскими обществоведами.

Ключевые слова: война, мир, милитаризм, пацифизм, пацифицизм, миротворчество.

N. Yu. Nikolaev (Volzhsky)

ANTI-WAR IDEAS IN RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT AT THE END OF THE XIX CENTURY

Abstract: The article reveals the content, features and evolution of the relationship of Russian social and political thought of the late XIX century concerning the problems of war and peace. The background of domestic peacekeeping is disclosed, the main approaches to the perception of war and peace by well-known Russian social scientists are identified.

Keywords: war, peace, militarism, pacifism, pacificism, peacemaking.

В российском общественном дискурсе последней четверти XIX в. заметно возросла роль антивоенных идей, что стало результатом милитаристской политики ведущих мировых держав. Во внутривнутриполитической жизни милитаризм выражался в резком увеличении военных расходов. Особенно заметно рост вооружений наблюдался в Европе. С 1869 по 1897 гг. мирный состав армии шести ведущих европейских государств (России, Франции, Великобритании, Германии, Италии и Австро-Венгрии) увеличился более чем на 40%, в результате чего постоянно под ружьем находилось около 3 млн человек. Общее число военнослужащих, которое в случае войны могли выставить пять великих держав Европы (за исключением Англии), составляло почти 18 млн человек, увеличившись с 1869 г. на 185% [1, с. 76]. В некоторых странах расходы на военные нужды составляли около половины всего государственного бюджета [2, с. 524]. В России, по

данным «Государственной росписи доходов и расходов», с середины 1890-х гг. прослеживался непрерывный рост расходов Военного и Морского министерств [3, с. 10—12, 25, 65].

Ответом на беспрецедентный рост милитаризма стало усиление общественного движения, пропагандировавшего идеи разоружения, третейского разбирательства и кодификации гуманитарного права. С начала 1870-х гг. в Европе и Северной Америке активно создавались различные организации, объединенные единым порывом — остановить все ускоряющуюся гонку вооружений. В России ситуация с антивоенным движением на первый взгляд выглядела парадоксальной. С одной стороны, до конца XIX в. организация российских пацифистов оставалась слабой, и в империи не было зарегистрировано ни одного «общества мира» [4, с. 37—38]. С другой стороны, в общественном сознании русской интеллигенции существовали давние традиции интеллектуального осмысления проблематики войны и мира. В XVIII в. с идеями всеобщего мира выступали многие видные представители русского Просвещения — И.Ф. Богданович, С.Е. Десницкий, Р.М. Цебликов. Военные конфликты служили предметом самой горячей критики со стороны А.Н. Радищева [5, с. 34—37]. Живо интересовался перспективами всеобщего умиротворения А.С. Пушкин [6, с. 160—220]. Идеи вечного мира волновали многих декабристов — М.Ф. Орлова, П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, С.Д. Нечаева, Н.И. Тургенева, В.К. Кюхельбекера и пр. [7, с. 235—244] В 1850—1870-х гг. вопросы войны и мира активно обсуждались представителями радикальной общественно-политической мысли — А.И. Герценом, М.А. Бакуниним, Н.Г. Чернышевским, П.Н. Ткачевым и др. [8, с. 279—302]

На наш взгляд, в миротворческой мысли России конца XIX в. можно выделить два основных направления, по-разному трактовавшие проблемы войны и мира. (Подчеркнем, что рассмотрение антивоенных идей с точки зрения общественно-политической принадлежности их выразителей предполагает куда более подробную классификацию). Представителей первого направления можно отнести к «ортодоксальному» пацифизму с его абсолютным отрицанием войны в какой бы то ни было форме. Сторонников постепенного устранения милитаризма из человеческого общежития через реформы, признающие необходимость оборонительных (в отдельных случаях и колониальных) войн и наличия соответствующих вооруженных сил

для защиты страны от внешней агрессии, в западной историографии именуют пацифистами (или интернационалистами) [9, с. 36—39].

К числу миротворцев-максималистов следует отнести приверженцев нетрадиционных религиозных течений, распространившихся по всей России на рубеже XVIII—XIX вв. — менонитов, духоборов, молокан и пр. [10; 11] Виднейшим представителем данного направления являлся Л.Н. Толстой, который создал целую философскую систему — этику ненасилия [12, с. 23—31, 65—75]. Великий писатель выступал с позиций радикального пацифизма, что отразилось на его оценках правительственных инициатив по разоружению [13, с. 117]. Примером миротворческих взглядов Толстого может служить его статья «Две войны», написанная в августе 1898 г. Используя бинарный принцип, он противопоставлял войну и антивоенное движение, представленное на российской почве «истинными миротворцами» — духоборами. Их движение писатель именовал «другой войной», и, по его мнению, «это <была> новая самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война ...». Использованный им оксюморон «война против войны» лишь усиливал эмоциональный эффект восприятия текста. Толстой резко выступил против парадигмы национального государства как носителя идей подлинного миротворчества. Все государства, считал он, обманывают людей, убеждая их в постоянной опасности со стороны других стран. Создаваемая атмосфера милитаризма и недоверия к соседним народам позволяет правительствам тратить огромные средства на вооружения, а обществу навязывать антигуманную призывную систему. В результате государственный пацифизм превращается в фикцию, политический фантом, призванный демонстрировать внешнее миролюбие при сохранении прежней милитаристской политики. «Государства все уверяют, — утверждал Толстой, — что хотят мира, и вместе с тем все вооружаются друг против друга» [14, с. 97—104].

Очевидно, что «удельный вес» радикально-пацифистского течения в миротворческой мысли России в конце XIX в. был незначительный. Причиной тому был не только идейный нонконформизм его сторонников, но и активная репрессивная политика со стороны правительства [15, с. 115—116]. К последователям данной доктрины, помимо сектантов (штундистов,

молокан, менонитов, духоборов, гернгутеров), относились преимущественно сторонники «толстовства» — В.Г. Чертков, И.М. Трегубов, И.И. Горбунов-Посадов, В.Ф. Булгаков, П.И. Бирюков и др.

Значительно более популярными среди российских миротворцев конца XIX в. были идеи пацифизма. Его сторонники, выступая против социально-экономических и политических последствий милитаризма, допускали существование «справедливых» войн. По их мнению, некоторые военные конфликты носили прогрессивный характер, принося государствам известные экономические выгоды и толкая правительства на проведение необходимых реформ. Например, известный либеральный публицист Л.А. Полонский утверждал, что конфликты между странами — это своеобразные испытания, призванные определить направления будущих реформ, выявить «всякие недостатки», незаметные при мирном течении жизни, но всплывшие при том общественно-политическом напряжении, которое испытывает государство в период военных действий [16, с. 858—861]. Видный общественный деятель, сотрудничавший с либеральным журналом «Русская мысль» В.В. Водовозов отмечал, что при капиталистической форме производства милитаристский курс правительства приносил ощутимую пользу, особенно в период затяжного экономического кризиса. В условиях перепроизводства и снижения и спроса военные заказы обеспечивали промышленности необходимую загрузку, давление на рынок труда снижалось за счет существования призывной системы, а военный бюджет тратился «на производство продуктов, на занятие капитала и труда» [17, с. 70—90].

К числу пацифистов, на наш взгляд, следует отнести ряд известных российских юристов второй половины XIX в. Прежде всего это специалисты по международному праву — В.П. Даневский, И.А. Ивановский, О.О. Эйхельман, П.Е. Казанский, Н.М. Коркунов и пр. Наиболее заметными представителями «умеренного» направления российского миротворчества в конце XIX в. были Ф.Ф. Мартенс и Л.А. Камаровский.

Видный ученый, дипломат Ф.Ф. Мартенс являлся горячим поборником международного умиротворения посредством постепенной правовой регламентации и кодификации [18]. «Наука международного права, — писал он, — должна обратиться к уразумению международной жизни, исследовать законы ее

развития, чтобы затем, соответственно прогрессу жизни, выяснить поступательное развитие международного права и определить, наконец, согласно идее права, тот юридический порядок, который необходим для мирного сожития народов» [19, с. 259]. Мартенс сыграл выдающуюся роль в кодификации международного гуманитарного права в последней трети XIX в. [20]. Он внес значительный вклад в работу Брюссельской конференции с целью определения обязательных законов и обычаев войны (1874 г.) и особенно первой Гаагской мирной конференции (1899 г.) [21; 22].

Убежденным сторонником мирного решения конфликтов и гуманизации военных действий был известный ученый-правовед Л.А. Камаровский. Наряду с Мартенсом он являлся одним из видных деятелей Института международного права, созданного с целью кодификации права войны, содействия мирному разрешению военных конфликтов, распространения идей гуманизма и справедливости в межгосударственных отношениях. По нашему мнению, Камаровский был одним из самых талантливых и энергичных идеологов миротворчества в российской общественной мысли в конце XIX в. Библиография его работ, посвященных различным аспектам проблематики войны и мира, насчитывает многие десятки наименований. Известный юрист и противник войны М.А. Таубе характеризовал его воззрения как «теоретически отвлеченный пассивизм на религиозно-гуманитарной основе» [23, с. 39]. Уже в своей магистерской диссертации Камаровский определял целью международного права — «гармоничное содействие и общение между государствами» [24, с. 107]. Одним из первых в юридической науке он сформулировал теоретические принципы и организационные основы международного третейского разбирательства. Кроме создания третейского суда Камаровский активно ратовал за скорейшую кодификацию гуманитарного права [4]. «Так называемые «законы войны», — писал он, — по существу призваны служить плотинной против злоупотреблений силой, уздой, налагаемой на животные страсти человека, возбужденного крайностями борьбы» [25, с. 191—196]. Активно Л.А. Камаровский выступал и против гонки вооружений, видя в ней одно из самых наглядных проявлений современного ему милитаризма [26].

Воззрения Камаровского о правовом аспекте миротворчества, на наш взгляд, отличались профессиональным подходом, вниманием к юридическим деталям, взвешенностью оценок и

рациональным характером рекомендаций. Очевидно, что маститый правовед исходил из неизбежности вооруженных конфликтов, поэтому не тратил время и внимание читателя на призывы к их немедленному и повсеместному прекращению. Свою задачу он видел прежде всего в разработке правил ведения войны, призванных уменьшить ее разрушительные последствия, а также пропаганде идей международного арбитража.

В конце XIX в. представители российской общественной мысли критиковали милитаризм и с позиций социальной и экономической целесообразности. Здесь следует отметить работы писавшего преимущественно на французском языке Я.А. Новикова, а также М.В. Аничкова, М.А. Энгельгардта, С.М. Жидкова и пр.

Наиболее полно социально-экономическая критика войны представлена в работах известного российско-польского предпринимателя и публициста И.С. Блюха. В 1898 г. он издал 5-томный монументальный труд «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях», переведенный вскоре на все основные европейские языки [27]. Основная идея этого произведения состояла в доказательстве пагубного воздействия войны и гонки вооружений на государственную финансовую систему любой страны. По мнению Блюха, международная политика, основанная на системе «вооруженного мира», «есть самая уродливая, какой когда-либо держались государства. Ее напрасно называют «реальной»; она, напротив, самая фантастическая, самая бесплодная, самая разорительная и пагубная, какую когда-либо создавали злые инстинкты человеческой природы» [28, с. 396]. В качестве первоначальной меры автор предлагал сократить сухопутные и военно-морские силы европейских государств до уровня, существовавшего до австро-прусской войны 1866 г. «Разоружение хотя бы в этих пределах, — утверждал Блюх, — может совершиться только с общего согласия всей Европы и под условием учреждения постоянного международного суда» [28, с. 390].

В 1899 г. по инициативе российского правительства прошла первая Гаагская мирная конференция, на которой обсуждались вопросы разоружения, создания международного третейского суда и кодификации гуманитарного права [29, с. 22]. Ее подготовка и проведение стали мощным стимулом в обсуждении российским обществом проблем войны и мира [18]. В то же время правительственная инициатива стала тем водоразделом, который

четко обозначил различия в подходах к официальному миротворчеству со стороны пацифистов и радикалов-пацифистов.

К примеру, для Л.Н. Толстого предложение о проведении конференции стало всего лишь очередным проявлением лживости и бесстыдства российского правительства, стремившегося с его помощью разрешить свои внутри- и внешнеполитические проблемы. Столь же критически писатель оценивал и возможные результаты конференции, подчеркивая, что господствовавшая политическая философия в принципе не способна была на серьезные сокращения вооружений и военных бюджетов. Единственной практической пользой от мирного форума могло стать лишь избавление от иллюзий при последующих демонстрациях государственного пацифизма. Данному виду миротворчества — контрпродуктивному, фальшивому и циничному — писатель противопоставлял общественные усилия, борьбу за мир отдельных людей и движений [7].

Куда более позитивной была оценка Гаагской мирной конференции со стороны Л.А. Камаровского. Он оценивал ее как закономерное развитие предыдущих попыток России и других великих держав поднять вопрос о разоружении, как последнюю и наиболее важную инициативу такого рода. Достигнутые результаты в организации третейского суда и кодификации права войны Камаровский трактовал как успешные. Даже полная неудача в деле разоружения его не обескуражила. Обсуждение проблемы сокращения вооружений на высшем уровне Камаровский считал достаточным поводом для оптимизма и убеждал читателей (и себя, видимо, тоже), что последующие конференции добьются в борьбе с милитаризмом больших успехов [30].

Таким образом, в конце XIX столетия в общественной мысли России ощутимо присутствовали различные направления миротворчества: от радикального пацифизма, до умеренных призывов к политике «малых дел». Этический максимализм Л.Н. Толстого и его немногочисленных последователей требовал категорического отказа от войны в любом ее проявлении. Куда более многочисленные пацифисты предлагали поэтапную программу всеобщего умиротворения путем кодификации гуманитарного права, создания постоянного третейского суда и постепенного уменьшения вооружений.

Список источников и литературы:

1. Камаровский Л.А. Вопрос о сокращении вооружений // Русская мысль. 1899. № 5. С. 74—86.
2. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. 2-е изд., доп. М., 1951.
3. Шаццло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. — 1914. М., 1992.
4. Николаев Н.Ю. Проблема кодификации международного гуманитарного права в трудах Л. А. Камаровского // История государства и права. 2013. № 17. С. 35—38.
5. Андреева И.С. Вековая мечта человечества // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 13—38.
6. Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. М., 1984.
7. Николаев Н.Ю. Л.Н. Толстой и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. Вып. 2. С. 17—23.
8. Рудницкая Е.Л. Война и мир в транскрипции русской радикальной мысли // Миротворчество в России Церковь, политики, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX—XX столетий. М., 2003. С. 279—302.
9. Морданова А.Р. Теоретическое осмысление пацифизма и пацифизма // Социологические институты: ретроспекция и реальность. Материалы VII межвузовской региональной научной конференции (Омск, 15 ноября 2003 г.). Омск, 2004. С. 36—42.
10. Иникова С.А. История пацифистского движения в секте духоборцев (XVIII—XX вв.) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 122—136.
11. Клиппенштейн Л. Отказ от военной службы по мотивам совести в меннонитских общинах царской России // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 150—171.
12. Козлов Н.С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М., 1985.
13. Ёкота-Мураками, Т. Лев Толстой и пацифизм: со сравнительной и «генеалогической» точки зрения // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. М., 1998. С. 114—121.
14. Толстой Л.Н. «Две войны» // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 31. Произведения 1890—1900. М., 1954. С. 97—104.
15. Брок П. Русские сектанты-пацифисты и военная служба 1874—1914 гг. // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М., 1997. С. 115—121.
16. Внутренне обозрение // Вестник Европы. 1876. № 12. С. 858—881.
17. В.В. (Водовозов В. В.) Militarизм и капитализм // Русская мысль. 1889. № 9. С. 70—90.

18. *Николаев Н.Ю.* Ф. Ф. Мартенс о войне и мире // История государства и права. 2014. № 7. С. 9—12.
19. *Мартенс Ф.Ф.* О задачах современного международного права // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. № 6. С. 251—268.
20. *Стародубцев Г.С.* Вклад Ф.Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах // Советское государство и право. 1988. № 7. С. 107—110.
21. *Заботкин А.С.* Вклад Ф.Ф. Мартенса в выработку текста Брюссельской декларации 1874 г. // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции кафедры международного права. Москва, 20—21 апреля 2007 г. М., 2008. С. 118—122.
22. *Пустогаров В.В.* Первая конференция мира 1899 г. и Ф.Ф. Мартенс // Государство и право. 1999. № 5. С. 110—117.
23. *Таубе М.А.* Граф Л.А. Камаровский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 3. С. 37—47.
24. *Камаровский Л.А.* Начало невмешательства. Рассуждения гр. Л.А. Камаровского. М., 1874.
25. *Камаровский Л.А.* Работа института международного права за последнее пятилетие (1876—1881 гг.) // Русская мысль. 1883. № 6. С. 191—211.
26. *Николаев Н.Ю.* Л.А. Камаровский о проблеме разоружения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2 (24). С. 20—25.
27. *Блиох И.С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях: в 5 т. СПб., 1898.
28. *Блиох И.С.* Общие выводы из сочинения «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». СПб., 1898. Т. 6.
29. *Николаев Н.Ю.* Выработка Россией программы к Гаагской конференции 1899 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Философия. 1999. Вып. 4. С. 22—31.
30. *Камаровский Л.А.* Гаагская мирная конференция. М., 1902.

А. В. Чеботарева (Донецк)

**ПОДГОТОВКА ЛЕКТОРОВ-ПРОПАГАНДИСТОВ ПАРТИЙНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В 1920-е ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы подготовки преподавателей для партийных учебных учреждений Донбасса в 1920–е годы. В частности, показаны формы и методы подбора пропагандистских кадров как в центре, так и на местах, дана характеристика учебных программ.

Ключевые слова: партийное образование, политические учебные заведения, лектор, пропагандистские кадры, Донбасс.

A. V. Chebotareva (Donetsk)

**TRAINING OF LECTURERS-PROPAGANDISTS OF PARTY
EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE 1920S
(BASED ON THE MATERIALS OF DONBASS)**

Abstract: The article analyzes the problems of training teachers for party educational institutions of Donbass in the 1920s. In particular, forms and methods of propagandistic specialists' selection both in the center and at a local level, and the characteristics of educational programs are given.

Keywords: party education, political educational institutions, lecturer, propagandistic specialists, Donbass.

Коммунистическая партия на каждом этапе своего развития определяла формы и методы подготовки партийных кадров с учетом исторических условий и задач, которые предстояло решать. С окончанием Гражданской войны по всей стране осуществлялась масштабная идеологическая образовательная кампания, в ходе которой стала быстро развиваться сеть политических учебных заведений.

Проблема политического просвещения стала предметом изучения многих исследователей [1, 7–11, 14–17]. В то же время мало изученными остаются вопросы практической реализации подготовки лекторов-пропагандистов на региональном уровне. Поэтому целью данной статьи является характеристика процесса подготовки пропагандистских кадров партийно-политических учебных учреждений Донбасса в 1920-е гг.

В начале 1920-х гг. в стране сформировалась трехзвенная система партийного образования — начальные школы политобразования, совпартшколы и марксистские кружки, коммунистические университеты [2, с. 286]. Качество учебной работы зависело от оптимальных форм ее организации и методов преподавания, уровня подготовки преподавательских кадров, которые находились в центре внимания парткомов, местных агитационно-пропагандистских отделов. Формируя преподавательский корпус, парторганизации опирались на указания В.И. Ленина: «во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно составом лекторов. <...> Никакой контроль, никакие программы абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов» [3, с. 189].

Коммунистический университет им. Свердлова (г. Москва) стал первым учебным центром подготовки лекторов-пропагандистов. По его примеру в 1920 г. в Центральной партийной школе при ЦК КП(б)У (г. Харьков) было открыто педагогическое отделение, готовящее лекторов для совпартшкол [4, с. 56]. В 1922 г. была проведена Всероссийская перепись пропагандистов и лекторов. Было зарегистрировано 4163 пропагандиста, из них 446 чел. — по Украинской ССР, при этом только 4% (от общего числа) постоянно занимались пропагандистской деятельностью, остальные вели ее от случая к случаю. В среднем по стране на 5 партийных ячеек приходился один пропагандист [5, с. 159.]. Такое положение дел требовало подготовки большого количества пропагандистов, вооруженных марксистско-ленинской теорией, историческим опытом большевизма и умением донести приобретенные знания до сознания трудящихся масс.

Партия использовала самые разнообразные формы и методы подбора и воспитания пропагандистских кадров. Летом 1922 г. впервые в УССР были организованы лекторские курсы для переподготовки лекторов и групповодов губернских и уездных совпартшкол при Коммунистическом университете им. Артема (г. Харьков). Такие курсы были предназначены для повышения квалификации преподавателей советско-партийных школ, они организовывались во время летних каникул.

Подобные курсы стали работать и на местах. Так, решением Седьмой Всеукраинской партконференции были организованы первые в Донецкой губернии трехмесячные губернские курсы

(г. Таганрог), основная задача которых заключалась в общей теоретической подготовке лекторов и групповодов для Донбасса. Занятия начались в июне 1923 г., слушателями курсов стали 52 человека. Основную группу курсантов составляли групповоды партийных школ — 21 человек, следующую по численности составили курсанты, окончившие губернскую партийную школу в 1923 г. и выделенные в лекторскую группу (14 человек), группа лекторов составила 10 человек, снятые со всякого вида организационной работы — 7 человек. Из общего числа только 31 курсант имел партийно-пропагандистский стаж, остальные готовились к партийно-педагогической работе. Членами партии были 41 человек, 7 человек — кандидаты и 3 — члены КСМ. По уровню грамотности преобладали слушатели с низшим образованием — 71% (37 человек), остальные получили среднее или неоконченное среднее [6, л. 176—81 об].

Учебный план курсов предусматривал изучение естествознания, диалектического материализма, исторического материализма, экономической теории, психологии, педагогики, вопросов методики. Программа была рассчитана на 18 часов аудиторных занятий и 24 часа самостоятельной работы в неделю при 6-часовом рабочем дне [6, л. 1]. В дальнейшем губернские курсы Донбасса стали работать в две сессии: первая — весенние месяцы, вторая — летние месяцы [7, с. 81—85].

Решающая роль при комплектовании лекторского корпуса принадлежала практике выдвижения, которая дала возможность привлечь к пропагандистской деятельности лучших представителей рабочего класса. ЦК РКП(б) принял ряд постановлений, направленных на организацию обучения молодых пропагандистов. Местным парторганизациям было предложено усилить их подготовку и переподготовку через летние курсы, кружки и семинары, путем прикрепления молодых пропагандистов к опытным наставникам. Так, в Циркулярном письме ЦК КП(б)У Донецкому губкому было рекомендовано организовать в губернии курсы по подготовке пропагандистов, рассчитанные на 35—40 человек. Цель курсов — проработка программ сокращенных и нормальных школ политграмоты, вопросов ленинизма и вопросов методики работы в школе политграмоты [8, л. 18.]. При наборе преимущественно привлекались рабочие, имеющие партийный стаж, активно участвующие в гражданской войне, знающие рабочую жизнь и быт и имеющие политическую подготовку.

Благодаря выдвижению удалось подобрать большую армию идеологических работников нового типа, которые были связаны с рабочими массами, знали их настроения и потребности. Однако, рабочие-пропагандисты имели низкий общеобразовательный и идейно-политический уровень. Им надо было постоянно учиться, поэтому важной и необходимой формой подъема пропагандистского мастерства стали краткосрочные курсы.

Курсы такого типа организовывались в губернских и окружных центрах. Во главе курсов стоял квалифицированный, авторитетный партийный работник, в работе курсов принимали участие руководящие работники Губкома и Окружкома. В состав слушателей зачислялись рабочие, имеющие опыт руководства школой политграмоты разного типа, а также стаж агитаторской и пропагандистской работы. По состоянию на июль 1923 г. действовали 4 секции: нормальной школы, краткосрочной школы и деревенской школы политграмоты, а также кружки ленинизма политического типа. Учебный план курсов был рассчитан на 192 часа (24 дня по 8 часов), на аудиторные занятия отводилось 73 часа, остальное время — на самостоятельную работу. Программа состояла из двух блоков: общие занятия (вопросы истории РКП, основные проблемы ленинизма-материализма по пропаганде, методика учебной работы со взрослыми рабочими и крестьянами), секционные занятия (проработка программ секций, ознакомление с литературой, изучение наглядных пособий, проведение пробных уроков) [9, л. 57—59].

Краткосрочные курсы как одна из активных форм повышения квалификации пропагандистов себя оправдала. Слушатели хорошо усвоили навыки самостоятельной работы с книгой, научились составлять конспекты.

Местные партийные организации систематически занимались вопросами обеспечения партийных учебных заведений преподавательскими кадрами. Согласно постановлению секретариата Донецкого Губкома от 27 мая 1924 г. в г. Таганроге были организованы губернские курсы по подготовке и переподготовке пропагандистов. Занятия начались 1 июля 1924 г., курсы по подготовке были рассчитаны на 60 человек и проходили 2,5 месяца, по переподготовке — на 40 человек и длились 2 месяца [9, л. 15]. Большое внимание на курсах уделялось содержанию учебного процесса. Учебный план был рассчитан на 192 часа, из которых 50% отводилось на аудиторные занятия, а остальные — на самостоятельную подготовку. Слушатели курсов углубленно изучали марксистско-ленинскую тео-

рию, историю РКП(б) и Коминтерна, экономическую политику, вопросы партийного и советского строительства. Учебным планом предполагалось вооружить пропагандистов методикой партийной пропаганды. Для этого было выделено 36 часов семинарских занятий, на которых слушатели изучали методы и формы преподавания марксистско-ленинской теории [9, л. 16]. Практиковалось проведение пробных и показательных занятий.

Создание широкой сети постоянно действующих курсов и семинаров дало возможность партийным организациям за короткий срок осуществить массовую переподготовку пропагандистских кадров. Только в течение лета 1925 г. в УССР было подготовлено и переподготовлено 1581 пропагандист из рабочих [10, с. 84].

ЦК партии проявлял постоянную заботу о подготовке педагогических кадров для советско-партийных школ. Для этого предлагалось использовать краткосрочные курсы при коммунистических вузах. Предварительный отбор кандидатов на учебу в партийные учебные заведения осуществлялся специальными комиссиями организационных отделов исполкомов, согласно заранее утвержденной разверстке. Так, Сталинскому Окружкому в 1925 г. было предоставлено 66 мест в Коммунистический университет им. Артема (г. Харьков), в Украинский институт марксизма — 5 мест [11, л. 56], в Коммунистическом университете им. Свердлова — 6 мест. По разнарядке в Коммунистический Университет Труда Востока им. т. Сталина для Донбасса было выделено 6 мест [11, л. 72].

В партийных организациях Донбасса положительно зарекомендовали себя инструктивные доклады и научно-теоретические конференции для пропагандистов, которые систематически проходили при партийных и дискуссионных клубах. Их главной задачей было оказание теоретической и методической помощи пропагандистам во время подготовки к очередному занятию. На инструктивных сборах пропагандисты получали информацию по актуальным проблемам международного положения, социально-экономического развития страны, вопросам партийного и советского строительства, деятельности местных партийных организаций. Такие меры были действенной формой подъема идейно-теоретического уровня пропагандистов.

Большую роль в воспитании и распространении передового опыта пропагандистской деятельности сыграла партийная пресса. Статьи о проблемах марксистско-ленинского образования коммунистов, передовом пропагандистском опыте лучших руководителей

политшкол и кружков печатались на страницах республиканской газеты «Правда», журналов «Большевик», «Коммунистическая революция», «Памятка агитатора» и др. Например, газета «Правда» вела постоянную рубрику «Уголок пропагандиста», где освещалась работа партийных организаций по руководству партийной системой образования, подбору и воспитанию пропагандистских кадров. На страницах регионального политического журнала «Спутник Донецкого пропагандиста» печатались теоретические статьи, посвященные актуальным проблемам ленинизма, программы и планы работы кружков, обобщался лучший опыт пропагандистской работы [7].

Таким образом, наметившиеся достижения в деле подготовки лекторов-пропагандистов партийных учебных заведений Донбасса, не означали полного решения проблемы, нехватку преподавателей еще в значительной мере испытывали советско-партийные школы, краткосрочные курсы.

Список источников и литературы:

1. *Боженко Л.И.* Подготовка кадров для культурно-просветительной работы в Сибири в восстановительный период (1921—1925 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 143—156.
2. *Гурьев А.И.* Как закалялся агитпроп. М., 2011.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1970. Т. 47.
4. *Черненко А.М.* Подготовка кадров в партийных учебных заведениях УССР (1921-1925 гг.) // Украинский исторический журнал. 1988. №9. С. 50—60.
5. Очерки истории идеологической деятельности КПСС. Октябрь 1917—1937 гг. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / под ред. Л.Ф. Морозова и др. М., 1985.
6. Государственный архив ДНР (далее — ГА ДНР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1780.
7. Спутник Донецкого пропагандиста. Орган Донецкой губпаркома. 1923. №7.
8. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 101.
9. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2186.
10. *Ярош Д.В.* Подготовка пропагандистских кадров из рабочих в республике (1921—1925 гг.) // Украинский исторический журнал. 1988. №6. С. 77—85.
11. ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2378.

В. Н. Данилов (Саратов)

**ВЗГЛЯД НА ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ
ШКОЛЬНОГО КУРСА ИСТОРИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ
СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКОВ В 1930-е ГОДЫ**

Аннотация: В середине 1930-х гг. в связи с восстановлением преподавания гражданской истории в советской школе возникла необходимость обращения к дореволюционному и зарубежному опыту. В статье анализируются публикации того времени, в которых рассматривались состояние исторического образования и учебная литература по истории в ряде стран Европы и США. В них отмечались методические достоинства зарубежных учебников, с классовых позиций критиковался их идейно-концептуальный подход. Особое беспокойство вызывало внедрение нацистской идеологии в школьные курсы по истории в Германии.

Ключевые слова: историческое образование, школа, учебники, зарубежный опыт, методика, классовый подход.

V. N. Danilov (Saratov)

**LOOKING AT THE FOREIGN EXPERIENCE OF TEACHING
A SCHOOL COURSE OF HISTORY DURING THE PREPARATION
OF SOVIET TEXTBOOKS IN THE 1930S**

Abstract: In the mid-1930s, in connection with the restoration of the civil history teaching in Soviet school, it became necessary to refer to pre-revolutionary and foreign experience. The article analyzes the publications of that time, which considered the state of historical education and educational literature on history in a number of countries in Europe and the United States. They noted the methodological advantages of foreign textbooks and, using class positions, criticized their ideological and conceptual approach. Of particular concern was the introduction of Nazi ideology into school history courses in Germany.

Keywords: historical education, school, textbooks, foreign experience, methodology, class approach.

Изучение опыта обучения истории в различных странах мира в последние десятилетия стало заметной проблемой в отечественной научной историографии и историко-педагогической литературе. В публикациях анализируется как идейно-концептуальная сторона школьных курсов по истории, так и системно-методические вопросы преподавания данной дисциплины за рубежом. Наряду с про-

стым любопытством во многом интерес к этому был обусловлен происходившими изменениями в школьном историческом образовании в России, начиная с конца 1980-х гг. Знакомство с популярной книгой французского историка Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах», впервые изданной в нашей стране в 1992 г., послужило дополнительным импульсом для научного анализа проблемы. Вместе с теми ранее в советское время в той или иной степени обращали внимание на постановку исторического образования за рубежом, в первую очередь, когда возникала потребность в его обновлении у себя в стране.

Пожалуй, в наибольшей степени прагматизм в анализе зарубежного опыта преподавания школьного курса истории проявился в середине 1930-х гг., когда формировалась новая система исторического образования в СССР. Ключевое значение в этом процессе имел вопрос о создании стабильных школьных учебников по отечественной и всеобщей истории.

Подробное изложение принятия и реализация партийных решений по школьному историческому образованию, ход подготовки, рецензирования и редактирования учебников по истории с участием партийно-государственных деятелей содержится в многочисленных современных документальных публикациях и специальных исследованиях таких историков, как А.И. Вдовин, А.М. Дубровский, А.Н. Артизов, Д.Л. Бранденбергер, О.В. Гришаев и др. Нами также ранее затрагивалась данная проблема, в частности, вопрос о преемственности и степени влияния дореволюционных учебников на форму и содержание первых советских стабильных учебников по отечественной истории [1, с. 89—95]. В настоящей статье постараемся рассмотреть сюжет об освещении состояния школьного исторического образования в ведущих странах мира в советской исторической и педагогической литературе середины 1930-х гг.

Сложность написания стабильных учебников по истории в тот период обуславливалась, с одной стороны, отсутствием разработанной исторической концепции, приемлемой в условиях нового советского политического курса и идеологического поворота. С другой стороны, за 15 лет советской власти была утеряна в ее классической форме сама традиция написания учебников по истории. Изданная в первые годы после революции книга М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» хотя и использовалась в качестве пособия, но таковым не являлось по сути, а преследовала цель политического самообразования, обосновывая марксистскую

схему русской истории. Выходившие же в 1920-е гг. пособия по различным историческим курсам (история общественных форм, история классово́й борьбы и т.п.) по своему стилю, как метко выразился А.В. Луначарский, представляли собой «опилки с вазелином» [2, с. 169]. Они были перегружены трудно усваиваемыми социологическими выкладками, которые иллюстрировались произвольно подобранными, вне всякой хронологической последовательности фактами из всеобщей и отечественной истории. В конечном итоге подобный подход привел к замене традиционных учебных пособий так называемыми рассыпными учебниками и рабочими книгами. И это также было одной из причин задержки выхода советских учебников по истории нового типа.

На совещаниях с историками весной 1934 г. И.В. Сталин подверг резкой критике учебники по отечественной и всеобщей истории (Н.М. Никольского — история древнего мира, А.И. Гуковского и О.В. Трахтенберга — эпоха феодализма, Н.Н. Ванага — история СССР), которые после выхода постановления ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. были спешно написаны и претендовали на статус «стабильных». Эти учебники страдали содержательным схематизмом, корнями уходящим в школьное обществоведение 1920-х гг., и методической невнятиостью, поскольку не содержали совокупности фактов, органически связанных между собой.

После этой, пока еще мягкой, критики (окрик последует в январе 1936 г.) установка со стороны Наркомпроса для авторских коллективов звучала так: составители новых учебников по истории должны изучить не только все отечественные старые учебники, но и современные европейские для того, чтобы усвоить самое лучшее и применять это в своей работе [3, с. 202]. Важным было и решение о возврате к традиционному делению истории на древнюю, среднюю и новую.

В отличие от советской России, где преподавание истории было заменено обществоведением, в ведущих европейских странах после Первой мировой войны, наоборот, в школах произошло увеличение объемов исторических курсов и придание им большей системности. Вместе с тем, в Германии, Франции и Англии постепенно происходит усиление правительственного контроля за программами и учебными пособиями по истории. Проводившаяся в конце 1920-х гг. реформа школьного исторического образования в этих странах нацеливала на поворот к приоритетности национального освещения прошлого. В частности, во Франции вводились единые

курсы всемирной истории по эпохам (древняя, средневековая, новая история), но в центре всех разделов была французская история: от древней Галлии до Третьей республики. В Германии в 1920-е гг. большую популярность приобрела система Петерса, суть которой состояла в том, что изучающий историю должен постичь, прежде всего, «немецкую душу» в трех ее проявлениях: государственная жизнь, хозяйственная и социальная жизнь, духовная жизнь. Это так называемое «германоведческое течение» в методике преподавания истории стало одной из предварительных форм массовой пропаганды, взятых на вооружение нацистской партией.

Тенденции на усиление роли истории в государственной политике и образовательной системе, ее содержательная трансформация нашли в то время отражение и в работе ученых-историков. На VI Международном конгрессе исторических наук, состоявшемся в 1928 г. в Осло, впервые была организована секция по преподаванию истории, в работе которой советские историки пока не принимали участия. Но уже в методической секции следующего конгресса в Варшаве в 1933 г. и на специальной конференции по преподаванию истории в Базеле в июне 1934 г. советские историки проявили большую активность, что явилось показателем втягивания их в процесс перестройки исторического образования в своей стране.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся при обсуждении вопросов преподавания истории на международных исторических конгрессах, академик Н.М. Лукин отмечал, «что в этой секции уже в течение нескольких лет борются между собой два течения: одно — либерально-пацифистское, представленное главным образом французами, отчасти бельгийцами, пытающееся все время решить своего рода квадратуру круга: примирить элементы "сотрудничества народов" с элементами национальными, которыми они тоже не хотят пожертвовать; и другое — ярко националистическое, фашистское — это итальянцы, а теперь и немцы. Последняя группировка открыто объявляет непримиримую борьбу всякого рода интернационализму»[4, с. 125].

Действительно, с приходом в январе 1933 г. Гитлера к власти в Германии начинает разворачиваться коренная реорганизация исторического образования в соответствии с идеологией нацистской партии. Проводить реорганизацию было поручено министру внутренних дел и полиции Фрику. Летом 1933 г. в специальной директиве им было заявлено, что в основе преподавания и учебников истории должны лежать следующие положения:

- идея расы и крови. Мир должен быть представлен как творение германской нации с самых древнейших времен;
- идея народа и территории (должна быть история не государства, а всех немцев, независимо от страны проживания);
- идея меча и героизма (т. е. войны);
- идея вождя, заключающаяся в пропаганде и возвеличивании сильных лидеров в истории германской нации, прежде всего, Армина, Теодориха, Генриха фон Левина, Бисмарка и, конечно, Гитлера);
- идея борьбы с интернационализмом (коммунизмом) [5, с. 64].

Новые учебники, изготовленные в соответствии с этими указаниями, поступили в немецкие школы уже в 1935/36 учебном году. На их написание наложили отпечаток следующие черты «фашистского» образа истории: 1) основные идеи школьной истории вытекают из книги А. Гитлера «Моя борьба»; 2) понимание истории как служанки фашистской идеологии, в соответствии с которым все противоречащее официальной идеологии должно быть выкинуто из школьного курса; 3) задача истории состоит в критическом рассмотрении прошлого не для того, чтобы учить массы постановке целей (на это существуют фашистские вожди), а для того, чтобы научить массы понимать и верить политике; 4) изучение истории не должно отвечать текущим запросам дня, оно должно преследовать политику дальнего прицела; 5) изучение истории — приготовительный класс для политики, но история ниже политики, она должна подчиняться интересам политики.

Германский фашизм в середине 1930-х гг. предстает в числе самых ярых «внешних» врагов в советской пропаганде и исторической литературе. Так, в статье секретаря парткома Института истории красной профессуры И.А. Кудрявцева (1936 г.) с символическим названием «На историческом фронте» встречаем такую установку: «историки-большевики призваны бороться против всякого вида фальсификации истории, среди которых самыми изощренными фальсификаторами являются фашистские историки. Если наши историки не противопоставят фашистским историкам историческую правду, а только ненаучные схемы, то они окажутся совершенно бессильны в борьбе с ними» [6, с. 135]. Разоблачению искажений событий прошлого в историографии нацистской Германии были посвящены десятки публикаций в советских журналах и газетах. Видные историки выступали с докладами на научных сессиях и конференциях. Среди них внимание советской и иностранной, как

тогда говорили, прогрессивной общественности привлек доклад академика Е.В. Тарле, прочитанный в апреле 1939 г. на научной сессии, посвященной 120-летию Ленинградского университета. Институт истории Академии наук СССР подготовил и издал в том же году сборник статей «Против фашистской фальсификации истории». Но в дальнейшем в связи с поиском СССР новых геополитических приоритетов, а, возможно, в связи с боязнью аналогий фашизма со сталинизмом со страниц журналов и газет практически исчезают не только публикации, посвященные историческому образованию в Германии периода фашистской диктатуры, но и статьи, связанные с настоящим и прошлым немецкого государства.

То, с каким рвением в гитлеровской Германии стали перестраивать школьное историческое образование в расистском и воинственном духе, безусловно, не могло не насторожить советское руководство. Наряду с общей агрессивной антикоммунистической риторикой и конкретными шагами в политической, военной и военно-экономической области, которые демонстрировало нацистское правительство уже в первые годы своего правления, это стало одним из основных мотивов, побудивших И.В. Сталина с 1934 г. вплотную заняться восстановлением и формированием новой системы исторического образования в СССР.

После выхода известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в советских журналах «Борьба классов», созданном в 1931 г. Обществом историков-марксистов для популяризации истории, и новом журнале «История в средней школе», который стал издаваться с 1934 г., появилась целая серия публикаций с анализом дореволюционных учебников по русской и всеобщей истории, а также с изложением опыта подготовки учебных пособий в Германии, Франции и США. При этом постоянно подчеркивалось, что школьные исторические учебники современных капиталистических стран стали распространителями и орудием классовой пропаганды буржуазии в деле воспитания зоологического национализма, шовинизма, апологии капитализма и собственности, ненависти к коммунизму и революции. Однако, как подчеркивалось в редакционной статье апрельского номера журнала «Борьба классов» за 1934 г., «кое-чему мы можем поучиться у наших врагов. Прежде всего, наши педагоги и авторы учебников должны обратить внимание на технику и методику подачи исторического материала в буржуазных школах и учебниках. Прекрасное оформление, живой, до-

ступный, красочно-конкретный язык школьных учебников буржуазии, ее умение поднести нужные ей факты в соответствующем освещении — все это должно быть нами тщательно изучено и с учетом наших условий заимствовано и переработано» [7, с. 3—4].

В качестве технико-методических достоинств немецких учебников по истории периода Веймарской республиками советскими историками и методистами отмечалось следующее: учет в них возрастных особенностей учащихся; высокий уровень полиграфического исполнения, лингвистическое разнообразие и стилистическая стройность, преподнесение необходимых сведений в эмоционально окрашенном освещении; широкое привлечение материала по политической истории и истории искусства, что отличало их от советских учебников, где в основном показывалось хозяйственное развитие; наличие книг для чтения и ученических тетрадей как дополнение к учебнику [8, с. 77—83].

Французские учебники высоко оценивались не только за то, что они были богато иллюстрированы и в них много карт, синхронистических таблиц, терминологических словарей, но и за наличие единой методической установки. Главы в учебниках начинались с введений, призванных вызвать заинтересованность ознакомления с материалом, а заканчивались небольшой сводкой основных событий темы. В целом же учебники завершались обширной памяткой, неким конспектом всех разделов, своеобразной шпаргалкой, необходимой для подготовки к экзамену [9, с. 84—91].

Известный историк-марксист и член авторского коллектива по написанию будущего учебника по новой истории зарубежных стран Ц.С. Фридлянд в своей статье отметил как достойное внимания в качестве положительного образца школьное методическое пособие, изданное в 1930 г. департаментом просвещения США. В пособии вслед за планом урока следовал вопросник не формального характера, а педагогический, глубоко продуманный. Рассказывая, скажем, о возникновении штата Нью-Йорка и об экспедиции Генри Гудзона начала XVII в., вопросник предлагал школьнику представить себе, что он участник этой экспедиции. На основании пройденного материала школьник должен был рассказать, что он пережил за время своей героической экспедиции [10, с. 20].

Реформа исторического образования в СССР в 1930-е гг. воспринималась советскими историками как событие мирового значения, призванное повлиять на мировоззрение трудящихся классов за рубежом. В этом отношении примечательна фраза из уже упо-

минавшейся редакционной статьи журнала «Борьба классов» за 1934 г., который был полностью посвящен вопросу подготовки новых учебников по истории для школы. Она звучала так: «В свете подобных установок буржуазного исторического образования [имеется в виду антикоммунизм, апология капитализма и шовинизм — В.Д.] указания товарища Сталина о принципах и методах исторического образования в СССР на новом этапе приобретают международное значение. Антиисторизму и ненаучности исторического образования там мы противопоставляем глубоко научное и подлинно историческое образование в нашей советской школе» [7, с. 3].

Поэтому в содержательном, концептуальном плане советские историки в то время мыслили противопоставить «буржуазным» зарубежным учебникам по истории положения и соответственно подобранные факты, базируясь на марксистско-ленинской методологии, стержнем которой является учение о классовой борьбе как двигателе истории. На VII Международном конгрессе исторических наук А.М. Панкратова, будущий редактор и автор учебника-долгожителя по истории СССР для средней школы, после того как один из присутствовавших на секции по преподаванию истории поставил «наивно» вопрос: что же нам говорить детям, школьникам, если «в Варшаве одна правда, а в Берлине — другая», заявила, что «настоящая правда есть только правда классовой борьбы, правда пролетариата». Приводя этот эпизод работы конгресса, Н.М. Лукин в своем обзоре пишет далее: «Это была своего рода бомба, которая разорвалась в этой секции. Правда, к ее словам очень прислушивалась та молодежь, которая наводняла эту секцию, ибо поляки мобилизовали для работы на конгрессе вообще, а в секции по преподаванию истории в особенности все свои не только научные кадры в узком смысле этого слова, но и широкие массы учительства, в особенности учителей средней школы. Вот эта учительская публика с большим вниманием прислушивалась к этой дискуссии. Но, буржуазные конгрессисты, конечно, возражали Панкратовой, что нельзя стравлять сердца детей классовой борьбой, нельзя воспитывать душу ребенка в духе ненависти. Разумеется, они не столковались» [4, с. 125].

Исторический материал, изучавшийся в зарубежных школах, анализировался советскими историками в то время почти исключительно под углом борьбы классов и классовых интересов. Так, известный историк-античник А.В. Мишулин в статье «Древняя история в средней и высшей школе» (1934 г.), описывая смену приори-

ритетов в учебных курсах по древней истории и указывая на историков, которые олицетворяли эту смену, заключал: «Древний Рим эпохи Цезаря оказался для Моммзена таким же удачным материалом для обоснования буржуазной политики Германии, каким для Грота в защите фритредерства являлось "афинская демократия"» [11, с. 12]. Сообразуясь с интересами буржуазии, писал он далее, ни в одном учебнике не приводятся «факты и документы о восстании рабов и крестьян в Египте и Ассирии, материал о революции рабов в древней Греции (на о. Коркире, Самосе, Хиосе и т.д.) или в древнем Риме (Сицилийские восстания, восстания Аристоника, Спартакка и т.д.)» [11, с. 15]. А. Иоанисиани, рассказывая о системе преподавания истории во Франции, отмечал, что вся она построена на единой концепции буржуазного национализма, который оправдывает смысл изучения прошлого. «Все, что противоречит этому принципу, тщательно изгоняется из преподавания. Никаких "социально опасных" проблем преподавание не затрагивает. Все течет спокойно и величаво. Великие люди пекутся о благе страны. Прошлое открывает страницы блестящей славы французского гения... Рабочий класс, крестьянство, трудящиеся не показаны в буржуазной школьной истории. Экономика страны, как правило, игнорируется в преподавании. Зато огромное количество места отводится войнам» [9, с. 86]. Отвергнуты были как ненаучные и не соответствующие революционному марксизму концепции западных либеральных историков, положенные в основу построения курсов новой истории в ведущих европейских странах, при обсуждении и подготовке «стабильного» учебника истории нового времени авторским коллективом в составе Н.М. Лукина, В.М. Далина, Г.С. Зайделя и Ц.С. Фридлянда [12, с. 87—107].

Сформировавшееся в послереволюционное время догматическое представление о роли классовой борьбы и пролетариата в прошлом зачастую переносилось советскими историками и на современную общественную практику. Исходя из подобного представления, оценивалась ими, в частности, возможность эффективного осуществления нацистами реформы школьного исторического образования. Статья А. Соколовой «О преподавании истории в фашистской Германии» 1934 г. заканчивалась таким характерным для того времени пассажем: «Революционный рабочий класс Германии не идет на фашистскую удочку. Сопротивление рабочих наступлению капитала становится все более и более ощутимым. Германским фашистам приходится приспособливаться к этому рас-

тущему сопротивлению рабочих. Солидарность в борьбе против капитала и его прислужников, за СССР, за коммунистическое преобразование общества никогда не умрет в сердцах германских пролетариев... Никакая фальсификация истории, никакое искажение фактов, никакая ложь и клевета не спасут кровавый фашистский режим от суда масс» [5, с. 76]. Как известно, не внутреннее сопротивление немецкого рабочего класса и пролетарская солидарность привели к краху фашистского режима, а военный разгром Германии армиями стран антигитлеровской коалиции. И осужден он был не только за преступления по отношению к своему народу, но главным образом за кровавые злодеяния, которые были совершены в других странах во время Второй мировой войны.

Если в оценке содержания преподавания истории за рубежом доминировала исключительно классовая линия, то относительно освещения отечественной истории в 1930-е гг. возобладал более сложный подход. В новое понимание предмета истории страны входил в том числе традиционный для дореволюционной школы государственно-патриотический характер освещения отечественного прошлого, что было по своей сути обозначено в выступлении И.В. Сталина на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1934 г., когда впервые на высшем партийно-государственном уровне обсуждался вопрос об историческом образовании. Смысл выступления Сталина заключался в том, что нужна картина исторического прошлого («русской истории») — с государственными деятелями, историческими личностями, политической историей. Должна была измениться оценка деятельности монархов (и, вероятно, не только монархов), освещение событий политической истории («как происходили события, как делалась политика»). Однако «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова (август 1934 г.) (указания на «аннексионистско-колонизаторскую роль русского царизма», «контрреволюционную роль во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше») демонстрировали, что власть, отвергнув национально-нигилистический подход, не намерена отказываться и от классового подхода в освещении отечественной истории. Поэтому потребовалось несколько лет для окончательного оформления официальной концепции. Ясные очертания она стала приобретать после января 1936 г., когда в партийном документе (постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках по истории») резко осуждались «ошибки» главы советских историков в прошлом

М.Н. Покровского, которому были присущи «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку» [13, с. 20]. Завершило этот процесс редактирование И.В. Сталиным и А.А. Ждановым «Краткого курса истории СССР», а затем выход учебника «История СССР» для средней школы под редакцией А.М. Панкратовой, тексты которых показали возможность синтеза, по выражению историка-эмигранта Г.П. Федотова, «старого марксизма, материализма 60-х годов с национализмом новых государственников» [14, с. 155]. Безусловно, эти учебники, ставшие образцовыми для учебной литературы по истории, не могли не оказывать влияние на отношение советских историков и методистов к зарубежной практике преподавания истории в 1930-е гг. и в последующее два десятилетия.

Список источников и литературы:

1. *Данилов В.Н.* Иловайский и/или Платонов: сюжет из истории создания советских учебников по истории в 1930-е гг. // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования: сущность, концепции, перспективы. Материалы VII Международной конференции, 15 апреля 2019 г. Саратов, 2019. С. 89—95.
2. *Нечкина М.В.* Учебная литература по истории классовой борьбы // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 160—171.
3. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск, 2005.
4. *Лукин Н.* VII Международный исторический конгресс в Варшаве // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 118—129.
5. *Соколова А.* О преподавании истории в фашистской Германии // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 63—76.
6. *Кудрявцев И.* На историческом фронте // Борьба классов. 1936. № 3. С. 131—139.
7. Историческое образование на новом этапе // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 1—4.
8. *Бернадский В.* О «германоведческом» течении в методике истории // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 77—83.
9. *Иоанисиани Ал.* История в школах Франции // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 84—91.
10. *Фридлянд Ц.* Об учебнике новой и новейшей истории // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 16—20.
11. *Мишулин А.В.* Древняя история в средней и высшей школе // Борьба классов. 1934. № 5—6. С. 9—15.
12. О работе над учебником по новой истории для средней школы // Историк-марксист. 1935. № 4. С. 87—107.
13. К изучению истории. Сборник. М., 1946.
14. *Федотов Г.П.* Александр Невский и Карл Маркс // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 154—156.

С. П. Рамазанов (Волжский)
Е. С. Кирсанова (Северск)

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ЕЕ ЛИДЕРЫ

Аннотация: В статье рассматривается зарождение и эволюция Томской историографической школы. Выделяются ее лидеры. Акцентируется преемственность и обновление проблематики в развитии школы. Подчеркивается роль ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (1963—2007) и методологических семинаров как важных факторов развития научной школы, ее особенности, вклад в развитие советской историографической науки. Наибольшее внимание уделяется творчеству Б.Г. Могильницкого.

Ключевые слова: научная школа, университет, лидер, историография, методология истории, методологический семинар, научный руководитель, эволюция.

S. P. Ramazanov (Volzhsky)
E. S. Kirsanova (Seversk)

HISTORIOGRAPHIC SCHOOL AT TOMSK UNIVERSITY AND ITS LEADERS

Abstract: The article considers the origin and evolution of the Tomsk historiographic school. Its leaders are defined. The continuity and problems updating in the school development are emphasized. The role of the annual “Methodological and historiographic questions of historical science” (1963—2007) and methodological seminars as important factors in the development of a scientific school, its features, and its contribution to the development of Soviet historiographic science are emphasized. Most attention is paid to the work of B.G. Mogilnitsky.

Keywords: scientific school, university, leader, historiography, methodology of history, methodological seminar, scientific adviser, evolution.

Томская историографическая или историко-методологическая школа, просуществовавшая более 50 лет, стала своеобразным и важнейшим явлением в истории советской, а затем и российской исторической науки [1; 2; 3]. Вместе с тем, история самой этой школы демонстрирует неразрывную связь ее существования и функционирования с Томским университетом и олицетворяющими ее лидерами.

Основоположником историографической школы стал крупный историк и выдающийся организатор Александр Иванович Данилов [4]. Будучи ректором Томского университета и заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, в начале 1960-х гг. он основал первый в СССР по своей направленности ежегодник под названием «Методологические и историографические вопросы исторической науки», который был важным фактором развития историографической школы.

В Томском университете ученый стал читать специальные курсы по методологии истории, историографии всеобщей истории, которые не были предусмотрены утвержденной Министерством программой подготовки специалистов-историков. А.И. Данилов организовал методологический семинар историко-филологического факультета Томского университета, на котором обсуждались доклады, будущие статьи и монографии ведущих преподавателей. Определенность и твердость марксистских позиций сочетались у него с убежденностью в необходимости разработки методологии истории, что способствовало преодолению догматов марксистско-ленинского учения [5].

После назначения в 1967 г. А.И. Данилова министром Просвещения РСФСР и переезда его в Москву фактическим лидером школы стал занявший место заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Томского университета Борис Георгиевич Могильницкий. Подготовленные Даниловым ученики, доктора исторических наук В.В. Иванов, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов оказались в Москве, Горьком, Казани, создали ряд интересных монографий, подготовили своих учеников, но вряд ли можно говорить о том, что они стали продолжателями историографической школы. Б.Г. Могильницкий продолжил начинания своего учителя в Томском университете. Выходили ежегодники «Методологические и историографические вопросы исторической науки», систематически и активно проходили методологические семинары. С 1968 г. регулярно начали проводиться конференции по методологии истории, историографии и источниковедению, объединившие преподавателей и аспирантов всех исторических кафедр.

В 1969 г. Б.Г. Могильницкий издал монографию «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX — начала 900-х гг.», основой которой стала его докторская диссертация, защищенная в 1967 г. Именно эта работа ответила на вопрос, кто из плеяды одареннейших учеников

А.И. Данилова может считаться первым среди равных. Она засвидетельствовала приход в отечественную историографию ученого, который способен не только воплощать методологические принципы, выдвинутые и реализованные в эталонном исследовании научной историографической школы А.И. Данилова, его монографии «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX вв.», но и двигаться вперед, создавая в рамках этой школы новые парадигмальные образцы историографической работы. Ее достоинства отмечались многими известными историками, включая Е.В. Гутнову [6]. Отметим главное, что и сегодня позволяет считать ее образцом концептуального историографического исследования.

Впечатляет круг исследуемых историков и их произведений. Помимо Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина и И.Д. Лучицкого, чье творчество освещалось в работах Б.Г. Могильницкого в 50-х — начале 60-х гг., в монографии анализируются взгляды М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера и В.К. Пискорского, которые объединены в единое «социально-экономическое направление».

Монография разительно отличалась от большинства историографических работ того времени глубоким знанием ее автором философских и методологических концепций, лежавших в основе исторических взглядов рассматриваемых историков. Это позволило Б.Г. Могильницкому вести «на равных» разговор с «героями» своего исследования, не прибегая к трафаретным ярлыкам в оценке их методологической позиции, которые во многих историографических работах были следствием смутных представлений исследователей о немарксистской философской мысли, да и о философии самого марксизма.

Монография Б.Г. Могильницкого была, пожалуй, первой в отечественной науке сознательной попыткой соединения трех основных подходов в объяснении развития исторической мысли: структурного, генетического и функционального. Рассматривая историческое мировоззрение историков, Б.Г. Могильницкий показывает взаимосвязь и взаимообусловленность философских, политических, методологических и конкретно-исторических элементов в его структуре, отмечая при этом относительную независимость каждого из них. Генетический подход реализуется путем демонстрации преемственности каждого этапа эволюции социально-экономического направления идеям предшествующего. Функциональный метод

позволил ему выявить влияние исторических выводов историков на духовную и политическую атмосферу России и в первую очередь на леволиберальную идеологию. Последний момент особенно достоин быть отмеченным, поскольку укоренившийся в историографии того времени подход делал акцент на влиянии идеологии на историков, а не историков на идеологию.

Монография Б.Г. Могильницкого чрезвычайно богата историографическими выводами концептуального характера: об этапах развития русской либеральной медиевистики; о несовпадении хронологических рамок методологического кризиса в западной и русской историографии; о характере влияния позитивизма и марксизма на методологию русских историков; о влиянии спора о русской общине на научную проблематику работ русских историков; о научной ценности трудов русских историков, посвященных исследованию европейского феодализма; их влиянии на западно-европейскую медиевистику и др. [7]. Впоследствии с этими выводами одни исследователи будут соглашаться или не соглашаться, но после выхода монографии эти выводы стали историографическими фактами, свидетельствовавшими о формировании нового, более глубокого понимания процесса развития исторической науки в XIX в. в отечественной историографии 1970—80-х гг.

С начала 1970-х гг. специалисты заговорили о Томской историографической школе. Пожалуй, впервые это понятие, по утверждению Б.Г. Могильницкого, сформулировал и обосновал в своей аналитической статье «Работы томских историков в области методологии истории и историографии» видный польский методолог А. Ф. Грабский в 1972 г. [4, с. 221].

Б.Г. Могильницкий расширил проблематику историографической школы через диссертации своих учеников и разнообразие собственных исследований. Определенными вехами стали выход монографии о западной психоистории [8], интерес к зарубежным новациям в исторической мысли. На спецсеминарах, студенческих научных конференциях ученый поощрял творческие поиски студентов [9]. При этом он всегда подчеркивал, что школа является школой Данилова, в крайнем случае, соглашаясь на обозначение историографической школы как «школы Данилова — Могильницкого».

Таким образом, с деятельностью Б.Г. Могильницкого связан подлинный расцвет Томской историографической школы. После кончины А.И. Данилова Б.Г. Могильницкий начал искать своего

преемника. Он перебрал кандидатуры нескольких своих учеников. Но некоторые из них ушли из науки и занялись бизнесом, другие уехали из Томска, третьи не подходили по деловым качествам. Наконец, на рубеже 1990-х — 2000-х гг. он окончательно остановил свой выбор на Ирине Юрьевне Николаевой. После своего 80-летия Борис Георгиевич ушел с должности заведующего кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории.

И.Ю. Николаева показала себя блестящим организатором научных исследований. Возобновились прерванные на рубеже 1980-х — 1990-х гг. конференции по методологии истории и историографии. При ее непосредственном руководстве выигрывались многочисленные научные гранты. Она организовала свой семинар с аспирантами и студентами. Несомненно, ее отличала оригинальность собственных научных исследований [10].

В 2007 г. Томская историографическая школа в составе Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой и С.П. Рамазанова была номинирована на Государственную премию Российской Федерации, которую в том году присвоили А.И. Солженицыну.

Однако И.Ю. Николаеву в качестве лидера не поддержала большая часть кафедры и в целом исторического факультета. Возможно, из-за ее гордости, поддерживаемой самим Б.Г. Могильницким, неоднократно заявлявшем о ее превосходстве перед другими членами кафедры, возможно, из-за ее жесткости в обращении с коллегами. Ирину Юрьевну дважды не избрали заведующей кафедрой, и ей пришлось уйти в Томский педагогический университет. В одной из своих последних статей Б.Г. Могильницкий даже говорил о перемещении Томской историографической школы в Томский педагогический университет [11]. Однако такая школа там не прижилась. С уходом из жизни Б.Г. Могильницкого в 2014 г. и И.Ю. Николаевой в 2015 г. вопрос о судьбе школы остается открытым и ждет своего исследователя.

Список источников и литературы:

1. Гросул В.Я. Проблемы методологии истории в современной российской литературе // Гросул В.Я. Труды по теории истории М, 2014. С. 484—500.

2. Шарифжанов И.И., Ягудин Б.М. Историографическая революция последней трети XX века (рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2010. Вып. 33. С. 361—373.

3. Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Б.Г. Могильницкий: «...отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося учёного // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 283—288.

4. Могильницкий Б.Г. Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2006. Вып. 17. С. 200—223.

5. Данилов А.И. О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. 1961. №3. С. 216—217.

6. Гутнова Е.В. Рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. 408 с. // Вопросы истории. 1972. № 2. С. 160—163.

7. Кирсанова Е.С. Борису Георгиевичу Могильницкому— 75 лет // Борису Георгиевичу Могильницкому— 75 лет / сост. и авт. вступ. ст. Е.С. Кирсанова. Томск, 2003. С. 3—18.

8. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гулыбин Г.К. Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). Томск, 1985.

9. Рамазанов С.П. О педагогической деятельности Б.Г. Могильницкого // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2014. Вып. 47. С. 15—20.

10. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

11. Могильницкий Б.Г. Томский университет и его традиции // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета. Казань, 2014. С. 52—53.

Т. А. Юмашева (Балашов)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: в статье рассмотрено определение экстремизма, приведены примеры из исторического прошлого, демонстрирующие проявления религиозного экстремизма в мировой истории и в истории России.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, прозелитизм

T. A. Yumasheva (Balashov)

RELIGIOUS EXTREMISM: HISTORY AND MODERNITY

Abstract: the article considers the definition of extremism, provides examples from the past, demonstrating the manifestations of religious extremism in world history and in the history of Russia.

Keywords: extremism, religious extremism, proselytism.

Экстремизм вошел в нашу действительность как явление, разрушающее социальную действительность и нуждающееся в глубоком изучении и осмыслении с целью поиска путей обхода его возникновения. Безусловно, происхождение экстремизма имеет длительную историю и является частью мирового процесса развития социально-политического насилия. Термин «экстремизм» имеет латинское происхождение и означает «*extremitas*» — крайний, чрезмерный [1, с. 259]. В связи с этим его связывают с революционными действиями, терроризмом, радикализмом, проявлениями ксенофобии.

При изучении религиозного экстремизма уместно выделять проявления экстремизма как внутри религиозных течений, так и внутри его самого. В первом случае это выражается в осуществлении прозелитической деятельности, которая может восприниматься негативно и в свою очередь приводить к возникновению экстремистских взглядов. Когда же речь идет о внутренних проявлениях экстремизма, то оно основывается на традициях внутри религиозных объединений.

Исторически сложилось, что захватнические нападения предопределялись религиозными идеями. Об этом свидетельствуют та-

кие события, как крестовые походы, инициированные римским папой Урбаном II и состоявшиеся в XI в. Значительный ущерб, нанесенный странам Европы и Азии, сопровождался религиозными церемониями и лозунгами. По мнению католического исследователя Р. Скальфи, крестовый поход западных христиан на Ближний Восток, сопровождался жестокостью и бессмысленным кровопролитием.

Ярким примером в истории изучения проявлений религиозного экстремизма можно считать практику истребления инакомыслия в странах Западной Европы в Средние века. В это период святой инквизицией было уничтожено множество людей, сожженных на кострах.

На смену инквизиции пришла новая религиозная война между протестантами и католиками, являющимися сторонниками Мартина Лютера в 1517 г., а завершилась она принятием Аугсбургского религиозного соглашения между лютеранскими и католическими субъектами 25 сентября 1555 г.

24 августа 1572 г., на празднике св. Варфоломея, во Франции произошло массовое убийство гугенотов, продолжавшееся несколько дней, жертвами стали около 30 тыс. человек [2, с. 79].

В истории Руси также имеются примеры религиозного экстремизма. История крещения Руси в период властвования Владимира Святославовича сопровождалась насильственным принятием православной веры язычниками с использованием политических ресурсов. Это привело к тому, что волхвы, сторонники язычески культов, противясь православному духовенству, поднимали антихристианские восстания.

После завоевания Иваном Грозным Казанского и Астрханского ханств (1552—1556 г.) активно предпринимались попытки протектизма в отношении мусульман. Но к успеху это не привело, и все попытки христианизации российских мусульман со стороны Русской Православной церкви не имели значительных результатов.

В 1764 г., в период правления Екатерины II, была предпринята попытка законодательно закрепить веротерпимость в отношении ислама. Императрица полагала, что все религии могут существовать, главное условие — они не должны угрожать власти. Так она получила поддержку со стороны мусульман, однако Православная церковь ее в этом не поддерживала.

Коммунистический режим советского периода высмеивал религию, преследовал верующих, совершались массовые аресты в от-

ношении священнослужителей. В этот период времени был объявлен всеобщий атеизм.

На сегодняшней день также можно отметить проявления религиозного экстремизма, например, события на Западной Украине, связанные с проявлением конфронтации с православными.

Среди различных религиозных организаций, наибольшей криминогенной опасностью характеризуются тоталитарные религиозные организации, что обуславливается самой их природой, полной непредсказуемостью действий, насаждением фанатизма среди сторонников, созданием предпосылок и планированием террористических актов, массовых беспорядков и самоубийств. История подтверждает опасность религиозного экстремизма.

Список и источников и литературы:

1. *Бидова Б.Б.* Психолого-политическое понимание экстремизма // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 259—260.
2. *Великович Л.Н.* Черная гвардия Ватикана. М., 1985.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИНСТИТУТЫ И МЕСТА ПАМЯТИ

А. С. Майорова (Саратов)

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ СОТРУДНИКОВ САРАТОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Губернские статистические комитеты имели широкие функции. Сотрудники саратовского комитета не только собирали и группировали числовые данные о состоянии экономики губернии. Они занимались описанием отдельных уездов, городов и сел, которые представляли интерес с точки зрения экономической географии, истории, этнографии. Члены комитета Н.И. Костомаров и Д.Л. Мордовцев создали монографии по истории Саратовского Поволжья.

Ключевые слова: статистика в XIX в., памятные книжки Саратовской губернии, «Саратовский сборник», А.Ф. Леопольдов, А.Н. Минх.

A. S. Mayorova (Saratov)

THE SIGNIFICANCE OF THE SARATOV PROVINCIAL STATISTICAL COMMITTEE HISTORIANS' WORKS FOR THE 19th CENTURY HISTORY STUDIES OF THE SARATOV VOLGA REGION

Abstract: Provincial statistical committees had a wide range of functions. The Saratov Committee employees not only collected and grouped numerical data on the province economy. They were engaged in the description of individual uyezds, cities and villages which were of interest in terms of economic geography, history, and ethnography. Committee members N.I. Kostomarov and D.L. Mordovtsev created monographs on the history of the Saratov Volga region.

Keywords: statistics in the 19th century, commemorative books of the Saratov province, "Saratov collection", A. F. Leopoldov, A. N. Minkh.

В период с 40-х и до начала 80-х гг. XIX в. Саратовский губернский статистический комитет являлся центром исследований по истории региона. Работа губернских статистических комитетов Рос-

сии в области изучения истории рассмотрена в специальной статье И.И. Комаровой [1]. Обширную монографию об историках губернских статкомитетов Русского Севера, центра России и Урала создал В.А. Бердинских [2]. Названные авторы убедительно показали, каких важных результатов удалось добиться этим организациям в области изучения истории в русской провинции.

Роль саратовского статкомитета как центра развития исторического краеведения признана не всеми местными исследователями. А.А. Гераклитов писал, что именно в этой организации объединилась «группа лиц» с целью создания исторического общества [3, с. 30]. (Таким образом Гераклитов подчеркнул его роль в создании Саратовской ученой архивной комиссии). В.Г. Миронов, рассматривая первый этап развития саратовского краеведения (1826—1886 гг.), не отмечает роли статкомитета. Он пишет, что этот этап «связан с деятельностью отдельных краеведов и попытками создания местной (губернской) краеведческой организации» [4, с. 35]. В.М. Захаров, напротив, называет статкомитет «своеобразным центром изучения прошлого Саратовского края». Однако эту роль статкомитет, по его мнению, выполнял лишь с середины 70-х гг. [5, с. 3]. Данная точка зрения нуждается в корректировке, ведь большинство авторов, писавших на темы местной истории с конца 30-х и до конца 70-х гг. XIX в., были связаны с губернским статистическим комитетом.

Вопрос о том, почему в статкомитетах сосредоточивалась деятельность по изучению прошлого в регионах России, заслуживает особого внимания. Губернские статистические комитеты имели достаточно широкие функции. Это связано с тем, что сама статистика в XIX в. находилась в процессе становления. Ее развитие в России началось в XVIII в. Во второй половине этого столетия появились статистические описания отдельных губерний и наместничеств. Первое «Описание Саратовского наместничества» было составлено около 1782 г. [6]. В основу российской статистики конца XVIII — начала XIX в. были положены теоретические разработки немецких авторов. Согласно теории Г. Ахенвалья, задача статистики состоит в том, чтобы собирать данные и систематизировать их в том порядке, который бы позволил сделать суждение о политическом, экономическом, военном и финансовом состоянии государства. Объектом рассмотрения статистики, как его видели основатели этой науки Г. Конринг и Ахенваль, является страна и люди. Статистика рассматривалась как инструмент, необходимый для управления госу-

дарством, отсюда ее первоначальное название — государственное [7, с. 72—73].

Вначале в статистических описаниях преобладали качественные показатели, но по мере накопления материала статистики стали отдавать предпочтение количественным методам. Их внимание было сосредоточено на материальных и экономических факторах жизни государства, которые можно выразить в цифрах. С последней четверти XVIII в. числовые данные уже стали основой для составления таблиц [7, с. 73—74].

В России в первой половине XIX в. в официальной статистике предпочтение отдавалось числовым показателям. Собираение, обработка и публикация статистических сведений осуществлялась в нескольких министерствах, но наиболее успешно эта работа велась в министерстве внутренних дел. Оно было создано в 1802 г., и с этого времени губернаторы должны были представлять в своих ежегодных отчетах в министерство сведения о населении губернии, податях, посевах хлебов, о ценах на продовольствие, доходах и расходах губернского правления и т. д. В министерстве существовало статистическое отделение. Местными статистическими органами были губернские статкомитеты, созданные в 1834 г. На начальном этапе своего существования они не имели ни штатных работников, ни ассигнований и формировались по принципу представительства от различных местных учреждений [8, с. 73].

Несмотря на то, что предоставление статистического материала в количественных показателях являлось основной целью органов статистики, описательный метод продолжал оставаться актуальным в некоторых направлениях деятельности статкомитетов. В статье пензенского историка В.И. Первушкина содержится краткий обзор некоторых сторон деятельности губернских статкомитетов с момента их создания и до начала XX в. Автор акцентирует внимание на организационных вопросах и на издательской практике комитетов. Что касается направления исследований их членов, то он ограничивается замечанием, что тематика исследований могла быть самой многообразной [9, с. 79].

В.И. Первушкин отметил, что в 1880 г. Саратовским губернским статистическим комитетом была разработана специальная программа по изучению отдельных районов губернии. Он справедливо указывает на то, что до 1880-х гг. губернские статистические комитеты были единственными учреждениями в России, вокруг которых формировалась провинциальная интеллигенция. В губер-

ниях, где отсутствовали университеты, эти учреждения заложили основы научной работы и целенаправленных краеведческих исследований [9, с. 80].

Первое заседание саратовского статкомитета состоялось 18 мая 1834 г. Председателем его, как и в других губерниях, являлся сам губернатор, непременными членами были высшие должностные лица — предводитель дворянства, прокурор, управляющий Саратовской конторой иностранных поселенцев, директор училищ губернии, управляющий казенной палатой, представители всех имевшихся в губернии конфессий и ряд других должностных лиц. Во второй половине XIX в. число непременных членов саратовского статкомитета возросло до 17 человек. В его состав входили также действительные члены по званию и по выбору. Действительными членами по званию были уездные предводители дворянства, а количество выборных членов менялось [10].

В 1852 г. в связи с реорганизацией Статистического отделения МВД были приняты меры к повышению эффективности местных органов статистики. Губернские статкомитеты впервые получили денежные средства на проведение определенных видов работ, им также разрешили иметь одного штатного работника, но только на полставки. В 1860-х гг., в период значительного общественного подъема в связи с подготовкой крестьянской реформы, выявилась ценность статистических данных (они были использованы при создании новых законов), и губернские статкомитеты получили новые суммы ассигнований. Однако количество штатных работников в них не прибавилось [8, с. 74—76].

Главной задачей губернских статистических комитетов, и Саратовского в том числе, было наблюдение за местной административной статистикой. Комитет должен был устанавливать правильные способы собирания точных статистических сведений о природных ресурсах, народонаселении, производительных силах на территории губернии, а также проверять эти сведения и обрабатывать их по единообразным формам, установленным МВД. В комитете составлялись и статистические ведомости, прилагаемые к всеподданнейшим докладам губернаторов. Подобные ведомости готовил обычно секретарь комитета, и на эту должность губернаторы старались назначать образованных людей, выпускников университетов (должность была штатной) [10].

Секретарем губернского статкомитета в 1855—1856 гг. работал один из крупнейших русских историков Н.И. Костомаров, который находился в Саратове в ссылке [11, с 496—501], а позднее, в 1860—1864 гг. — видный публицист, историк и писатель Д.Л. Мордовцев [12, с. 46—47]. Действительным членом комитета состоял А.Ф. Леопольдов, работы которого по истории Саратовского края пользовались популярностью у местных краеведов. Сотрудники комитета занимались не только сбором материалов для составления таблиц и ведомостей, но также описанием отдельных уездов, городов и других населенных пунктов, которые представляли интерес с точки зрения экономической географии, истории, этнографии и т. д. С целью проведения подобной работы комитет имел право требовать содействия всех лиц и учреждений, подведомственных губернатору, снаряжать экспедиции для обследования той или иной территории, выделять чиновников для исполнения подобных поручений. Заседания комитета были довольно редки — члены его обязаны были собираться один раз в год для заслушивания отчета, избрания новых членов и исключения выбывших. Но в случае необходимости заседания могли проводиться и чаще [10].

С 1858 г. комитет начал выпускать памятные книжки Саратовской губернии. Однако издание их осуществлялось не регулярно, оно зависело от финансирования со стороны губернской администрации. Так, после публикации памятных книжек за 1858, 1859 и 1860 гг. наступил перерыв в их выпуске. Точно известно, что в 1862 и 1869 гг. издание памятных книжек не состоялось [13, л. 9, 82], что они выходили в свет в 1864, 1870 гг., а также в 1872 г. В 80-е гг. был изменен формат этого издания, начали выходить адрес-календари Саратовской губернии. Уточнение вопроса о публикации памятных книжек и адрес-календарей за период до конца XIX в. требует дополнительных разысканий ввиду того, что в библиотеках Саратова сохранились не все известные выпуски этих справочных изданий.

В памятных книжках, помимо статистических данных, помещались очерки об отдельных городах и уездах, в которых содержались исторические сведения. Статьи, посвященные тем или иным сюжетам из прошлого Нижнего Поволжья, написанные членами статкомитета, публиковались и в местных газетах — «Саратовских губернских ведомостях» и «Епархиальных ведомостях». Как свидетельствуют документы Центрального статистического комитета МВД, именно на это учреждение и на его

местные органы правительство обычно возлагало такие задачи, как выявление археологических памятников и отбор на хранение архивных документов ликвидированных учреждений [14].

Известные исследователи А.Ф. Леопольдов, Д.Л. Мордовцев, А.И. Соколов, А.Н. Минх пользовались помощью и поддержкой саратовского статкомитета. Наибольших успехов в области изучения истории Саратовской губернии, по мнению В.Г. Миронова и В.М. Захарова, удалось добиться Леопольдову, Костомарову и Мордовцеву [15]. Уже в «Статистическом описании Саратовской губернии» Леопольдова, изданном в 1839 г., были помещены некоторые сведения по истории [16]. «Исторический очерк Саратовского края» Леопольдова охватывает очень длительный период, в нем представлен обширный фактический материал, начиная от «глубокой древности» до второй четверти XIX в. [17].

Наиболее талантливым среди исследователей, работавших в статистическом комитете, был Костомаров. Его перу принадлежит «Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I», опубликованный в «Памятной книжке Саратовской губернии на 1858 год» [18]. Костомарову удалось создать концепцию истории Нижнего Поволжья в XVII—XVIII вв. Если у Леопольдова история Саратовского края представлена как фрагмент общерусской истории, то Костомаров старается выделить основной стержень происходивших здесь событий и показать своеобразие региона. В истории Саратовского края он отмечает приметы тех же процессов и деятельности тех же социальных сил, что и на территории всей России. Однако все происходит здесь в особых, местных условиях. Главным действующим лицом всех событий, с точки зрения интересов которого Костомаров стремится их оценивать, является русский народ как этническая общность.

Влияние взглядов Костомарова отразилось на творчестве Мордовцева. Близость их научных и мировоззренческих позиций отмечена современными исследователями [19, 5, 12]. Мордовцев был гораздо больше связан с Саратовом, нежели ссыльный историк, — он жил в городе с 14-летнего возраста, окончил здешнюю гимназию и после завершения курса в Петербургском университете снова вернулся сюда в 1854 г. [12, с. 33]. В это время и состоялось его знакомство с Костомаровым, о котором тот вспоминал в своей автобиографии, отзываясь с большой теплотой о

своим младшим коллеге [20, с. 491]. Мордовцев, подобно ему, тоже был профессионалом в области истории — он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Именно ему Костомаров передал документы, привезенные им из Царицына в 1858 г. и содержавшие сведения о пугачевском восстании [11, с. 32]. На основании этих материалов (а также и других источников) начинающим исследователем был создан ряд трудов, посвященных народным движениям середины и второй половины XVIII в. В 1860 г. в журнале «Русское слово» была опубликована его монография «Понизовая вольница», в том же году в «Русском вестнике» появилась статья о самозванце Ханине. Расширяя рамки исследования и углубляя подход к проблеме, Мордовцев написал специальный труд о пугачевском восстании — «Пугачевщина» (печатались в «Вестнике Европы» в 1866 г.). Затем отдельным изданием в Петербурге вышли работы «Самозванцы и понизовая вольница» (1867 г., в двух томах) и «Политические движения русского народа» (1871 г., также в двух томах), которые объединяют его сочинения, посвященные периоду восстания Пугачева. Труды Мордовцева выходили в свет в столичных издательствах и нашли разносторонние отклики в публицистике своего времени [12, с. 9, 10].

Не все сотрудники губернского статкомитета были настолько талантливы, как Костомаров или хотя бы как Мордовцев. Местные авторы, которые трудились под руководством комитета, зачастую не имели специальной научной подготовки. И все же им удалось внести весомый вклад в изучение истории Нижнего Поволжья. Об этом свидетельствует содержание «Саратовского сборника», два тома которого вышли в 1881 и 1882 гг. В него были включены работы по истории, археологии и этнографии Саратовского края, наряду с материалами статистики. Статьи и очерки, в которых содержатся сведения по истории, разнообразны по тематике, неоднородны по форме и по научному уровню. Некоторые из включенных в него очерков и заметок уже ранее были опубликованы в саратовских газетах. Большинство авторов, чьи труды вошли в сборник, были представлены не одной, а двумя или даже тремя работами. На основании его материалов видно, что самым плодовитым среди авторов был Минх. В сборник включены составленные им статистические описания Саратовского уезда, Коленской, Ягодно-Полянской и Полчаниновской волостей, Набережного Увека и статьи, посвященные истории Саратовской

губернии [21]. В статистических описаниях Минх уделял место сведениям по истории данного локуса, иногда — по археологии.

Следует отметить стремление авторов сборника использовать архивы местных учреждений. Существенно и то, что статистики собирали и использовали этнографический и фольклорный материал, сделали первые шаги по изучению археологических памятников. Это позволило получить сведения о тех периодах в истории края, которые не были отражены в письменных источниках и поэтому не нашли освещения в работах Леопольдова и Костомарова..

«Саратовский сборник» демонстрирует не только достижения, но и слабые стороны сотрудников статкомитета. В работах некоторых его авторов видны недостатки в понимании специфики методов истории. Более всего это сказалось в отсутствии опоры на уже существовавшую к тому времени концепцию истории края — концепцию Костомарова, и попытке заменить ее простейшей хроникой событий.

Как видим, авторы первых обобщающих трудов по истории Саратовского края — Леопольдов и Костомаров — были членами статкомитета. Костомаров является автором первой концепция истории Нижнего Поволжья. Сотрудниками статкомитета была определена основная проблематика исторических исследований Саратовской ученой архивной комиссии, созданной в 1886 г., главным образом, благодаря их усилиям. Они же начали собирание и изучение разнообразных источников, письменных и археологических, что стало основной целью деятельности комиссии.

Список источников и литературы:

1. *Комарова И.И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 85—96.

2. *Бердинских В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века // *Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 19—312.

3. *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923.

4. *Миронов В.Г.* К истории саратовского краеведения // Четыре века: Сб. статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 34—52.

5. *Захаров В.М.* Саратовская ученая архивная комиссия и ее преемники. Ч. 1 Саратовская ученая архивная комиссия в 80—90-е гг. XIX века. Балашов, 2002.

6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) Ф. 50. F № IV 68.
7. Соколов Я.В., Еременко Т.В. Первая научная парадигма статистики // Вопросы статистики. 2011. № 1. С. 71—74.
8. Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. М., 1990.
9. Первушкин В.И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции // Актуальные проблемы источниковедения: материалы V международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 25—27 апреля 2019 г. Витебск, 2019. С. 76—80.
10. Гусакова З.Е. Историческая справка к фонду Саратовского статистического комитета Государственный архив Саратовской области. Ф. 421.
11. [Костомаров Н.И.] Автобиография Николая Ивановича Костомарова // Русская мысль. 1885. Кн. VI. С. 20—54.
12. Момот В.С. Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества Ростов н/Д., 1978.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 14.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 7, 46, 87.
15. Захаров В.М., Миронов В.Г. У истоков саратовского исторического краеведения: Учебное пособие по курсу «Историческое краеведение»: в 2 ч. Балашов, 1991. Ч. 1.
16. [Леопольдов А.Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым: в 2 ч. СПб., 1839.
17. [Леопольдов А.Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. Андрея Леопольдова М., 1848.
18. Костомаров Н.И. Очерк истории Саратовского края от присоединения его к Российской державе до вступления на престол императора Николая I // Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год. Составлена при саратовском губернском правлении. Саратов, 1858. С. 1—55.
19. Варганова Н.А. Д. Л. Мордовцев и Н. И Костомаров // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы: Сборник научных трудов. Саратов, 1999. Вып. 13. С. 238—246.
20. Костомаров Н.И. Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 496—501.
21. Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии: Издание Саратовского статистического комитета. Саратов, 1881. Т. 1; 1882. Т. 2.

В. К. Беляков (Москва)

**ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
КИНОХРОНИКИ В ДЕЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация: В статье рассматривается значимость визуальных образов дореволюционной кинохроники в деле формирования исторической памяти. Хроникальные визуальные свидетельства вбирают в себя отдельные исторические мгновения, которые не требуют иных доказательств в подтверждение. На примерах сохранившейся «царской кинохроники», запечатлевшей ритуал Императорского Двора России, кинокадров, отразившей жизнь различных слоёв дореволюционного российского общества, а также съёмов произошедшей революции в октябре 1917 года, рассматриваются свойства и содержание имеющихся визуальных свидетельств и их роль в формировании исторической памяти.

Ключевые слова: Визуальное свидетельство, историческая память, кинохроника, образ, ритуал, Николай II, кинокадр, революция, фильм.

V. C. Belyakov (Moscow)

**EMPIRICAL VALUE OF PRE-REVOLUTIONARY NEWSREELS
IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY**

Abstract: The article discusses the significance of visual images of pre-revolutionary newsreels in the formation of historical memory. Visual evidence incorporates certain historical moments that do not require other evidence to support it. Examples of the surviving “royal film chronicle”, depicting the ritual of the Imperial Court of Russia, pictures, reflecting the life of various strata of pre-revolutionary Russian society, as well as filming the revolution in October 1917, feature and content of available visual evidence and their role in shaping historical memory.

Keywords: visual evidence, historical memory, newsreel, image, ritual, Nicholas II, newsreel shot, revolution, film.

Визуальные образы, запечатленные и сохраненные в исторической фотографии и исторической кинохронике, являются своеобразными свидетельствами тех или иных исторических мгновений, на основе которых мы можем судить о различных исторических событиях.

Более того, эти визуальные свидетельства являются важнейшими факторами в деле понимания истории и являются основой

для формирования исторической памяти, как на уровне личной памяти каждого человека, так и на уровне коллективного сознания.

Следует обратить внимание на то, что те или иные кинокадры хроники, а также отдельные кинокадры исторических художественных фильмов становятся паттернами памяти и запоминаются в виде своеобразных гештальтов, которыми уже и оперирует наша память.

Достаточно сослаться в этом смысле на так называемую «царскую кинохронику», различные документальные фильмы того времени, хронику периода Первой мировой войны, Великой российской революции (как принято сегодня называть это событие) и другие кинодокументы.

В Российском государственном архиве кинофотодокументов сохранилось около 15 часов «царской кинохроники», снятой в большинстве своем придворным фотографом и оператором Александром Ягельским. Снимал он последнего российского императора Николая II на протяжении 16 лет — с 1900 г. по 1916 г.

Разумеется, большинство этих съемок запечатлели действующий тогда ритуал официальной императорской власти, который воплощал в себе, по выражению американского историка Ричарда Уортмана, сценарий императорской власти. Сегодня ценность этих хроникальных кадров заключается в том, что на их основе мы можем прийти к пониманию концепции царской власти, реализуемой в это время, и выработать достаточно точное понимание личности последнего российского императора.

Зачастую на эту хронику смотрят лишь как на символические картины, впитавшие в себя образ всей царской России. Но в буквальном плане она содержит как детальные сцены частной приватной жизни царской семьи, так и множество зафиксированных на киноленту официальных церемоний, в которых принимал участие Николай II.

«Царская хроника» запечатлела очень много военных смотров и парадов, проходивших в Царском Селе, в Красном Селе и Петергофе. Эти кинокадры не просто свидетельствуют о достаточно типичных событиях, совершаемых в рамках привычного ритуала императорского Двора, но и подтверждают тот факт, что в своем поведении Император стремился выглядеть державным Вождем, осуществляя эту роль на глазах практически всех полков и подразделений армии.

С точки зрения ритуала интересен и Царский выход с Красного крыльца Грановитой Палаты в Кремле, который за время последнего царствования оказался зафиксированным на киноплёнке 5 или 6 раз. Он наглядно отсылает к укоренившемуся при царском Дворе византийскому обычаю явления императорской власти народу для подтверждения ее полномочий на царствование. Любопытно, что на Соборной площади Кремля в момент этого ритуального действия собирался самый пестрый люд, который, скорее всего, получал приглашения через церковные общины, и там, что называется, яблоку было негде упасть. Вообще поневоле возникает вопрос, ответ на который весьма затруднителен: насколько сильны были консервативные настроения традиционного русского общества в тот период, и почему они так резко упали в 1917 г.?

Еще больший интерес, с точки зрения своей визуальной ценности, вызывают хроникальные кинокадры так называемых национальных торжеств, проходивших с 1909 по 1913 гг. по случаю юбилеев различных исторических событий прошлого. В 1909 г. — это был 200-й юбилей Полтавского сражения, в 1910 г. — 200-летний юбилей присоединения Лифляндии к России, в 1912 г. — 100 лет Отечественной войны против Наполеона и в 1913 г. — 300-летие Дома Романовых.

Поражает не столько размах действия и его организация, сколько массовость участия в этих мероприятиях обычных людей. Конечно, все это было организовано, потрачены огромные средства, но, тем не менее, большинством населения это охотно воспринималось, причем даже с небывалым восторгом, о чем свидетельствует не только эта кинохроника, но и обильная мемуарная литература.

Если на фоне этой кинохроники говорить о падении авторитета царской власти и ее непопулярности, то, вероятно, это касается в значительной степени так называемой просвещенной публики, того самого общества, которое, в свою очередь, обладало весьма сомнительным весом по отношению ко всей России. Что и показали катастрофические события после февраля 1917 г.

Поневоле начинаешь задумываться над вопросом, кто же вершит историю: молчаливое консервативное большинство или плохо структурированное активное меньшинство с отсутствием опыта управления государством?

Дореволюционная кинохроника сохранила для нас визуальные свидетельства жизни и быта как низов российского общества, так и средних его классов. Эти кинокадры позволяют точнее представить

себе различные срезы российского общества, руководствуясь при этом не только очерками Владимира Гиляровского или произведениями Максима Горького. Например, в 1913 г. был создан фильм «Богоугодные учреждения ведомства Великой княгини Елисаветы Федоровны» производства АО А. Ханжонкова [1, уч. 11722]. Фильм предваряет титр «Купите 5 апреля Красное яичко». До революции все знали, что за три недели до Пасхи начинается благотворительная торговля красными пасхальными яйцами под лозунгом «Помогите несчастным детям» — в пользу детских трудовых артелей и детских ночлежных домов — оба этих заведения были предназначены для детей-сирот, которые чаще всего становились беспризорниками.

И действительно, сразу же в первом кадре после титра мы видим группу обитателей Хитрова рынка в Москве, среди которых стоят и беспризорные дети. Надо признать, что для своего времени показывать в синематографе хитровцев было очень смело. Но таких кадров в фильме всего два: мы видим общую толпу и укрупнение на стоящих детей, курящих и ведущих себя развязно. Сразу видно, что сцена запечатлена врасплох, как есть. А дальше начинаются глубоко постановочные кадры, снятые в соответствии с замыслом оператора: нам показывают пятерку детей, стоящих у ворот детского ночлежного дома, затем вереница мальчиков заходит в его двери, и потом они трудятся за столом, занимаясь чем-то вроде рукоделия, чтоб отработать затраченные на них средства. Потом сцена обеда. Отдельные мальчики попадают в артель рассыльных, где они ходят строем, и на улице где-то около магазина получают от разных граждан поручение доставить письмо или мелкий пакет. Ну, а вечером, разумеется, уроки по арифметике и веселое проведение досуга — танцы под балалаечный оркестр. Вот так виделось спасение детей в те времена.

Для понимания исторических смыслов сегодня становятся важны кинокадры Первой мировой войны, снятые на русском фронте. В них запечатлены эпизоды геройского поведения русских солдат во время разворачивающихся военных действий. При просмотре этой военной хроники можно найти и кадры реальных штыковых атак, и кадры, запечатлевшие безвестных героев, только что вышедших из боя.

При просмотре той или иной исторической кинохроники следует только отчетливо понимать, что сами кинокадры, какие бы они ни были, не воспроизводят исторических событий во всей их

сложности и подробностях. Запечатленные на пленки кинокадры следует воспринимать, скорее, как мгновенные слепки отдельных моментов произошедших событий, которые лишь отсылают нас к самим событиям.

Фактически, обнаруживаемые исторической кинохроникой визуальные свидетельства являются своеобразными аргументами в подтверждение произошедшего или случившегося. Но весьма сильными аргументами потому, что визуальный образ невозможно опровергнуть. Если только он не носит откровенно постановочного характера и не сфабрикован для пропагандистского эффекта.

В этом плане весьма интересно рассмотреть кинокадры 1917 г., которые запечатлели так называемую Октябрьскую революцию, позже включенные известным советским кинорежиссером Дзигой-Вертовым в монтажный фильм «Годовщина революции», созданный им в 1918 г. [1, уч. 13071]. Эта 7-минутная часть фильма весьма любопытна, а ее кинокадры весьма красноречивы с точки зрения понимания, как происходила эта революция.

Эти кинокадры сняты оператором кинематографического отдела Скобелевского комитета Иваном Кобозевым. По его воспоминаниям, опубликованным в 1967 г. [2, с. 566, 570], в октябре 1917 г. он был членом красногвардейской группы Рождественского района Петрограда и 25 октября (то есть в канун штурма Зимнего дворца), как кинооператор, получил поручение Якова Свердлова снять, что происходит в окрестностях Зимнего дворца, а заодно разведать саму обстановку. Заехав за оператором Е. Модзалевским, у которого была кинокамера и небольшой запас кинопленки, И. Кобозев вместе с ним на пролетке отправился снимать на Дворцовую площадь.

Рассказанное вызывает некоторое недоверие, поскольку есть более ранние свидетельства, что на самом деле по особому поручению Военно-революционного комитета организацией съемок революционных событий занимался известный историк кино Григорий Болтянский, который сформировал специальную съемочную группу из нескольких операторов для съемок в Петрограде и в Москве. В эту же группу входили и И. Кобозев с Е. Модзалевским. Группа имела некоторый план съемок в двух городах, кинокамеры с запасами кинопленки.

Как бы то ни было, сегодня мы можем видеть осуществленные И. Кобозевым с Е. Модзалевским съемки Дворцовой площади как 25 октября (канун штурма), так и 26 октября (на следующий день после штурма). На них мы видим картину событий, далекую от ху-

дожественных образов, созданных всемирно известным кинорежиссером Сергеем Эйзенштейном в игровом фильме «Октябрь» (1926 г.). В кинохронике мы наблюдаем достаточно будничную атмосферу жизни обыденного дня 25 октября, видим, как группы юнкеров из охраны дворца строят баррикаду из поленицы дров. В их лицах нет никакой мрачности, и они совершенно не встревожены сложившейся обстановкой.

Любопытно, что эту же баррикаду мы наблюдаем в кинокадрах и на следующий день — ее словно бы никто и не тронул. На площади собралась толпа зевак из случайных прохожих, которые наблюдают пару разбитых окон дворца, да несколько следов от случайных пуль, выпущенных ночью неизвестно кем и куда попало.

Из всего этого можно сделать вывод, что власть, как писали позднее историки, в эти дни, действительно, лежала на улице, и ее легко подобрали большевики.

Опять же, кинооператоры добросовестно запечатлели руководителей этой революции — точнее, кого они считали за руководителей. Перед нами предстают Лев Троцкий, сыгравший важнейшую роль в деле организации восстания, Александра Коллонтай и Анатолий Луначарский. Ленина в кадрах нет, вероятно, операторы считали, что его роль в организации восстания не столь важна по сравнению с ролью Л. Троцкого. Зато они запечатлели почему-то Александру Коллонтай. Однако знание определенных деталей событий проливает свет на эту, казалось бы, странность.

Как известно, 25 октября был будний день, все заводы работали, и Путиловский завод смог выставить только 80 человек вооруженных дружинников. И тогда Александра Михайловна позвонила по прямому проводу на захваченную Центробалтом императорскую яхту «Штандарт», с Председателем которого Павлом Дыбенко она была в самой тесной связи, и присланные тем 500 матросов Балтийского флота решают все дело. Поэтому оператор и запечатлел ее — она сыграла в восстании важную роль [3, с. 167].

А. Луначарский же попал в кинокадр потому, что в эти решающие дни был единственным легальным большевистским лидером, руководителем большевистской фракции в городской Думе Петрограда, где активно выступал на всех заседаниях.

Позднее, не прошло и 10 лет, и в 1927 г. Эсфирь Шуб уже занимается фабрикацией аналогичных кинокадров. Теперь в роли руководителей восстания фигурируют Ленин, Луначарский, прапор-

щик Крыленко, Антонов-Овсеенко и Свердлов (документальный фильм «Великий путь», Совкино, 1927) [1, уч. 2697].

Излишне говорить, что в общественной исторической памяти того времени (я имею в виду 1918 г.) содержались самые различные паттерны, которые могли в это время по-разному использоваться и воздействовать на сознание масс. И именно поэтому новая власть, осознав силу пропаганды, сумела впоследствии навязать свои представления об образах исторической памяти. Оставалось только молчать и не вспоминать.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что визуальные образы кинохроники, если они не пребывают в забвении, а являются доступными как для специалистов, так и для самого широкого зрителя, могут служить и служат основой исторической памяти. Важно только, чтобы в общественном сознании был интерес к этим визуальным образам.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД).
2. *Кобозев И.С.* С киноаппаратом на разведку в Зимнем дворце / В огне революционных боёв (районы Петрограда в двух революциях 1917 г.). Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М., 1967.
3. *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевицкой революции. М., 2014.

Н. И. Изергина (Саранск)

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Аннотация: В статье рассматривается роль политики памяти в формировании российской идентичности как одной из центральных исследовательских задач, имеющей отношение к прошлому, настоящему и будущему России. Особое внимание уделяется функциям политики памяти в свете ценностного основания современной политики России. Анализируется вопрос о характере критического отношения к сложным событиям российской истории и обосновывается необходимость «созидательного» типа критики для искоренения своих недостатков.

Ключевые слова: политика памяти, функции политики памяти, российская идентичность, ценностное основание политики, российская история, критика, разрушение политики памяти.

N. I. Izergina (Saransk)

POLICY OF MEMORY IN THE FORMATION OF RUSSIAN IDENTITY

Abstract: The article considers the role of memory policy in the formation of Russian identity as one of the central research tasks related to the past, present and future of Russia. Special attention is paid to the functions of memory policy in the light of the value basis of modern Russian policy. The author analyzes the nature of the critical attitude to the complex events of Russian history and substantiates the need for a «creative» type of criticism to eliminate its shortcomings.

Keywords: policy of memory, functions of policy of memory, Russian identity, value basis of politics, Russian history, criticism, the destruction of memory policy.

Проблема формирования российской идентичности изучается на протяжении более чем 30 лет как в теоретико-методологическом, так и в практически-политическом направлениях. Однако и сегодня она признается одной из центральных исследовательских задач, имеющих отношение к прошлому, настоящему и будущему России, к обеспечению ее национальной безопасности в условиях внутренних и внешних вызовов.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, общероссийская идентичность строится на базе «исторически сложившейся системы единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытных культур многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемой части российской культуры». Поэтому «попытки фальсификации российской и мировой истории» являются угрозой национальной безопасности [1].

Сегодня Российское государство активно обращается к истории для того, чтобы найти ценностное основание современной политики. Это не является чем-то необыкновенным, наоборот, «любое национальное сообщество строится на общем наследовании, что требует создания связного исторического нарратива» [2, с. 7, 9]. Кроме того, обращение к истории с целью ценностного обоснования нынешней политики связано с падением в современной России и современных странах Запада влияния западных либеральных ценностей, которые в относительно недавнем прошлом были главным ориентиром в российских модернизационных процессах. В данных условиях поворот к традиционным российским ценностным основаниям постсоветского транзита, частью которого является формирование российской идентичности, представляется вполне оправданным. В равной мере оправданным в этой связи является и выстраивание адекватной политики памяти, актуализация памяти об исторических событиях и фигурах, олицетворяющих фундаментальные ценности и традиции русской истории и культуры, имеющих вневременной характер, а в силу этого являющихся ключом осознания своей идентичности.

По определению О.В. Малиновой, «политика памяти — совокупность действий мнемонических акторов, которые направлены на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их инфраструктуры» [3, с. 13]. В процессе отбора исторических событий и фигур указанный автор обращает внимание и на такие моменты, как их значение с точки зрения настоящего, одновременный учет их правдивости (реалистичности), а также определенное эмоциональное восприятие [3, с. 13]. Представляется, что такой комплексный подход к политике памяти весьма продуктивен, так как позволяет органически увязывать ее аксиологическую и гносеологическую функции.

Сущность аксиологической функции заключается в создании определенного отношения к совместному прошлому, базирующе-

муся на традиционных стержневых ценностях, которые позволяют «сохранять свою духовную природу и творить свою жизнь и культуру по-русски» [4, с. 30]. Значение гносеологической функции состоит в отражении исторической реальности, исторических фактов. Думается, что только органическое сочетание указанных функций способно обеспечить эффективную работу политики памяти по формированию российской идентичности, а именно: непременным условием создания верного ценностного отношения к коллективному прошлому должна быть опора на правду исторических фактов.

Еще одно важное условие заключается в том, что интерпретация исторических фактов не должна быть подчинена конъюнктурным политическим интересам. На неправде, полуправде невозможно построить ничего действительно жизнеспособного с точки зрения исторической перспективы, в том числе и жизнеспособную политику в любых ее проявлениях. Хождение по ложным путям, какими бы благими намерениями оно не оправдывалось, есть лишь растрата всяческих сил и ресурсов. Главная же опасность политической конъюнктуры в отношении интерпретации исторических явлений, на наш взгляд, есть опасность утраты их внутреннего смысла, их духовного значения, то есть того, что лежит в основе процесса формирования национальной идентичности.

Примечательно, что в содержании ценностной составляющей политики памяти сегодня, наряду с приоритетом духовного над материальным, защитой прав и свобод человека, семьей, служением Отечеству, справедливостью, взаимопомощью, актуализируются и такие ценности, как историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины [1].

Российская история, в интерпретации В.В. Путина, является «источником понимания своей идентичности и своей цивилизационной миссии» [2, с. 17]. Невозможно не признать факта противоречивости, неоднозначности российской истории. В данном контексте возникает вопрос о характере критического отношения к ее сложным событиям. Президент РФ в качестве приоритетной линии при обращении к историческим событиям отмечает потребность в объединительной роли уроков истории, сохранении гражданского мира и согласия в обществе. Конечно, это не должно исключать критического осмысления прошлого, а тем более существующего положения дел. Главное в этом вопросе: как критиковать?

Современные обсуждения в публичном пространстве такого неоднозначного исторического события, как Русская революция 1917 г., явственно обнаруживают «фрагментированный, конфликтный режим памяти». Одной стороной конфликта «при частичном пересечении позиций» выступают властвующая элита, КПРФ и «консерваторы», а другой — либералы-«яблочники», имеющие, как известно, прозападную политическую ориентацию [3, с. 21].

Эти две стороны столь же отчетливо демонстрируют два типа критики: «созидательную» и «разрушительную». Их суть раскрыл И.А. Ильин в работе «Путь духовного обновления». Он писал: «Есть критика и критика. Есть критика ироническая, злобная, несправедливая, нигилистическая и разрушительная: так критикуют враги. Но есть критика любовная, озабоченная, воспитывающая, творческая даже и тогда, когда — гневная, эта критика созидательная: так критикуют верные друзья... и то, что она «внушает», есть мужество и воля к преодолению своих слабостей» [5]. Иначе говоря, критиковать свой народ, его историю и культуру с пользой для общего дела может тот, кто прежде всего руководствуется любовью для честного выявления недостатков и борьбы с ними. Такова позиция настоящего патриота в отношении к своему народу, его истории и культуре. Думается, именно нигилистическая, разрушительная критика либералов-«яблочников» многого в современном состоянии страны и ее прошлом, что действительно заслуживает критического отношения, справедливо отторгается абсолютным большинством российского общества.

Данное утверждение соответствует самоидентификации россиян в последние годы, в которой фиксируется «стабильное доминирование почти у 3/4 россиян ощущения отчужденности России от Запада» [6, с. 104]. По данным социологических исследований, «граждане России по состоянию на осень 2016 г. делятся на «державное» большинство (60—77%) и прозападное меньшинство (23—40%). Первые полагают, что Россия должна быть великой державой... вторые... что стремиться к укреплению державной мощи России не надо, что ей следует идти на компромиссы с Западом» [6, с. 116]. При этом важно отметить, что россияне понимают державность прежде всего как «национальное единство в решении общественно значимых проблем» [6, с. 109].

Примечательной чертой апелляции к прошлому является одновременное обсуждение основополагающих проблем современной России и ее будущего. Это очень важно с точки зрения формирова-

ния российской идентичности, в которой представления о желаемом будущем являются неотъемлемой составляющей. Это также соответствует российской ментальности, сильно устремленной к будущему. Что касается представлений о будущем, то оно у более половины россиян связано с восприятием страны как особой евразийской цивилизации, в которой важны ценности традиционных религий, традиционной формы семьи, государства, социальной справедливости, а также прав человека, свободы самовыражения личности. В настоящее время ученые трактуют это не просто как возвращение к своим корням, но как сформировавшуюся особую модель развития, «традиционалистскую модернизацию», выступающую одной из «исторических альтернатив доминирующей в настоящее время неолиберальной модели» [6, с. 138], а Россию как «генератора новых исторических смыслов» [6, с. 134, 137—139, 162].

Итак, результаты социологических исследований дают возможность заключить, что сегодня «в российском обществе наиболее распространены представления об особой российской идентичности» [7, с. 34]. Ее отличают приверженность социальной справедливости, патерналистскому государству, эффективно регулирующему экономику в интересах всего общества, сильному и авторитетному в мире государству, великой державе, ценностям российской культуры, а также недоверие к Западу и революционным способам изменения жизни.

Думается, что специфика российской идентичности обусловлена спецификой ее исторического развития и проводимой в последнее время политикой памяти, смысл которой обобщенно сформулирован В.В. Путиным следующим образом: «Наша страна исторически строилась как цивилизация, в которой каждый народ сохранял свою этнокультурную идентичность» [2, с. 16]. Поэтому главным трендом политики памяти, безусловно, следует признать сохранение формировавшуюся веками и «многими поколениями представителей разных национальностей и разных религий» культуру, которая «не раз на самых трудных поворотах истории государства российского сберегало его для будущих поколений» [2, с. 19].

Духовная культура народа, согласно выдающемуся русскому философу И.А. Ильину, является не только его лучшими свершениями и созданиями, она живет и творится в каждом из нас: «Россия всюду, где хоть одна человеческая душа любовью и верою исповедует свою русскость» [8]. Русскость, национальный характер

народа сложились под влиянием нашей суровой природы и трагически-жертвенной истории, наших бескрайних просторов, огромных природных богатств, многоплеменного состава населения. Эти факторы определили в качестве составляющих русскости духовную свободу, ощущение небывалых возможностей, способность беззаветно любить, «уверенность, что священное есть главное в жизни», выступление в час беды «добровольцем, отдающим свое достояние и жизнь за дело Божие, всенародное и отечественное», «во всем идти до конца и не бояться смерти» [8]. Сравнивая духовную культуру России с западной, И. Ильин подчеркивает, что она, прежде всего, есть «культура сердца, совести и чувства... служения, самоотречения и жертвенности... веры и молитвы... храбрости и подвижничества», а не культура рассудка [8]. Данную особенность нашей духовной культуры философ призывает сохранять всегда.

Вместе с тем анализ русскости Ильиным является достаточно критичным. В русском национальном характере он выделяет целый ряд опасностей и соблазнов — влечения к безвластью, незаконию, произволу и замешательству, бесхозяйственности, беспечности и лени, чрезмерному самоуничижению, особенно перед Западом, потере грани божественного и небожественного, добра и зла, чрезмерной мечтательности и безволию, беспочвенной, безвольной и пагубной политике, моральной заносчивости.

Очистить национальный характер от перечисленных опасностей и соблазнов значит упрочить «верность и цельность нашего русского характера» [8]. Цельность русского характера, в представлении Ильина, предполагает формирование живого единства свободы и дисциплины для разрешения проблемы колебания «между слабохарактерностью и высшим героизмом», поддержания священной русской традиции добровольного жертвенного служения делу Божию, всенародному и отечественному.

Одной из исторических фигур, показавшей пример высшего героизма на основе единства свободы и дисциплины, был адмирал Ф.Ф. Ушаков, ярчайший представитель патриотической традиции русской культуры, всегда служившей главной опорой нашего государства. Он прославился не только победами во всех морских сражениях и тем, что ни один его подчиненных не попал в плен, но и тем, что был «знаменитый благотворитель Санаксарской обители... жертвовал от усердия своего значительным благотворением, тем же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния в всепомощи... и окончил жизнь свою, как следует истинному хри-

стианину и верному сыну Святой Церкви» [9]. В 2001 г. Феодор Ушаков был канонизирован Русской православной церковью как местночтимый святой Саранской и Мордовской епархии. Деяние о его канонизации указало: «Сила его христианского духа проявилась не только славными победами в боях за Отечество, но и в великом милосердии, которому изумлялся даже побежденный им неприятель... милосердие адмирала Феодора Ушакова покрывало всех» [9].

В силу отмеченного актуализация в политике памяти этой исторической фигуры важна не только для патриотического воспитания, но и для православно-христианского отношения к жизни подрастающих поколений россиян, а, следовательно, и для сохранения нашей идентичности. Его жизнь и служение России рождает «уверенность, что священное есть главное в жизни и что без священного жизнь становится унижением и пошлостью» [8].

«Назови мне, кто те пророки, гении и герои, перед которыми ты в любви преклоняешься, — писал И. А. Ильин, — и я скажу тебе, какого ты духа и где твоя Родина...» [8]. Если сегодня нашим героем является такая личность, как Ф.Ф. Ушаков, значит мы русского духа и наша родина — Россия. И правы мудрецы, утверждавшие, что народ и его герои — суть одно.

Массовый героизм многонационального советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. стал еще одним убедительным проявлением священной русской традиции защиты Отечества, величия русского духа и нашего единства. Поэтому Великая Победа и память о ней являются для нас священной ценностью, дающей возможность чувствовать себя наследниками славной героической истории, высшего проявления духа нашего народа и его единства.

По этой причине в отношении исторической памяти как части культуры, в значительной степени определяющей самоидентификацию индивида, социальной группы и общества, в современных условиях столкновения ценностей предпринимаются попытки ее разрушения, разрушения традиционных ценностей.

Для этого используются различные технологии манипуляции исторической памятью. Так, для разрушения исторической памяти о победе советского народа во Второй мировой войне, а для нас — в Великой Отечественной войне, прибегают к следующим технологиям: «Окно Овертона» (постепенное внедрение чуждой для данного общества идеи, от полного отвержения до широкого обсужде-

ния, принятия массовым сознанием и законодательного закрепления), подмена понятий (выдача какого-либо явления за то, каким оно в действительности не является), перестановка акцентов (выставление новым и важным одного утверждения и замалчивание другого), иронизация (осуждение под видом похвалы), бриколаж (преобразование значения объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей), десимволизация (называние «колорадами» тех, кто продолжает носить символ Победы — Георгиевскую ленточку), дегероизация (представление героя как духовно ущербной личности) и десакрализация (обесценивание священных образцов, мировоззренческих установок) [10].

Все перечисленные технологии разрушения исторической памяти служат цели создания новых смыслов через разрушение сложившегося стереотипа или включение знакомой идеи в новый контекст. Чтобы противостоять им, необходимо всегда помнить о том, что наша трудная история научила нас спасаться, выражаясь словами И.А. Ильина, «духом жертвы, духом подвига, духом единения» [8]. Это, пожалуй, главный урок истории, который должен усвоить каждый россиянин.

В этой связи ни одно историческое событие, вобравшее в себя дух жертвенности, подвига и единения нашего народа, не должно оставаться вне исторической памяти. Наша история позволяет нам «благословлять нашу Родину всегда и во всем, любить ее, гордиться ею... нерушимо верить в нее и в ее грядущий расцвет, что бы ни принесла нам ее история, какие бы еще лишения и страдания ни выпали на долю русских поколений...» [8].

В заключение подчеркнем, что роль политики памяти в формировании российской идентичности не может сводиться только к воспоминанию, сохранению и передаче последующим поколениям богатейшего героического прошлого нашего народа. Современная системная модернизация актуализировала и другие традиционные ценности российского общества, в первую очередь, социальность и справедливость. Об их значимости для настоящего и будущего России свидетельствуют результаты многочисленных социологических исследований. Так, в образе идеального государства россиян преобладают «ожидания социальных перемен, а также соблюдения моральных норм: «не должно быть коррупции, строгое соблюдение законов, устойчивая система наказаний за нарушение закона»,

«социально справедливым, правовым, уважающим честь и достоинство личности» [11, с. 14].

Список источников и литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/af6dbeb87d5a61b838f49f4571aa1a49c82b35fd/ (дата обращения: 05.03.2019).

2. Пахалюк К.А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012—2018 гг. // Полития. 2018. № 4. С. 6—31.

3. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Полис. 2018. № 1. С. 9—25.

4. Изергина Н.И. Теория органической демократии И.А. Ильина и политическая трансформация постсоветской России. Саранск, 2008.

5. Ильин И.А. Путь духовного обновления. URL: <https://iknigi.net/avtor-ivan-ilin/63232-put-duhovnogo-obnovleniya-ivan-ilin/read/page-13.html> (дата обращения: 05.03.2019).

6. Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М., 2017.

7. Изергина Н.И. Путь России к демократии: взгляд И.А. Ильина и современность. Саранск, 2008.

8. Ильин И.А. О России. Три речи. 1926—1933. София, 1934. URL: http://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_tri_rechi_o_rossii.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

9. Ушаков Ф.Ф. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ушаков,_Фёдор_Фёдорович (дата обращения: 05.03.2019).

10. Кафтан В.В., Чернышова Л.И. Историческая память: мифы и реальность // Меняющиеся ценности в современном мире. URL: https://studref.com/631699/filosofiya/istoricheskaya_pamyat_mify_realnost (дата обращения: 05.03.2019).

11. Шестопал Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 7—20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляков Виктор Константинович, заведующий Архивным фондом, ЦНЦ «Православная энциклопедия», г. Москва, vic.belyakov@gmail.com

Богомоллов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Ульяновск, Bogomolov_SA@mail.ru

Булаева Марина Николаевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, bulaewa64@gmail.com

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, galyamichev57@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, gumenukaa@rambler.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, danilovvik@yandex.ru

Есетов Нурлан Есетович, Ph докторант, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, г. Актобе, emen80@mail.ru

Изергина Нина Ивановна, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, ninaini@yandex.ru

Кирсанова Екатерина Семеновна, кандидат исторических наук, доцент, Северский технологический институт Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» г. Северск, Томская область, sp-gam@yandex.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, kiyasovs@mail.ru

нальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, sergeykiyasov@mail.ru

Конопленко Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, aakonoplenko@yandex.ru

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, majorova-as@mail.ru

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, mezinsa@mail.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, morozovaen@mail.ru

Мустафин Фархад Маратович, Ph докторант, Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, г. Актобе, farhad.m.m@bk.ru

Николаев Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волжский политехнический институт, г. Волжский, nikcam@mail.ru

Носова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им В.Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, knosova@yandex.ru

Пфаненштиль Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, nfedorova83@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, rabinovichyn@yandex.ru

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, spram@yandex.ru

Сабитова Лилия Равильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и лингводидактики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, sabitovaliliya90@mail.ru

Фортун Алексей Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, fortun2017@yandex.ru

Чеботарева Александра Викторовна, ассистент кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет, г. Донецк, abc5071@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, larisachernova@mail.ru

Юмашева Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, umata@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И ОБРАЗЫ (ОПЫТ ЗАПАДА И ВОСТОКА)

- Носова Е. С. (Москва)*
Конунг как объект жертвоприношения:
к вопросу о сакральной власти скандинавских правителей 3
- Конопленко А. А. (Саратов)*
Псковско-ливонские военные конфликты
конца XIII – первой трети XIV века в контексте
властных притязаний и императивов внешней политики
Тевтонского ордена и Пскова 11
- Булаева М. Н. (Саратов)*
«Школа дьявола... часовня сатаны...»:
средневековая таверна как эпицентр девиаций
(на материале Лондона XIV–XV вв.) 20
- Галямичев А. Н. (Саратов)*
Гуситское движение в художественных образах
советской литературы 1950-х годов 29
- Чернова Л. Н. (Саратов)*
Женская благотворительность в тюдоровском Лондоне 38
- Киясов С. Е. (Саратов)*
Начальные степени масонского посвящения:
эзотерика ритуалов 53
- Сабитова Л. Р. (Саратов)*
«Тулонское вооружение» 1798 г.: британские агенты
в Средиземноморье о целях экспедиции Бонапарта 61
- Богомолов С. А. (Ульяновск)*
Реформы Мухаммеда Али в Египте
в 20-40-е гг. XIX в.: комплексная модернизация
исламского общества и государства 68

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И ОБРАЗЫ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

- Мустафин Ф. М. (Актобе)*
Откочевка ойратов из Центральной Азии в
Западную Сибирь в начале XVII века 78

<i>Рабинович Я. Н. (Саратов)</i>	
Левобережный Саратов в 1640-е годы: начальные лица города, основные события	90
<i>Мезин С. А. (Саратов)</i>	
Пётр I. Эволюция образа (конец XVII – начало XXI вв.)	102
<i>Морозова Е. Н. (Саратов)</i>	
Ранний земский либерализм в провинции: В. А. Федоровский	113
<i>Есетов Н. Е. (Актобе)</i>	
Земельный вопрос в хозяйстве казахов Уральско-Тургайского региона Казахстана во второй половине XIX – начале XX века	123
<i>Фортуна А. А. (Саратов)</i>	
Институт комиссаров Временного правительства (на примере Саратовской губернии)	129
<i>Гуменюк А. А. (Саратов)</i>	
Жалобы и наказания как индикатор динамики жизненного уровня населения СССР во второй половине 1950-х – середине 1980-х годов (по материалам Нижнего Поволжья)	137

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Пфаненштиль Н. Г. (Казань)</i>	
Власть и общество об изучении истории: постановка исторического образования в средней школе и проблемы учебной литературы в период либеральных преобразований 60-х гг. XIX в. (по материалам педагогических дискуссий)	145
<i>Николаев Н. Ю. (Волжский)</i>	
Антивоенные идеи в общественно-политической мысли России в конце XIX века	158
<i>Чеботарева А. В. (Донецк)</i>	
Подготовка лекторов-пропагандистов партийных учебных заведений в 1920-е годы (на материалах Донбасса)	167
<i>Данилов В. Н. (Саратов)</i>	
Взгляд на зарубежный опыт преподавания школьного курса истории при подготовке советских учебников в 1930-е годы	173

<i>Рамазанов С. П. (Волжский), Кирсанова Е. С. (Северск)</i> Историографическая школа в Томском университете и ее лидеры	184
<i>Юмашева Т. А. (Балашов)</i> Религиозный экстремизм: история и современность	190

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, ИНСТИТУТЫ И МЕСТА ПАМЯТИ

<i>Майорова А. С. (Саратов)</i> Значение трудов сотрудников Саратовского губернского статистического комитета для изучения истории Саратовского Поволжья в XIX веке	193
<i>Беляков В. К. (Москва)</i> Эмпирическая ценность дореволюционной кинохроники в деле формирования исторической памяти	202
<i>Изергина Н. И. (Саранск)</i> Политика памяти в формировании российской идентичности	209
Сведения об авторах	218
Содержание	221

CONTENT

AUTHORITY, SOCIETY, MAN: HISTORY AND IMAGES (EXPERIENCE OF THE WEST AND THE EAST)

<i>Nosova E. S. (Moscow)</i> KONUNG AS THE OBJECT OF SACRIFICE: ON THE QUESTION OF SCANDINAVIAN RULERS' SACRED POWER	3
<i>Konoplenko A. A. (Saratov)</i> PSKOV-LIVONIAN ARMED CONFLICTS IN THE END OF THE 13 th – THE FIRST THIRD OF THE 14 th CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE POWER CLAIMS AND IMPERATIVES OF THE TEUTONIC ORDER'S AND PSKOV'S FOREIGN POLICY	11
<i>Bulaeva M. N. (Saratov)</i> «THE SCHOOL OF THE DEVIL ... CHAPEL OF THE SATAN ...»: MEDIÉVAL TAVERN AS THE EPICENTER OF DEVIATIONS (BASED ON THE XIV–XV CENTURIES LONDON`S MATERIAL)	20
<i>Galyamichev A. N. (Saratov)</i> THE HUSSITE MOVEMENT IN WORD PICTURE OF THE SOVIET LITERATURE IN THE 1950s	29
<i>Chernova L. N. (Saratov)</i> WOMEN'S CHARITY IN LONDON UNDER THE TUDORS	38
<i>Kiyasov S. E. (Saratov)</i> INITIAL DEGREES OF MASONIC INITIATION: ESOTERIC RITUALS	53
<i>Sabitova L. R. (Saratov)</i> «THE TOULON ARMAMENT» OF 1798: BRITISH AGENTS IN THE MEDITERRANNEAN CONCERNING THE AIMS OF BONAPARTE'S EXPEDITION	61
<i>Bogomolov S. A. (Ulianovsk)</i> REFORMS OF MUHAMMAD ALI IN EGYPT IN THE 1820–1840S: COMPLEX MODERNIZATION OF ISLAMIC SOCIETY AND STATE	68

AUTHORITY, SOCIETY, MAN: HISTORY AND IMAGES
(RUSSIAN EXPERIENCE)

<i>Mustafin F. M. (Aktobe)</i>	
OIRATES' MOVEMENT FROM CENTRAL ASIA TO WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 17 th CENTURY	78
<i>Rabinovich Ya. N. (Saratov)</i>	
LEFT-BANK SARATOV IN THE 1640S: MAIN PERSONS OF THE CITY, MAJOR EVENTS	90
<i>Mezin S. A. (Saratov)</i>	
PETER I. IMAGE EVOLUTION (THE END OF THE 17 th – THE BEGINNING OF THE 21 st CENTURIES)	102
<i>Morozova E. N. (Saratov)</i>	
EARLY ZEMSTVO LIBERALISM IN THE PROVINCE: V. A. FEDOROVSKY	113
<i>Esetov N. E. (Aktobe)</i>	
THE LAND ISSUE IN THE KAZAKH ECONOMY OF THE URAL-TURGAI REGION OF KAZAKHSTAN IN THE SECOND HALF OF THE 19 th – EARLY 20 th CENTURY	123
<i>Fortun A. A. (Saratov)</i>	
INSTITUTE OF PROVISIONAL GOVERNMENT COMMISSARS (BASED ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV PROVINCE)	129
<i>Gumenyuk A. A. (Saratov)</i>	
COMPLAINTS AND INSTRUCTIONS AS AN INDICATOR OF THE USSR POPULATION'S LIVING STANDARDS DYNAMICS IN THE SE- COND HALF OF THE 1950S – MID 1980S (ACCORDING TO THE MA- TERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)	137

INTELLECTUALS, INTELLECTUAL
ASSOCIATIONS AND INTELLECTUAL PRACTICES

<i>Pfanenshtil N. G. (Kazan)</i>	
AUTHORITIES AND SOCIETY ON THE STUDY OF HISTORY: THE FORMULATION OF HISTORICAL EDUCATION IN SECONDARY SCHOOL AND THE PROBLEM OF EDUCATIONAL LITERATURE DURING THE LIBERAL REFORMS OF THE 60S OF THE XIX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF PEDAGOGICAL DISCUSSIONS)	145

<i>Nikolaev N. Yu. (Volzhsky)</i>	ANTI-WAR IDEAS IN RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT AT THE END OF THE XIX CENTURY	158
<i>Chebotareva A. V. (Donetsk)</i>	TRAINING OF LECTURERS-PROPAGANDISTS OF PARTY EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF DONBASS)	167
<i>Danilov V. N. (Saratov)</i>	LOOKING AT THE FOREIGN EXPERIENCE OF TEACHING A SCHOOL COURSE OF HISTORY DURING THE PREPARATION OF SOVIET TEXTBOOKS IN THE 1930S	173
<i>Ramazanov S. P. (Volzhsky), Kirsanova E. S. (Seversk)</i>	HISTORIOGRAPHIC SCHOOL AT TOMSK UNIVERSITY AND ITS LEADERS	184
<i>Yumasheva T. A. (Balashov)</i>	RELIGIOUS EXTREMISM: HISTORY AND MODERNITY	190

HISTORICAL MEMORY, INSTITUTIONS AND PLACES OF THE MEMORY

<i>Mayorova A. S. (Saratov)</i>	THE SIGNIFICANCE OF THE SARATOV PROVINCIAL STATISTICAL COMMITTEE HISTORIANS' WORKS FOR THE 19 th CENTURY HISTORY STUDIES OF THE SARATOV VOLGA REGION	193
<i>Belyakov V. C. (Moscow)</i>	EMPIRICAL VALUE OF PRE-REVOLUTIONARY NEWSREELS IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY	202
<i>Izergina N. I. (Saransk)</i>	POLICY OF MEMORY IN THE FORMATION OF RUSSIAN IDENTITY	209
Information about the authors		218
Content		221

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ**

Сборник научных статей

ВЫПУСК 4

Материалы IV Международной научной конференции,
посвященной 110-летию Саратовского университета
(Саратов, 17 мая 2019 г.)

Под редакцией В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Джорджия. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 300 экз. Заказ №301

Издательство «Саратовский источник»

г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.

Тел. (8452) 52-05-93

E-mail: saristoch@bk.ru

Отпечатано в типографии «Саратовский источник»